

« -

»

Handwritten signature

ESG-

5.2.3. -
()

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УСТОЙЧИВОГО (ESG) РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ.....	14
1.1 Исследование парадигмы устойчивого регионального развития: основные подходы к определению и факторы влияния	14
1.2 Классификация элементов устойчивого развития регионов	32
1.3 Роль институциональной среды в процессе обеспечения устойчивого регионального развития	50
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ESG-ТРАНСФОРМАЦИИ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ ЮЖНОРОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ.....	65
2.1 Анализ динамики социально-экономического и устойчивого развития субъектов Юга России.....	65
2.2 Алгоритм проведения ESG-оценки развития южнороссийских регионов	90
2.3 Механизм формирования концепции устойчивого развития регионов ЮФО и СКФО в новых экономических условиях	103
ГЛАВА 3. РАЗРАБОТКА ИНСТРУМЕНТОВ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРАТЕГИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ЦЕЛЯХ ИХ СООТВЕТСТВИЯ ПРИНЦИПАМ ESG	118
3.1 Оценка перспектив сбалансированного развития регионов ЮФО и СКФО в рамках повестки устойчивого развития	118
3.2 Формирование организационно-экономических и финансовых инструментов «зеленой» экономики для реализации региональных ESG-целей с учетом макроэкономической компоненты	139
3.3 Трансформация моделей регионального развития в целях повышения устойчивости региона.....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	184
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	201

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Функционирование региональной экономики в новых экономических и геополитических реалиях все больше зависит от общей парадигмы развития национальной экономики, которая в настоящее время развивается по сценарию перехода на максимальную независимость от импорта зарубежной продукции и технологий.

Оценка социально-экономического положения российских регионов, их стартовых условий перехода к использованию модели устойчивого развития (ESG) в новых экономических условиях, характеризуются определенной уникальностью, - происходящие и перспективные структурные трансформации, затрагивающие все без исключения отрасли, фактически «обнуляют» динамику социально-экономических показателей прошлых лет, что требует адаптации не только механизмов и инструментов оценки экономического потенциала регионов, но и разработки принципиально новых направлений их ESG-трансформации, учитывающих накопленный в прошлые годы потенциал развития и дающих возможность его эффективной реализации в краткосрочной перспективе.

Концепция перехода региональной экономики к устойчивому развитию обусловлена эволюционным развитием мировой хозяйственной системы и общества в целом. Поэтому альтернативы устойчивому развитию для тех стран и регионов, которые стремятся сохранить свои позиции на мировой (или локальной) арене на данный момент не существует, а основная задача при достижении целей устойчивого развития (ESG) заключается в поиске эффективных механизмов и инструментов развития, позволяющих преодолеть существующие для них ограничения. В теории и методологии региональной экономики в настоящее время произошло существенное сближение понятий «устойчивое развитие» и «ESG-развитие», в связи с чем сейчас они уже воспринимаются как синонимичные термины, хотя ранее устойчивое развитие подразумевало собой общую концепцию или философию регионального управления, а ESG трактовалось в более узком

плане и воспринималось как инструментарий достижения устойчивости.

Теория устойчивого ESG-развития основывается на том, что экономические, экологические и социальные факторы образуют диалектическое единство и примерно в равной степени определяют уровень регионального развития. При этом высокая степень их взаимосвязанности, взаимообусловленности и взаимодействия обеспечивается институциональной средой, лежащей в основе механизма работы каждой из трех подсистем региона. Общенациональные основы формирования и функционирования институциональной среды во многом определяют алгоритмы работы институтов устойчивого развития в регионе, однако при этом учитывают и специфические черты региональных экономик. Данные положения в совокупности характеризуют актуальность проводимого в рамках диссертационной работы исследования.

Степень разработанности проблемы. Разработке теоретико-методологических основ устойчивого развития регионов посвящены труды зарубежных исследователей, таких как Брутланд Г.Х., Медоуз Д.Х., Печчеи А., Солоу Р., Стиглиц Дж., Форрестер Дж., Хартвик Дж. и др., а также отечественных ученых, среди которых следует выделить Абалкина Л.И., Белякову Е.В., Вернадского В.И., Гранберга А.Л., Бобылева С.Н., Клейнера Г.Б., Преснякову Д.В., Райзберга Б.А., Татаркина А.И., Токаева Н.Х. и др.

Вопросы формирования эффективной системы регионального управления и сбалансированного устойчивого развития российских регионов отражены в работах Гончарова Ю.В., Зуденковой С.А., Кантемировой М.А., Каревой А.В., Макарова И.Н., Найденова А.М., Тамбовцева В.Л., Татуева А.А., Тимофеева Р.А., Ячменева Е.Ф. и др.

Проблемы разработки методического инструментария ESG-оценки и институциональных основ становления модели устойчивого развития региона изложены в научных идеях Басенко В.П., Беляевской-Плотник Л.А., Вазагова В.М., Ефремовой Л.А., Кожевиной О.В., Котова А.В., Кузьминова Я., Новоселовой Н.Н., Полтеровича В., Попова В., Романова А.А., Сорокиной

Н.Ю., Тониса А. и др.

Вопросы реализации региональных целей устойчивого развития, опирающихся на организационно-экономические и финансовые инструменты «зеленой» экономики рассмотрены в работах Аликаевой М.В., Алинова М.Ш., Антоновой Н.Е., Ануфриева В.П., Вильдановой М.М., Кадесовича О.М., Карповича О.Г., Ломакина Н.В., Набока С.Д.

Аспекты устойчивого развития отдельных южнороссийских регионов и оценка потенциала их развития представлены в научных работах Золотаревой Ю.В., Миргородской Е.О., Семиглазовой В.А., Тарановой И.В., Янченко Д.В. и др.

Указанные авторы внесли весомый вклад в теоретико-методологическое обоснование концепции устойчивого развития регионов. Однако ряд вопросов, связанных с совершенствованием методического инструментария оценки и управления устойчивым развитием региона в условиях усложнения геополитической обстановки, влияния санкционных ограничений, структурной трансформации экономики еще не получили должного отражения в научной литературе, что предопределяет необходимость проведения данного исследования.

Целью диссертационного исследования является совершенствование инструментария теоретико-методических основ управления региональной экономикой, применение которого будет способствовать эффективной трансформации сложившихся моделей регионального развития и достижению задач обеспечения сбалансированности экономической, социальной и экологической подсистем региона согласно политике пространственного развития российских территорий, базирующейся на принципах ESG-повестки.

Поставленная цель обусловила необходимость решения ряда важных задач:

- исследовать парадигму устойчивого управления региональной экономикой с точки зрения идентификации и систематизации ее элементного

состава;

- систематизировать инструментарий устойчивой трансформации региональных стратегий развития на основе определения базовых факторов влияния институциональной среды на функционирование основных подсистем региона;

- выявить индикаторы устойчивости, применяемые в процессе оценки устойчивого социально-экономического развития региона за счет анализа динамики социально-экономического развития субъектов ЮФО и СКФО;

- разработать алгоритм оценки устойчивого развития южнороссийских регионов в новых экономических условиях;

- предложить концептуальную схему трансформации моделей регионального развития, основанную на анализе комплекса индикаторов, позволяющих осуществить аналитическую оценку сбалансированного развития регионов ЮФО и СКФО.

Объектом диссертационного исследования являются социально-экономические, эколого-экономические и социо-экологические региональные процессы, находящиеся под одновременным воздействием совокупности макроэкономических, геополитических и экологических факторов.

Предметом исследования выступают регионы РФ, в том числе ЮФО и СКФО, стратегии развития которых, под влиянием трансформационных процессов в экономике, нуждаются в корректировке и актуализации, что влечет за собой необходимость совершенствования механизмов и инструментария достижения сбалансированности территориальных социально-экономических комплексов.

Соответствие темы диссертации требованиям Паспорта специальностей ВАК (по экономическим наукам). Диссертационное исследование выполнено в соответствии с Паспортом научной специальности 5.2.3. – региональная и отраслевая экономика: региональная экономика (1.3. Региональное экономическое развитие и его факторы.

Проблемы сбалансированности регионального развития. Сбалансированность региональных социально-экономических комплексов; 1.7. Факторы устойчивости региональных экономических систем).

Теоретико-методологическая основа исследования. Для исследования социально-экономических, эколого-экономических и социо-экологических процессов в региональной экономике нами использовались теоретико-методологические и практические разработки российских и иностранных ученых, работающих по проблематике регионального развития. В аналитической части работы были применены специальные инструменты системного анализа и математико-статистические методы, а также основные принципы экономического моделирования. Для визуализации фактологического материала автором были построены таблицы и рисунки, которые наглядно отражали изменения в динамике экономических параметров регионального развития.

Использованная в ходе осуществления диссертационного исследования методология позволяет учесть специфику обозначенных научных задач и проблем, требующих решения, она соответствует цели диссертационного исследования, что обеспечило достаточный уровень репрезентативности данных и позволило привести необходимую для защиты основных выводов и положений работы аргументацию.

Инструментарно-методическая база исследования представлена традиционными методами и технологиями научного познания, к которым относится анализ, обобщение данных, динамический и статический методы, методы прогнозных оценок; экономико-статистические методы. Применение данных методов способствовало получению достоверной оценки основных положений диссертационной работы и сформировала необходимую доказательную базу для защиты представленных в работе выводов, положений и элементов научной новизны.

Информационно-эмпирическая база исследования представлена статистическими и прогнозными данными, заложенными в Распоряжении

Правительства РФ от 14 июля 2021 г. N 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ», Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, региональных стратегиях устойчивого развития, а также аналитическими обзорами российских и международных фондов, рейтинговых агентств и научных организаций, данными Федеральной службы государственной статистики и ее территориальных органов, официальными данными, размещенными в сети Интернет. Институциональной базой диссертационной работы выступили Конституция РФ, законодательно-правовые и нормативные акты государственных органов РФ и ее субъектов, программные документы и стратегии регионального и пространственного развития национальной и региональной экономик.

Рабочая гипотеза диссертационного исследования. Современные тренды структурной трансформации как глобальной, так и национальной экономики определяют необходимость отказа от традиционных стратегий социально-экономического территориального развития региона и осуществление плавного перехода к использованию стратегий, реализующих сбалансированность развитие эколого-экономической, социо-экологической и инфраструктурной компонент устойчивого развития региона. Это даст возможность минимизировать негативное макроэкономическое воздействие на экономику субъектов РФ и позволит им в короткие сроки адаптироваться к новым условиям функционирования, достигать более высоких темпов роста и непрерывно повышать уровень качества жизни населения, выполняя при этом весь спектр общенациональных задач. Концепция устойчивого развития регионов призвана обеспечить выполнение региональными властями основных социально-экономических целей в рамках поддержания устойчивого развития.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ходе идентификации и систематизации элементного состава парадигмы управления региональной экономикой, направленной на

результативность проводимой социально-экономической политики, выделяются три основных группы: обеспечение высокого качества жизни населения; благоприятная демографическая ситуация; высокие показатели здоровья населения, которые несомненно не могут быть достигнуты без эффективной реализации экономических и экологических задач с использованием ESG-механизмов, позволяющих подобрать инструменты устойчивого развития региональной экономики.

2. Традиционный инструментарий стратегического развития региональной экономики следует трансформировать с учетом необходимости перехода региональных систем в устойчивое состояние. При этом институциональная среда региона может восприниматься и в качестве отдельной полноценной подсистемы устойчивого развития, и в качестве инструментария реализации каждой ее составляющей – экономической, социальной и экологической.

3. Исследование индикаторов устойчивости, применяемых в процессе оценки социально-экономического развития региона, показывает, что часть из них может быть отнесена сразу к двум типам устойчивости, например, уровень доходов населения в одинаковой степени характеризует и экономическую, и социальную устойчивость региона. Но при этом в существующих оценочных методиках недостаточно представлены показатели эколого-экономической устойчивости, и в статистических обзорах отсутствуют актуальная информация для оценки данного типа устойчивости. Поэтому диагностику устойчивого социально-экономического развития южнороссийских регионов целесообразно проводить с использованием ряда целевых показателей, которые характеризуют состояние региональной экономики, позволяющего детализировать ключевые показатели ее оценки.

4. Необходимость разработки алгоритма проведения оценки устойчивого развития южнороссийских регионов в новых экономических условиях определяется тем, что эта информация служит основой для

разработки механизма и инструментария реализации региональных ESG-стратегий, учитывающая особенности региональной экономики и позволяющая выявить те «узкие» места развития каждого региона, которые необходимо скорректировать для дальнейшей балансировки трех подсистем устойчивого развития. Результирующий показатель всех методик оценки должен сводиться к расчету одного индекса, определяющего качество реализуемых стратегий устойчивого развития – индекса качества жизни в регионе, так как именно эта цель является определяющей при реализации стратегий ESG-развития региона, а экологическая, экономическая, управленческая составляющая играют соподчиненную роль.

5. Разработка концептуальной схемы трансформации моделей регионального развития призвана отразить процессы регионального воспроизводства, то есть циклический процесс, в ходе которого производственные ресурсы региона трансформируются в рамках перехода от одной стадии к другой и на каждом из них они взаимодействуют либо с социальной, либо с экологической подсистемой региона, что обеспечивает единство модели устойчивого регионального развития. Движение ресурсов по модели «товар-деньги-товар» трансформируется в модель «ресурсы – производство - социальные блага», при этом в каждом из указанных элементов присутствует и экологическая компонента.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в разработке направлений совершенствования регионального развития на основе использования современного ESG-инструментария и внедрения отдельных элементов устойчивого развития в практику работы регионов ЮФО и СКФО в условиях санкционных ограничений, что позволит достичь оптимальных параметров развития региональной экономики.

Результаты исследования, определяющие научную новизну, состоят в следующем:

1. Раскрыта и дополнительно уточнена взаимосвязь элементов устойчивого развития региона и их целевых характеристик, обладающих

институциональной направленностью и подразумевающих сближение ключевых сфер деятельности региона в рамках ESG-модели - экономики, социальной сферы и экологии за счет трансформации институционального развития регионов, что дает возможность совершенствовать методологию исследования системных региональных проблем в рамках триады "общество - природа - экономика" и реализовывать концепцию устойчивого ESG-развития с точки зрения достижения целей межрегионального уровня и нейтрализации последствий высокой сырьевой зависимости экономики.

2. Осуществлена классификация инструментов трансформации традиционной региональной системы с экстраполяцией на систему с учетом соответствующих каждой рассматриваемой подсистеме проблем развития, в результате чего уточнено, что модернизация производства на основе внедрения НДТ и кластерообразования, совершенствование системы экономического стимулирования и активизация деятельности в инновационной и социальной сферах, поддержка цифровизации секторов экономики, совершенствование системы социальной защиты, а также обязательный учет экологической повестки в совокупности приведут к достижению основных трансформационных целей.

3. Систематизированы и дополнены показатели, применяемые в процессе диагностики устойчивого социально-экономического развития региона, распределенные по видам устойчивости согласно трехчастной ESG-модели устойчивого развития: экономическая устойчивость (показатели промышленного производства и объемов выпуска продукции по основным секторам экономики; темпы строительства; объем инвестиций в основной капитал и структура источников финансирования; динамика объемов сбережений; результативность функционирования предприятий региона, определяемая уровнем их прибыльности), социальная устойчивость (демографические показатели, определяемые с помощью анализа динамики притока населения, а также соотношения естественного прироста и убыли населения; качество жизни населения; уровень потребления, определяемый в

частности показателями розничного товарооборота и уровнем доходов в регионе), экологическая устойчивость (место региона в рейтинге экологического благополучия регионов РФ), что позволило выявить и дать объективную оценку динамики устойчивого развития субъектов Юга России в новых экономических условиях.

4. Предложен алгоритм проведения оценки устойчивого развития южнороссийских регионов с учетом их специфики, предполагающий осуществление оценки по показателям, сформированным не в зависимости от подсистем устойчивого ESG-развития (экономической/управленческой, социальной и экологической), а по показателям, отражающим эффективность работы тех инструментов, которые отвечают за реализацию основных целей устойчивого регионального развития, что позволит преодолеть ограниченность оценок, которые рассматривая экологическую, социальную и управленческую компоненту, игнорируют экономическую составляющую, а также учесть именно те цели, которые важны для устойчивого развития территорий Юга России.

5. Разработана парадигма трансформации традиционной модели регионального развития в ESG-модель устойчивого развития региона на основе комплекса индикаторов, позволяющих осуществить аналитическую оценку сбалансированного развития регионов ЮФО и СКФО, что позволило перейти от традиционного рассмотрения региона как взаимосвязи двух подсистем – экономической и социальной, - к новой эволюционно обусловленной модели, в которой привычные параметры социально-экономического развития дополняются экологической подсистемой, а также обретают институциональную надстройку.

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении основных индикаторов устойчивого развития региона и расширении существующего инструментария стратегического развития региональной экономикой с учетом необходимости трансформации региональных систем на пути их перехода в устойчивое состояние, достижение которого на данной

стадии экономического развития является эволюционно обусловленным этапом развития региональной экономики. Также теоретические результаты исследования могут быть использованы в преподавании учебных курсов «Региональная экономика», «Региональная экономическая политика», «Национальная экономика».

Практическая значимость исследования заключается в том, что ее отдельные результаты могут быть использованы в практической деятельности органов государственной региональной власти в процессе разработки стратегий устойчивого сбалансированного развития регионов и проведения мероприятий, направленных на трансформацию моделей регионального развития, предполагающих эффективное использование современных организационно-экономических и финансовых инструментов управления, в том числе с учетом принципов «зеленой» экономики.

Апробация результатов исследования. Некоторые аспекты исследования изложены на всероссийских научно-практических конференциях, проходивших в Москве, Праге (Чехия), Курске, Тюмени, Новосибирске и т.д. Отдельные положения внедрены в практическую деятельность Министерства экономического развития Республики Северная Осетия-Алания, что подтверждается справками о внедрении результатов научного исследования.

Публикации и структура работы. По теме диссертационного исследования опубликовано 10 научных работ общим объемом – 4,5 п.л., из которых 3 работы в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Диссертация состоит из введения, трех глав (9 параграфов), содержащих 17 рисунков, 23 таблицы, заключения, трех приложений и списка литературы, включающего 152 наименования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УСТОЙЧИВОГО (ESG) РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

1.1 Исследование парадигмы устойчивого регионального развития: основные подходы к определению и факторы влияния

Все больше проявляющиеся тенденции по регионализации экономик и смене технологических укладов являются отражением тех изменений, которые связаны с ролью регионов в национальных и мировой экономиках. Глубокие структурные трансформации в российской экономике со все больше проявляющимися чертами автаркии и признаками перехода на военную экономику обуславливают смену механизмов общественного производства и функционирования регионов. В существующих условиях ожидается достаточно серьезная перестройка стратегий социально-экономического развития всех субъектов РФ и, в частности, коренная трансформация системы межрегиональных взаимоотношений и финансового обеспечения регионального развития. Вне зависимости от происходящих изменений основная цель регионального управления всегда остается неизменной – это обеспечение должного качества жизни населения. Именно эта цель и предопределяет необходимость и актуальность рассмотрения в любых экономических реалиях вопросов перехода от традиционных стратегий регионального развития к стратегиям устойчивого развития региона, так как только они могут обеспечить сбалансированность выполнения трех видов региональных задач – экономического роста, социального развития и экологической безопасности.

Проведенный анализ теоретического и практического опыта развития региональных систем дает возможность формулировки новой парадигмы устойчивого регионального развития как совокупности концептуальных

положений и принципов регионального развития¹, дополненных принципами территориальной ESG-стратегии, то есть стратегии устойчивого развития.

Прежде чем рассматривать те изменения, которые затрагивают традиционную концепцию регионального развития в связи с ее реорганизаций по критериям устойчивого развития, проанализируем основные подходы к определению понятия устойчивого развития и региональной устойчивости.

Первое использование термина «устойчивое развитие» связано с докладом 1972 года «Пределы роста» Римского клуба, в рамках которого рассматривались условия развития экономик разных стран, которые бы обеспечивали формирование устойчивой модели мира. Необходимость перехода к такому виду модели объяснялась проблемой резкого экспоненциального роста населения Земли, сопровождающегося истощением природных ресурсов и ростом экологической напряженности.

Публикация данного доклада привлекла большое внимание ученых к проблемам экологического развития стран и отдельных макрорегионов, и в этом же году состоялась конференция ООН по вопросам окружающей среды, в ходе которой участники пытались обозначить механизмы сбалансированного развития окружающей среды и экономического роста. Однако данная задача решена не была, а, скорее, было проведено противопоставление экономического и экологического развития друг другу и эти процессы были обозначены как противоположные, преследующие разные задачи и не дающие возможность обеспечения сбалансированного развития экономик.

Однако уже через несколько лет стали популярны научные труды, в которых ученые рассматривали устойчивое развитие как процесс построения экономических моделей, основная цель которых – это обеспечение долгосрочных интересов и забота о будущих поколениях, поэтому

¹ Белякова Е.В. Новая парадигма регионального развития// Проблемы современной экономики.2009. № 2. с. 36

экономические и экологические интересы, согласно новой точки зрения, должны рассматриваться в рамках единого эколого-экономического механизма, и возможно найти такие траектории развития экономик, в которых будут сбалансированы текущие задачи экономического развития, и перспективные задачи сохранения благоприятной экологической ситуации и достаточности природных ресурсов.

Американский экономист-неокейнсианец Дж. Стиглиц обосновал данную точку зрения тем, что должное внимание к процессу разработки и внедрения достижений НТП в национальные экономики поможет избежать истощения природных ресурсов в будущем, а лауреат нобелевской премии за достижения в области теории экономического роста Р.Соул обозначил, что роста возобновляемого капитала, возможно, достигнуть за счет контроля потребления невозобновляемых ресурсов и стимулирования развития возобновляемых источников энергии и ресурсов.

В текущих условиях мы видим воплощение идей Дж. Стиглица на практике, например, стимулирование предприятий к внедрению наилучших доступных технологий (НДТ) должно решить одновременно две проблемы:

1. Обеспечить своевременное обновление основных фондов крупных компаний, что позволит выпускать более конкурентоспособную продукцию, уменьшить количество брака, внедрять инновационные разработки в свою деятельность, что также будет стимулировать инновационную активность предприятий и, возможно, косвенно способствовать процессам импортозамещения.

В настоящее время проблема высокого износа основных фондов является одной из самых острых проблем невозможности полноценной реализации сценария устойчивого развития в большинстве регионов РФ – как видно из таблицы 1.1. степень износа по стратегически важным отраслям достаточно высокая – от 41,9 до 72% в зависимости от вида ОКВЭД, и за последние пять лет можно отметить отсутствие каких-либо значимых положительных тенденций в этом направлении – как по РФ в целом, так и по

регионам, степень износа увеличивается во всех секторах, кроме строительства, а также транспортировки и хранения.

Таблица 1.1 – Степень износа основных фондов по федеральным округам РФ и основным отраслям в 2017 и 2021 гг, %¹

Регион	По всем ОКВЭД	Сельское хозяйство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электроэнергией, газом и паром	Водоснабжение, утилизация отходов	Строительство	Оптовая и розничная торговля	Транспортировка и хранение
2017 г.									
Российская Федерация	50,9	40,0	56,4	48,8	43,2	39,8	52,1	64,9	42,1
Центральный федеральный округ	43,2	37,3	38,1	48,8	42,6	28,6	49,1	60,9	34,1
Северо-Западный федеральный округ	44,2	44,2	45,7	51,7	46,2	49,6	47,1	44,5	40,1
Южный федеральный округ	45,2	42,4	32,4	44,1	42,8	30,9	53,3	52,3	48,4
Северо-Кавказский федеральный округ	51,9	40,6	63,8	43,9	42,2	44,0	34,2	43,9	60,0
Приволжский федеральный округ	56,4	39,5	57,0	48,0	43,4	56,3	56,3	80,4	50,8
Уральский федеральный округ	61,7	36,0	63,3	49,7	39,8	39,5	59,0	70,2	44,9
Сибирский федеральный округ	46,9	42,5	51,0	50,1	44,4	38,2	58,0	43,6	42,3
Дальневосточный федеральный округ	44,1	47,1	51,4	41,8	45,2	27,7	52,5	35,2	35,7
2021 г.									
Российская Федерация	53,0	41,9	58,5	51,8	46,9	42,5	46,1	72,0	39,2
Центральный федеральный округ	42,8	42,7	46,3	52,2	48,2	31,4	42,3	64,2	27,2
Северо-Западный федеральный округ	48,7	32,3	58,3	52,4	46,5	51,3	51,3	52,6	41,3
Южный федеральный округ	49,6	44,3	46,9	53,7	41,2	43,2	30,0	61,0	46,6

¹ Составлено автором на основании официальных данных Росстата: Основные фонды и другие нефинансовые активы [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/14304> 20.09.022

Окончание таблицы 1.1									
Северо-Кавказский федеральный округ	53,6	43,9	60,6	53,9	40,8	50,5	40,6	72,5	47,6
Приволжский федеральный округ	60,5	42,1	65,6	52,6	48,4	54,0	56,7	85,5	52,8
Уральский федеральный округ	64,4	42,0	57,7	51,4	48,8	47,0	50,3	83,4	49,9
Сибирский федеральный округ	51,3	48,0	55,4	48,9	48,9	43,6	47,7	62,2	48,3
Дальневосточный федеральный округ	45,6	40,4	61,1	47,1	43,7	33,9	55,0	22,0	38,3

По нашему мнению, фактор изношенности основных фондов является одним из критериев, определяющих необходимость и характеризующих готовность региона к внедрению концепции устойчивого развития, так как инвестирование в объекты основных средств демонстрирует уверенность предприятий в существовании в долгосрочной перспективе и их заинтересованность в осуществлении капиталовложений, имеющих длительный срок окупаемости. А как мы выяснили, концепция устойчивого развития опирается как раз на учет долгосрочных целей развития и недопустимость принятия решений, ориентированных на краткосрочное получение прибыли в ущерб долгосрочной перспективе.

2. Снизить количество производственных выбросов в атмосферу, сточные воды, сократить количество отходов за счет применения более совершенных технологий и мотивации к поиску более эффективных производственных решений с целью недопущения превышения лимитов выбросов, установленных экологически законодательством.

В связи с этим сейчас особое внимание и мирового сообщества, и всех стран по-отдельности сосредоточено на задачах по декарбонизации своих экономик и сокращению выбросов парниковых газов, которые создают особую опасность экологическому состоянию окружающей среды, особенно в промышленно развитых регионах.

Обратим внимание, что статистические данные, собираемые по этому показателю, публикуются с большой задержкой, однако даже данные за 2020-2020 год (табл. 1.2), убедительно свидетельствует об увеличении объемов выбросов за последние 10 лет и необходимости реализации мер, направленных на их снижение.

Таблица 1.2 – Объем выбросов парниковых газов (CO₂) в год, млн. тонн¹

Сектор экономики	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Энергетика	1639,3	1611,3	1606,1	1637,0	1688,7	1682,3	1597,7
Промышленные процессы и использование промышленной продукции	197,8	219,1	218,0	230,9	240,2	233,6	241,7
Сельское хозяйство	103,5	108,6	112,3	113,2	112,8	114,0	116,6
Землепользование, изменение землепользования и лесное хозяйство (поглощение ПГ из атмосферы)	-720,4	-590,0	-609,0	-603,5	-584,5	-559,0	-569,2
Отходы	71,3	85,0	87,0	89,1	91,0	92,9	95,4
Всего	1291,5	1434,0	1414,5	1466,8	1548,2	1563,8	1482,2

Также с точки зрения практического воплощения приняты к вниманию и положения теории экономического роста Р.Соула в части развития альтернативных направлений роста возобновляемого капитала – это проявляется в повсеместном внедрении принципов «зеленой» экономики и развитии тех секторов экономики, которые связаны с альтернативными источниками энергии, а также внедрением ряда механизмов и методов циркулярной экономики в деятельность отдельных предприятий, кластеров или даже целых отраслей.

Так, например, согласно прогнозу ИНЭИ РАН, вне зависимости от реализации консервативного, инновационного сценария или реализации энергоперехода, доля источников возобновляемой энергетики будет

¹ Охрана окружающей среды в России. 2022: Стат. сб./Росстат. – 0-92 М., 2022. с. 32

возрастать, однако, текущая геополитическая и экономическая ситуация в РФ и ЕС ставит под вопрос реализуемость даже консервативного сценария, так как на практике мы видим все больший отход от сценариев реализации «зеленой» экономики ввиду масштабного роста цен на газ и электроэнергию для европейских стран, и значительное сокращение инвестиций в альтернативную энергетику и ограничения доступа к зарубежным технологиям в РФ. Все это, как ожидается, приведет к достаточно серьезному пересмотру сценариев развития не только альтернативной энергетики и «зеленых» отраслей¹, но и поставит вопрос об актуальности задач устойчивого развития для большинства стран, так как по мнению некоторых экспертов, в текущих условиях финансирование программ устойчивого развития является не приоритетным².

В рамках нашего исследования мы намерены доказать, что концепция устойчивого развития для регионов вне зависимости от экономической или политической ситуации уже является единственно возможным вариантом развития, который призван обеспечить выполнение региональными властями основных целей своего функционирования, которые, как мы уже отмечали, заключаются в повышении уровня жизни населения на вверенной им территории. Поэтому концепция устойчивого развития должна восприниматься не как один из возможных вариантов регионального развития, а как эволюционно обусловленный этап развития региональной экономики. Для понимания сущности такого восприятия концепции устойчивого развития следует проанализировать базовые подходы к определению устойчивого развития, приведенные в таблице 1.3.

¹ Прогноз развития энергетики мира и России 2019 года. М: ФГБУН «Институт энергетических исследований Российской академии наук» НОУ Московская школа управления СКОЛКОВО.2019. с. 28

² Саитова В. «Шаги назад»: что будет с ESG-проектами после ухода иностранных компаний// РБК. 2022. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/green/632873db9a794758d8eef01e> Дата обращения: 22.09.2022

Таблица 1.3 – Эволюция развития термина «устойчивое развитие» за рубежом и в РФ¹

Название документа и год выпуска	Автор	Определение термина
Доклад «Наше будущее», 1987 г.	Международная комиссия по окружающей среде и развитию - комиссия Брундтланд	развитие, при котором удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности ²
Повестка дня на XXI век 1992 г.	ООН	Исполнение потребностей без ущерба для будущих поколений, включающее в себя 17 целей устойчивого развития и три составляющих - социальную, экономическую и экологическую ³
Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, 1996 г.	Указ Президента РФ	стабильное социально-экономическое развитие в рамках сохранения природной основы и обеспечения восстановления естественных экосистем ⁴
«Будущее, которого мы хотим», 2012г.	ООН	длительное благополучное развитие, нацеленное на повышение качества жизни людей, что предполагает обеспечение глобальной устойчивости путем решения социально-экономических задач на основе принципов зеленой экономики, предусматривающих одновременное решение и глобальных экологических проблем ⁵
Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 г., 2013.	Правительство РФ	решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности ⁶

¹ Составлено автором по результатам исследования

² World Commission on Environment and Development. Our Common Future. 1987, p. 13.

³ Agenda 21, Programme of Action for Sustainable Development, UN Doc A/Conf.151/26, 1992., p.124

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»//СПС Консультант Плюс

⁵ Итоговый документ Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, 2012 г.) «Будущее, которого мы хотим».

⁶ Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 г. (утв. Президентом РФ 30 апреля 2012 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/.

Несмотря на присутствие в каждом из источников разных формулировок определений устойчивого развития, нельзя не отметить достаточно четкую приоритизацию в каждой из них выполнения экологических целей, а также наличие в каждом документе указания на системообразующие признаки устойчивого развития, которые заключаются в целенаправленной деятельности государств (регионов) по достижению сбалансированного развития экологической и экономической компоненты, что может быть достигнуто за счет использования достижений научно-технического прогресса и инновационных разработок, внедрение которых в систему национальных или региональных экономик будет происходить с учетом социальных потребностей общества и интересов настоящего и будущего поколений, связанных с обеспечением их экономического и экологического благополучия.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует четкая формулировка понятия «устойчивое развитие» (ESG), что в определенной степени затрудняет не только эффективное применение правовых норм, содержащих данный термин, но и дает возможность различной трактовке данного термина внутри регионов, что приводит к неопределенности формирования системы ключевых показателей, формирующих базу для мониторинга степени достижения целей устойчивого развития (далее – ЦУР) и, вследствие этого, разбалансированности региональных стратегий устойчивого развития. В целом же, отсутствие законодательно закрепленной формулировки устойчивого развития приводит к ухудшению исполнения основных целей и задач и не дает возможности однозначной трактовки данного термина как субъектами РФ, так и отдельными хозяйствующими субъектами.

Вместе с тем, так как идея устойчивого развития тесно связана с проблемами природоохранного характера, справедливым будет при характеристике данного термина с позиции регионального рассмотрения

отдавать приоритет экологической составляющей, даже с учетом того, что концепция устойчивого развития в процессе своей эволюции претерпела существенные изменения и сейчас представляет собой общеизвестную трехчастную модель (рис. 1.1).

Рисунок 1.1. - Сферы и инструменты управления исходной модели устойчивого регионального развития (ESG), подлежащая трансформации в новых экономических условиях¹

Анализ представленной схемы показывает, что три блока управления представлены экологической, экономической и социальной сферой, которые при рассмотрении параметров устойчивого регионального развития трансформировались из общепринятой триады Environmental, Social, and Corporate Governance, (соответственно, экологическое, социальное и корпоративное управление), в связи с усилением в ESG-повестке экологической составляющей, а также все более глубоким проникновением социальных и экологических вопросов в экономическую систему региона.

Изучение современных научных трудов в этом направлении, представленных ведущими отечественными учеными в области

¹ Составлено автором по материалам статьи Омаров Ш. А.-О. Системно-динамическая модель устойчивого развития региона// Бизнесинформ. 2012. № 2. с. 354

региональной экономики¹, показывает, что при исследовании параметров устойчивого развития регионов, все чаще используются экономические показатели, в связи с чем мы сочли целесообразным рассматривать ESG-концепцию развития региона, в том числе, именно с этой точки зрения – как единства экономической, социальной и экологической сферы региона, а государственное управление рассматривать как необходимую для реализации ESG-принципов институциональную надстройку.

Прямое и косвенное воздействие на региональные подсистемы осуществляется посредством соответствующих инструментов развития:

- инструменты инновационного развития определяют успешность развития экономической и экологической сферы, что позволяет обеспечить достижение приемлемого состояния внешней среды, определяющего в свою очередь и стабильность социальных процессов в регионе, а также позитивный характер социальных изменений;

- успешность внешнеэкономической деятельности напрямую связана с развитием экономической сферы региона, в частности именно здесь достигается активация инвестиционных процессов со стороны нерезидентов региона и обеспечивается поступление налогов в региональный бюджет. Можно сделать достаточно простой вывод, состоящий в том, что чем активнее внешнеэкономическая политика региона, тем более высока бюджетная обеспеченность региона и показатели профицита региональных и местных бюджетов. Эти цифры, в свою очередь, влияют на возможность региона к полноценной реализации социальной и экологической политики, осуществления долгосрочных инвестиционных социальных и экологических проектов, отвечающих задачам устойчивого развития региона;

¹ Например, Тяглов С.Г., Коноваленков С.В. Концепция экспресс-оценки устойчивого развития региона // Вестник РГЭУ РИНХ. 2019. №2 (66). с. 147-153; Реализация ESG-принципов в стратегии устойчивого развития экономики России. Коллективная монография: Вовченко Н.Г., Кузнецов Н.Г., Макаренко Е.Н., Алифанова Е.Н., Абубакаров К.М., Алексеева И.В., Алексейчик Т.В., Андреева О.В., Баланова М.М., Бердников С.В., Богатая И.Н., Богачев Т.В., Богданова Р.М., Бодягин О.В., Боев В.Ю., Бондаренко В.А., Бондаренко Г.А., Борзенко К.В., Буртовая Н.В., Бухов Н.В. и др. Ростов-на-Дону, изд-во РГЭУ (РИНХ), 2022. 158 с.

- в целом все используемые регионом инвестиционные ресурсы, в частности бюджетное финансирование, являются базовым инструментом сбалансированного развития всех сфер региона, что обеспечивает достижение состояния устойчивого равновесия.

При этом сбалансированное взаимодействие двух сфер позволяет достичь определенного уровня равновесного состояния внешней среды, что позволяет говорить о том, что использование каждого из указанных инструментов влияет на каждую сферу деятельности региона, пусть и с разной силой.

Такой подход определяет основные точки зрения ученых относительно того, что представляет собой процесс устойчивого развития региона (табл. 1.4). Здесь также, несмотря на разные формулировки определений, можно выявить достаточно большое сходство подходов к характеристике данного процесса.

Мы считаем целесообразным сформулировать данное определение с точки зрения тех целей, которые стоят перед российскими регионами в новых экономических условиях, и в связи с теми задачами, которые обозначены в стратегии социально-экономического развития РФ с учетом действующих санкционных ограничений. Итак, устойчивое развитие региона представляет собой эволюционно обусловленный процесс трансформации традиционной социально-экономической системы региона, связанный с необходимостью учета экологической компоненты на всех стадиях общественного воспроизводства и развития социальной сферы, а также отвечающий потребностям экономики, переживающей период структурной трансформации, связанной с необходимостью выполнения задач импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета страны, за счет использования соответствующего инновационного организационно-управленческого инструментария – цифровизации, кластеризации, экологизации и т.д.

Таблица 1.4. – Основные подходы к определению термина «устойчивое развитие региона»¹

№	Авторы	Формулировка определения
1	Г.В. Гутман, А.А. Мироедов, С.В. Федин	Особое состояние социо-эколого-экономической системы, создающее предпосылки для прогрессивного развития территории за счет обеспечения внутреннего и внешнего равновесия и формирование полноценных условий для перехода региональной экономики на качественно другой, более высокий уровень функционирования ² .
2	А.А. Шалмуев	Формирование модели регионального управления, позволяющей достигать целей улучшения благосостояния населения локальной территории и поддерживать динамическое равновесие развития экономической системы и обеспечения экологического благополучия. ³
3	В.И. Данилов-Данильян, Н.А. Пискулова	Специфический этап общественного развития, характеризующийся созданием природной основы функционирования социально-экономических систем, а также предотвращением возникновения социально-деструктивных процессов, угрожающих национальной, социальной, экономической или экологической безопасности общества ⁴
4	О.А. Лукинова, Н.Д. Писаренко	Качественное и целенаправленное изменение подсистем регионального развития, направленное на достижение стабильного уровня функционирования региональной экономики за счет сбалансированности финансовых, материальных и других потоков, связанных с выполнением целей повышения качества жизни населения региона ⁵
5	Д.В. Преснякова	Уникальное свойство региональной системы сохранять динамическое равновесие в условиях волатильности параметров внешней и внутренней среды ⁶
6	Л.И. Абалкин	Обеспечение для всех участников региональной системы условий безопасности и стабильности, а также способность самой региональной системы к постоянному обновлению и совершенствованию
7	К.А. Фостер, Е.В. Хилл, Х. Виал, Х. Волман	Способность региональной системы предвидеть, готовиться, реагировать и восстанавливаться после беспорядка, экономических потрясений, скорость перехода от одного социально-экономического состояния к другому ⁷

¹ Составлено автором по результатам исследования

² Гутман Г.В. Управление региональной экономикой. – М.: Финансы и статистика. 2001. с. 16

³ Шалмуев А.А. Теоретико-методологические основы устойчивого развития региона // Инновации. 2006. №3. с. 28

⁴ Устойчивое развитие: Новые вызовы: Учебник для вузов/ Под общ. ред. В. И. Данилова-Данильяна, Н. А. Пискуловой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. с. 46

⁵ Лукинова О.А., Писаренко Н.Д. Выбор приоритетных вариантов инновационного устойчивого развития региона с помощью метода принятия управленческих решений // Инновации и инвестиции. 2018. № 3. с. 6

⁶ Преснякова Д.В. О дефинициях «Устойчивость» и «Устойчивое развитие» в экономической науке // Социально-экономические явления и процессы. - 2011. - № 8. с. 130

⁷ Foster K.A. A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience. - URL: <http://iurd.berkeley.edu/wp/2007-08.pdf>, Hill E.W., Wial H., Wolman H. Exploring Regional Economic Resilience. - URL: https://www.researchgate.net/publication/286379676_Exploring_Regional_Economic_Resilience

Предложенное нами определение отвечает текущим задачам развития российских регионов, а также обозначает нацеленность текущего выполнения задач на перспективу и учет долгосрочных интересов развития территорий. Рассмотренная трёхчастная модель развития региона может быть дополнена различными факторами, определяющими развитие каждой из сфер региона, а также в разные исторические периоды времени может предполагать выделение и большего количества компонент:

- группа традиционных экономических факторов устойчивого развития;

- экологические факторы определяют следование региона закону сбалансированного природопользования. Поэтому в рамках исследования данной группы факторов определяются темпы воспроизводства природных ресурсов, экологическое благополучие региона, уровень выбросов в атмосферу и сточные воды загрязняющих веществ, уровень переработки отходов, развитие в регионе источников альтернативной энергетики и других «зеленых» отраслей экономики;

- социальные факторы предполагают мониторинг воспроизводства населения и миграционных потоков, уровня доходов населения и его обеспечения социальными услугами. На основе множества показателей рассчитываются совокупные индексы человеческого потенциала, оценивается уровень трудовых ресурсов и демографическая ситуация. В качестве дополнительного фактора исследуются социокультурные показатели;

- особого внимания в текущих условиях заслуживает группа политико-правовых факторов устойчивого развития, которая определяет геополитические компоненты модели регионального развития, эффективность функционирования политических институтов, уровень развития различных общественных организаций, возможность достижения баланса между федеральными и региональным государственным управленческим центром.

Приоритетное внимание в повестке устойчивого регионального развития уделяется созданию в регионе необходимой инфраструктуры, которая является неотъемлемым элементом региональной экономики, обеспечивающим эффективное пространственное развитие и результативную организацию экономических взаимоотношений между экономическими субъектами, а также позволяющим сохранить стабильные условия функционирования в периоды неблагоприятных внешних воздействий и кризисных явлений¹.

Согласно данным доклада Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования², у РФ существует три основных развития национальной экономики в условиях обострения геополитической обстановки и введенных санкционных ограничений, при этом, по нашему мнению, происходящие политические, экономические и социальные процессы по итогам 9 мес. 2022 года, убедительно свидетельствуют о том, что выбранный сценарий развития является автаркией, вероятность реализации которого еще в середине 2022 года оценивалась экспертами на уровне 13%

В связи с этим имеет смысл рассмотреть те макроэкономические условия данного режима функционирования экономики, которые в значительной степени будут определять реализацию региональных стратегий устойчивого развития. К таким условиям в условиях автаркии относятся:

- максимальное импортозамещение, которое в текущих условиях будет сопровождаться снижением технологического уровня выпускаемой продукции, что обострит вопросы производства конкурентоспособной продукции, особенно в стратегически важных отраслях экономики;

- падение уровня жизни населения, что актуализирует проблематику регионального развития в рамках концепции, устойчивого развития, так как в

¹ Шишкина Е.А. Формирование устойчивой инфраструктуры региона: подходы к определению и оценке // Вестник экономики, права и социологии. 2022. №1. с. 45

² «Что дальше? Контуры сценариев долгосрочного прогноза». Доклад Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2022/TT2022_13.pdf Дата обращения: 29.08.2022

сложившейся ситуации необходима особенно тщательная проработка инструментов социальной политики и механизмов социальной поддержки населения, а также поддержание необходимого уровня экологической безопасности как важного компонента качества уровня жизни населения;

- переход к военной экономике, который обусловит значительное снижение экономического роста во многих секторах экономики, и, прежде всего, в сфере услуг. В связи с этим российскую экономику ожидает достаточно резкая структурная и отраслевая перестройка, что актуализирует вопросы обеспечения устойчивого регионального развития в новых условиях, а также обуславливает дифференциацию процессов разработки стратегий устойчивого развития в зависимости от складывающегося социально-экономического положения того или иного региона РФ.

В то же время, как ни странно, режим автаркии в определенной степени соответствует основным положениям устойчивого развития, - об этом можно судить по отдельным теоретическим положениям, например, ученых Г. Дейли и Р. Костанза, которые рассматривают устойчивое развитие как «развитие без роста», где определяющей характеристикой является социальная устойчивость, а экономический рост достаточно сильно ограничен рамками несущей способности систем жизнеобеспечения¹. Согласно положениям экологической экономики, которая во многом стала базой для разработки современной концепции устойчивого развития, экономическая активность должна быть строго подчинена экологическим ограничениям.

Нетрудно заметить, что переход к режиму автаркии фактически предполагает существование таких же условий, поэтому должен рассматриваться не как ограничение устойчивого развития, а скорее как одна из характеристик функционирования национальной экономики, которая определяет специфику формирования стратегии устойчивого развития

¹ Costanza R., Daly H.E. Natural Capital and Sustainable Development // Conservation Biology. Mar., 1992. Vol. 6. No. 1. Pp. 37—46 [Electronic resource]. Mode of access [http://www.life.illinois.edu/ib/451/Costanza%20\(1992\).pdf](http://www.life.illinois.edu/ib/451/Costanza%20(1992).pdf)

заданной территории. Такой подход к пониманию сущности устойчивого развития получил название «сильной устойчивости».

Противоположным подходом является антропоцентрический подход, или концепция слабой устойчивости, которая считает, что драйвером устойчивого развития является экономический рост, который в первую очередь достигается за счет внедрения инновационных разработок и результатов научно-технического прогресса (например, за счет использования наилучших доступных технологий), что позволяет преодолеть фактор ограниченности природных ресурсов возможностью их альтернативной замены (возобновляемая энергетика) и существенно снизить выбросы вредных веществ (например, технологии декарбонизации) и уменьшить количество отходов (например, механизмы рециклинга).

Отметим, что концепция слабой устойчивости привлекательна для регионов тем, что она формируется по тем правилам, которые устанавливает само общество, например, сохранение биоразнообразия на заданной территории; тщательный отбор инвесторов-нерезидентов для развития региона; обеспечение экологической безопасности и максимальное сохранение «зеленых» зон¹.

Анализ применяемых на практике подходов к устойчивому развитию регионов, стран и макрорегионов показывает, что концепция слабой устойчивости являлась наиболее приемлемой для всех развитых стран до последнего времени, какая концепция станет приемлемой в новых условиях – покажет время.

Вариант же развития концепции сильной устойчивости в нашей стране наряду с появляющимися признаками автаркии приобретает все более реалистичные очертания для всего мирового сообщества, так как в последнее время достаточно сильно начали проявляться признаки пришедшим на смену глобализации, регионализации и глокализации. Процессы глокализации

¹ Старикова Е.А. Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2017. №1. с. 12

свойственны не только макрорегионам и отдельным странам, но и регионам внутри страны, а по совокупности характеризующих эти процессы признакам частным случаем глокализации можно считать кластеризацию экономики.

По своей сути термин «глокализация», введенный в научный оборот английским ученым Р. Робертсоном¹, соответствует понятию «новый регионализм» и достаточно сильно совпадает с основными положениями устойчивого регионального развития. Его реализация происходит на принципах концепции слабой устойчивости, то есть он реализуется снизу-вверх, от общества – к региональным органам власти, а среди приоритетных вопросов, кроме экономических, находятся проблемы обеспечения безопасности и сохранение благоприятной экологической обстановки на основе тесного взаимодействия государственных, социальных и культурных институтов.

Таким образом, концепцию устойчивого развития можно с полным основанием считать одним из наиболее ярких примеров перехода региональных экономик к парадигме глокализации².

Проведенное нами в рамках данного параграфа исследование парадигмы устойчивого регионального развития показало, что даже в условиях достаточно неблагоприятных экономико-социальных изменений, трансформация стратегий регионального развития на основе принципов устойчивости является важным условием обеспечения нормальной жизнедеятельности региона и его населения, и даже более того, возможный переход к режиму автаркии, не замедлит внедрение механизмов устойчивого развития, а будет способствовать их корректному внедрению и оптимизации используемых при этом инструментов.

Основными факторами влияния на процессы устойчивого регионального развития в настоящее время являются глобальные и

¹ Robertson R., Knondker H. Беседы о глобализации: Предварительные рассуждения // международная социология. – Л., 1999. Издание 13,В»-1. –Р. 25-40. Robertson R., Knondker H. Discourses of globalization: Preliminary considerations //International sociology. – L., 1999. Vol. 13,№1 1. p. 29

² Кадейкин О.Ю. Концепция устойчивого развития как основа процесса экологической глокализации // Регионология . 2013. №3 (84). с. 128

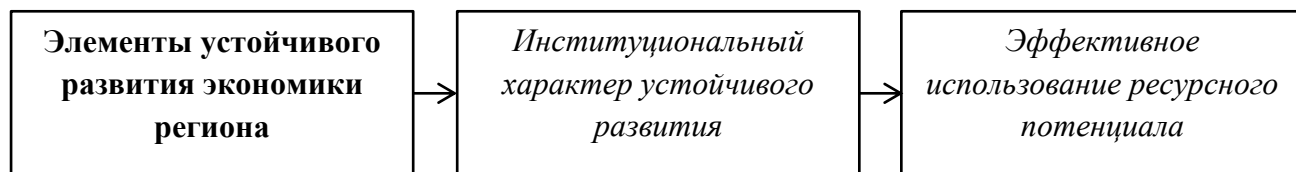
национальные факторы, к числу которых относятся наметившиеся мировые тренды на регионализацию и глокализацию, кластеризация экономик, а также геополитические процессы и санкционные ограничения. Последние два фактора обуславливают появление неопределенности развития социально-экономических систем, что в настоящее время существенно затрудняет процедуры территориального планирования и прогнозирования, а также требует корректировки уже сформированных ключевых индикаторов по достижению ЦУР.

Тем не менее, как мы показали в рамках исследования самой сущности понятия «устойчивое развитие», концепция перехода к устойчивому развитию является логичным продолжением развития региональных систем на более высоком уровне, переход на который обусловлен эволюционным развитием мировой хозяйственной системы и общества в целом. Поэтому альтернативы устойчивому развитию для тех стран и регионов, которые стремятся сохранить свои позиции на мировой (или локальной) арене на данный момент не существует, а основная задача при достижении ЦУР заключается в поиске эффективных механизмов и инструментов развития, которое позволят преодолеть существующие для них ограничения.

1.2 Классификация элементов устойчивого развития регионов

Рассмотрение региона как субъекта устойчивого развития предполагает его характеристику как воспроизводственной системы, в рамках которой осуществляется взаимодействие трех основных ресурсных подсистем¹ – экономической, социальной и экологической, что отвечает универсальной триединой модели устойчивого развития. На рисунке 1.2. приведены основные элементы устойчивого развития региона.

¹ Хафизова Ч.Д. Системообразующие элементы и факторы устойчивого развития социально-экономической системы региона // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2015. №22. с. 37

Экономика	→	Общество	→	Природа
Эффективное экономическое развитие		Социально-ориентированное развитие		Экологически безопасное развитие
Стратегия социально-экономического развития			Экологическая доктрина	
<i>Цели межрегионального уровня:</i>				
ликвидация неравенства территориального развития		социально-экономического внутрирегионального	←	рациональное использование природных ресурсов
<i>Уникальная общенациональная цель: социализация экономических и экологических проблем</i>				
Экономические индикаторы	→	Социальные индикаторы	←	Экологические индикаторы
Качество жизни		Демографическая ситуация		Состояние здоровья
<i>Единые цели регионального развития для каждого субъекта РФ</i>				

Рисунок 1.2. – Взаимосвязь элементов устойчивого развития региона и их целевые характеристики в рамках новой трансформационной модели устойчивого регионального развития¹

На региональном уровне уже достаточно давно осуществляется разработка стратегий социально-экономического развития, которые охватывают процессы планирования, прогнозирования, мониторинга и контроля достижения первых двух указанных пунктов, достижение экологических задач также регулируется отдельными региональными документами (например, Стратегия - 2030 «Природные ресурсы и экология» в Ростовской области или Государственная программа Республики Северная Осетия-Алания «Охрана окружающей среды» на 2020-2025 годы), а также встроено в традиционную стратегию развития, либо включено в цели стратегии устойчивого развития региона.

¹ Составлено автором по результатам исследования

Если рассматривать реализацию концепции устойчивого развития с точки зрения достижения целей межрегионального уровня, то здесь можно выделить основные две цели:

- на стыке взаимодействия экономической и социальной компонент находится цель сглаживания диспропорций в социально-экономическом развитии территорий;

- цель рационального использования природных ресурсов находится на первый взгляд, в области решения экологических задач, но на самом деле она как раз и определяет возможности регионов по социально-экономическому развитию и обеспечению региональной конкурентоспособности. Это обусловлено тем, что из всех видов потенциалов, экологический потенциал региона остается наименее изученным и не имеющим проверенных механизмов трансформации в реальную ресурсную базу территории. Многочисленные примеры как на уровне отдельных стран, так и на уровне регионов, показывают, что самые широкие возможности для развития могут открываться регионам с достаточно бедными запасами природных ресурсов, и наоборот, территории, обладающие богатыми ресурсами, используют их крайне неэффективно. Такое явление получило название «ресурсное проклятие» и будет рассмотрено в дальнейшем более подробно.

Устойчивое развитие территории осуществляется в целях достижения единой цели, которая является уникальной с точки зрения приоритетности рассматриваемых региональных подсистем, - социализации экономических и экологических проблем. Таким образом, обозначается подчиненность экономических и экологических задач интересам общества, в том числе и будущих поколений, что соответствует самой концепции ЦУР. И, в самом деле, если рассмотреть все возможные индикаторы устойчивого развития региона, можно отметить, что, в конце концов, они могут быть сведены к трем основным индикаторам, которые чаще всего используются для характеристики успешности проводимой социальной политики, но вместе с

тем не могут быть достигнуты без эффективной реализации экономических и экологических задач:

- обеспечение высокого качества жизни населения;
- благоприятная демографическая ситуация;
- высокие показатели здоровья населения (увеличение продолжительности жизни, снижение младенческой смертности, снижение доли заболеваний, чаще всего приводящих к смертельному исходу – сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний).

В связи с вышеизложенным, каждая из рассматриваемых подсистем является системообразующим элементом и определяет факторы устойчивого регионального развития. Так как концепция устойчивого развития на первый план выдвигает задачи обеспечения экологической устойчивости, начнем наше исследование именно с этой подсистемы.

Под обеспечением экологической устойчивости подразумевается комплекс мероприятий, который направлен на защиту окружающей среды и ее отдельных компонентов как отдельной экосистемы с учетом необходимости сохранения природного комплекса в целом. Именно с этой сферой устойчивого развития связана концепция рационального природопользования, согласно которой использование природных ресурсов должно производиться в тех объемах и такими способами, которые обеспечивают устойчивое экономическое развитие, а также гармонизацию взаимодействия общества и природной среды, рационализацию использования природно-ресурсного потенциала, экономические механизмы экологобезопасного природопользования.

При этом указывается на определенные противоречия такого определения, которое рассматривает ресурсы и природные богатства прежде всего с экономических позиций¹. Именно поэтому концепция устойчивого развития пришла на смену концепции рационального природопользования

¹ Поляруш А.А. Противоречия рационального природопользования // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. №10-2. с. 72

как более современной парадигме регионального развития, в рамках которой возможна балансировка экономических и экологических интересов территории.

Рассматривая подсистему экологической устойчивости территории в рамках ее пересечения с экономической подсистемой невозможно обойти вниманием важную проблему, актуальную как для России в целом, так и для ее большинства ее регионов в частности, получившую название «проклятия ресурсов». Данная гипотеза была сформулирована Дж. Саксом и Э. Уорнером¹ и указывала на тот факт, что большой объем природных ресурсов достаточно часто является фактором, тормозящим экономическое развитие данной территории, в то время как менее богатые ресурсами регионы демонстрируют более высокие темпы экономического роста.

Чтобы понять причины появления данной проблемы необходимо рассмотреть основные виды влияния ресурсного потенциала на темпы экономического роста, среди которых выделяют технологическое, макроэкономическое и институциональное. Вид технологического «проклятия ресурсов» тесно взаимосвязан с наличием в экономике страны или региона признаков «голландской болезни», возникающей на тех территориях, где ведется масштабная добыча природных ресурсов с их последующим экспортом. Все это сопровождается деиндустриализацией экономики, когда в ВВП страны или ВРП региона преобладающую роль играют сырьевые сектора экономики, а экспорт имеет почти исключительную сырьевую направленность. Данная ситуация была характерна для значительного периода постсоветского существования РФ, отголоски которого до сих пор продолжают негативно сказываться на развитии отечественных промышленных отраслей.

Несколько иная трактовка голландской болезни подразумевает резкое укрепление национальной валюты, которое обуславливается бурным ростом

¹ Sachs J., Warner A. The Curse of Natural Resources // European Economic Review. 2001. Vol. 45. p. 834.

экспорта товаров одной доминирующей отрасли, чаще всего – нефтегазовой или угольной. Несмотря на то, что в текущих условиях у российской экономики есть некоторые признаки «голландской болезни», сейчас отечественная экономика испытывает скорее синдром финансовой изоляции, заключающийся в том, что существует достаточный приток экспортной валюты на фоне изоляции от мирового рынка, сокращения импорта, падения объемов капиталовложений со стороны иностранных инвесторов.¹

Макроэкономическое «проклятие ресурсов» заключается в том, что имеющиеся ресурсные богатства могут оказывать на экономический рост разнонаправленное воздействие. В одних ситуациях это положительно сказывается на росте ВВП и общем экономическом развитии территории, в других – резкий рост доходов от экспорта ресурсов делают это настолько выгодным бизнесом, что у потенциальных инвесторов не возникает желания вкладывать свои средства в производственную деятельность, а это в свою очередь приводит к замедлению экономического роста.

Еще одна разновидность «проклятия» ресурсов носит институциональную природу и зависит от того, какую позицию занимает правительство в отношении использования природного потенциала территории. Например, региональные власти могут использовать пассивную стратегию – в этом случае сырьевые доходы «оседают» в региональном бюджете и расходуются по мере необходимости на социальные программы или на экологические мероприятия, связанные с восстановлением территории в ходе добычи того или иного ресурса и компенсацией экологического ущерба. Также правительство страны или региона может выбрать и другую стратегию – активную, которая предполагает стимулирование внедрения инновационных технологий, переподготовку специалистов и оптимизацию доли природных ресурсов в экспортных доходах.

Выбранная в ходе управления экономикой региона стратегия развития, в том числе в сфере использования природных ресурсов, очень хорошо

¹ Деготькова И. Голландский айсберг российской экономики// Газета. 2022. № 64. с. 3

проявляет себя при сравнении основных эколого-экономических показателей и некоторых институциональных характеристик в разрезе каждого субъекта РФ (табл. 1.5).

Таблица 1.5 - Топ-10 регионов РФ по природно-ресурсному потенциалу и уровню экономического развития по итогам 2020 года¹

Место региона согласно имеющемуся объему природно-ресурсного потенциала ²	Место региона по социально-экономическому развитию ³	Место региона по уровню коррумпированности ⁴	Место региона по экологическому благополучию ⁵	Место региона по качеству жизни, данные за 2021 г. ⁶	
1	Красноярский край	9	9	83	44
2	Республика Саха (Якутия)	35	-*	79	70
3	Ямало-Ненецкий автономный округ	61	низкий	47	15
4	Белгородская область	15	-	2	6
5	Кемеровская область	39	-	52	61
6	Пермский край	20	14	28	49
7	Иркутская область	22	-	85	58
8	Забайкальский край	66	-	81	81
9	ХМАО – Югра	3	-	72	8
10	Республика Бурятия	73	-	69	78

*прочерк означает отсутствие в списке наиболее и наименее коррумпированных районов, сам рейтинг в открытом доступе не представлен

В данной таблице приведен перечень регионов РФ, занимающих лидирующие позиции по природно-ресурсному потенциалу и сделана попытка установления соответствия имеющегося объема ресурсов

¹ Составлено автором по результатам исследования

² Четверть природных ресурсов страны - в Восточной Сибири// Эксперт. 2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://raex-rr.com/country/region_potential/rating_of_regions_by_resources_potential#table Дата обращения: 13.09.2022

³ Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2021// РИА Рейтинг. 2021. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://riarating.ru/infografika/20210531/630201353.html> Дата обращения: 13.09.2022

⁴ В Генпрокуратуре назвали регионы — лидеры по уровню коррупции [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://gia.ru/20210309/vzyatki-1600397713.html> Дата обращения: 13.09.2022

⁵ Данные национального экологического рейтинга [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=418> Дата обращения: 19.09.2022

⁶ Индекс качества жизни «РИА Рейтинг» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://russia.duck.consulting/maps/12/2021> Дата обращения: 19.09.2022

эффективности их использования, которая также должна выражаться в высоких позициях региона по уровню социально-экономического развития и экологическому благополучию.

Анализ данной таблицы позволяет нам сделать выводы о перспективах полноценного перехода на «рельсы» устойчивого развития для указанных регионов РФ, даже не обращаясь к специальному ESG-рейтингу.

На примере самых ресурсообеспеченных регионов РФ четко видна картина того, как проявляет себя «ресурсное проклятие» в том случае, если региональным властям не удастся добиться сбалансированного развития всех трех сфер региона. Только Белгородская область показывает качественный уровень управления экологической, экономической и социальной компонентой региональной экономики, полноценно используя свой ресурсный потенциал, добиваясь при этом высоких темпов экономического роста, социального благополучия населения и при этом сохраняя одну из самых благоприятных экологических ситуаций в стране.

Объем природно-ресурсного потенциала Красноярского края также практически соответствует высокому положению региона в части его социально-экономического развития, но при этом имеется негативная институциональная характеристика (9 место по коррумпированности), и как следствие – невысокие места в рейтинге уровня жизни населения (особенно при имеющемся ресурсном потенциале) и одно из последних мест по экологическому благополучию территории.

4 из 10 анализируемых регионов демонстрируют очень высокий разрыв между имеющимся у них природно-ресурсным потенциалом и его практическим использованием на благо развития региона, например, Республика Бурятия, находящаяся на 10 месте по ресурсной обеспеченности, по всем остальным экономическим, социальным и экологическим показателям занимает практически последние места.

Приведенные данные еще раз убедительно свидетельствуют о том, что проблема «ресурсного проклятья» продолжает оставаться высокоактуальной

пусть не для всей страны, но для ее отдельных территорий. И выход из такой ситуации заключается в грамотной реализации механизмов устойчивого развития, позволяющих подобрать такие инструменты воздействия на региональную экономику, которые обеспечат улучшение работы экономических и социальных институтов, создадут необходимые стимулы устойчивого развития отраслей экономики, а также будут мотивировать абсолютно все субъекты региональной экономики на соблюдение норм экологического законодательства и трансформацию экологического мышления.

Усугубляет проявление «ресурсного проклятья» такое институциональное явление как оппортунистическое поведение элит, которое, по мнению ученых Аджемоглу Д. и Робинсона Д.А., ведет к значительному снижению темпов роста экономики даже при обладании значительным природно-ресурсным потенциалом¹. Это происходит из-за того, что оппортунистически настроенному чиновнику или политику выгоднее понести институциональное «наказание», чем уменьшить выгоды, которые можно получить от использования природных ресурсов.

Вместе с тем обратим внимание на то, что в работах многих ученых² феномен ресурсного проклятья тесно взаимосвязан с качеством институциональной среды, которое определяется качеством экономических и политических институтов. Поэтому центральная гипотеза проводимых в этом ключе исследований заключается в том, то изобилие ресурсов только тогда оказывает негативное влияние на экономический рост, если в стране отсутствует развитая институциональная среда. В связи с этим при изучении механизмов сбалансированного развития экономической и экологической сферы региона в рамках перехода на принципы устойчивого развитие

¹ Acemoglu D., Robinson J. The Economic Nature of the Resource Curse: Mechanisms // Why Nations Fail [Site]. May 23, 2013. URL: <http://whynationsfail.com/blog/2013/5/23/the-economic-nature-of-the-resource-curse-mechanisms.html> (accessed: 18 09.2022).

² Torvik R. Why Do Some Resource-abundant Countries Succeed, While Others Do Not? // Oxford Review of Economic Policy. 2009. Vol. 25. No 2. p. 241-256., Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятья». М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007. и др.

приоритетное внимание необходимо уделять оценке институциональной специфики экономики конкретного региона.

Следование принципам устойчивого развития позволяет региональным властям находить оптимальный баланс между достижением необходимого уровня бюджетной обеспеченности региона и формированием условий роста экономического и налогового потенциала регионов, происходящего в рамках соблюдения всех требований и норм экологического законодательства. Это обуславливает использование таких механизмов государственной поддержки устойчивого развития региона, которые носят не перераспределительный характер (межбюджетные трансферты от высокоразвитых регионов - слаборазвитым), а структурный, подразумевающий финансирование экономики региона с учетом ее специфики.

Практическая реализация концепции устойчивого развития позволяет региону не допустить состояния голландской болезни и преодолеть его в случае возникновения за счет сбалансированного развития всех сфер экономики, а также проведения грамотной социальной и экологической политики. Рассматривая явление «проклятия ресурсов», мы фактически перешли к рассмотрению второго элемента устойчивого развития региона – экономической устойчивости.

Как правило, экономическая устойчивость региона подразумевает его возможность обеспечить своим жителям достаточно высокий уровень благосостояния в долгосрочной перспективе. Кроме того, достаточный экономический рост стимулирует инновационную деятельность предприятий и внедрение более совершенных технологий, которые будут способствовать не только производству более конкурентоспособной продукции, но и позволят модернизировать производственные и технологические процессы в целях их большей экологической ориентации. Разнообразие точек зрения по поводу того, является ли экономический рост абсолютно позитивной характеристикой развития региональной экономики, или же ему присущи и отрицательные черты, мы уже рассмотрели выше. Фактически рассматривая

функционирование экономики региона на стыке экономической и экологической плоскостей, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о том, следует ли региону неограниченно наращивать свой экономический и/или производственный потенциал, или же следует на определенном этапе ограничить темпы роста и сосредоточиться на развитии социальной сферы и сохранении окружающей среды.

Взаимосвязь экономической и социальной сфер региональной устойчивости основана на традиционном механизме управления социально-экономическим развитием территории, в рамках которого осуществляется определение приоритетных направлений социальной политики и выбор методов и инструментов ее реализации. При этом экономическая политика носит подчиненный характер по отношению к социальной.

Среди трех компонентов устойчивого развития, наименее изученной остается социальная компонента, которая вошла в состав модели устойчивого развития позже двух остальных. Кроме того, само понятие социальной устойчивости является достаточно размытым и в самом общем виде может быть определено как модель общества, которая создается целенаправленно и сохраняется в течение определенного промежутка времени. Один из основных признаков социальной устойчивости – это обеспечение равенства и справедливости для всех членов общества.

Представляется интересной позиция ученых в отношении того, каким образом осуществляется взаимоувязка уровня социальной защищенности населения и качества окружающей среды:

- во-первых, доступ населения к ресурсам на разных территориях – разный, что определяет возможность использовать их не только для удовлетворения собственных потребностей, но и для целей экономического роста. Но при этом, наличие природных ресурсов не всегда идет на пользу региону. Например, ряд примеров освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири показывает, что их освоение значительно ухудшает экологическую обстановку в регионе, разрушает естественный ландшафт, а

возводимая инфраструктура при этом имеет краткосрочный характер (ее невозможно применять при реализации других проектов), рабочая сила привлекается вахтовым методом (не оказывает влияние на снижение безработицы в регионе), а уплаченные разработчиком налоги почти полностью уходят в федеральный или столичный бюджет (так как компании-разработчики зарегистрированы в Москве). В итоге регион получает нарушенную экосистему на восстановление которой просто нет ресурсов;

- во-вторых, изменения климата могут усугубить социальное неравенство, - это связано с тем, что экологическая ситуация напрямую сказывается и на сельском хозяйстве, и на животноводстве, следовательно доступ к сокращающимся объемам продовольствия смогут получать более обеспеченные слои населения. На этом фоне обращает на себя внимание популяризация на Западе употребления в пищу насекомых и приводящиеся доказательства полезности таких продуктов, которые чуть ли не превосходят по своим полезным характеристикам мясные продукты. Таким образом, создается ощущение, что часть населения готовится к необходимости перехода на более «доступное питание»;

- в-третьих, все социальные катаклизмы – войны, дискриминация части населения, гонения, вынужденные миграции, прямо или косвенно ведут к тому или иному ухудшению экологической ситуации на определенных территориях.

Еще один подход к определению социальной устойчивости подразумевает переход на другой уровень рассмотрения проблемы – инфраструктурный. С этой позиции можно рассматривать необходимость создания в регионе устойчивой инфраструктуры как необходимого элемента обеспечения экономической, социальной, экологической и институциональной устойчивости региона, то есть как необходимый базис обеспечения устойчивости территории¹.

¹ Устойчивое развитие и инфраструктура. Обзор трендов в России и мире. Национальный центр государственно-частного партнерства. ВЭБ РФ. 2021. с. 20

Устойчивая инфраструктура обеспечивает функционирование каждого из элементов устойчивого развития региона в рамках трех подсистем, а также позволяет добиваться поставленных целей развития в рамках каждой сферы деятельности региона:

- с экономической точки зрения устойчивая инфраструктура обеспечивает положительную экономическую отдачу с учетом всех выгод и затрат, способствует увеличению количества рабочих мест, активизирует темпы роста ВВП, увеличивает показатели производительности труда;

- с точки зрения социальной функции, инфраструктура дает возможность реализации принципа инклюзивности (доступности для людей, независимо от каких-либо признаков) для использования каких-либо услуг, а также способствует обеспечению прав человека. Создание социально-ориентированной инфраструктуры позволяет снизить безработицу, сократить уровень бедности, повысить доступность всех видов государственных услуг;

- с точки зрения выполнения экологической функции, развитие устойчивой инфраструктуры позволяет сохранять и восстанавливать окружающую среду, добиваться минимизации выбросов вредных веществ в атмосферу, воду и почву, внедрять эффективные технологии управления отходами и принципы рециклинга, учитывает особенности развития территории и сохраняет биоразнообразие при реализации на территории региона каких-либо инвестиционных проектов, способных негативно сказаться на существующей экосистеме. Также устойчивая инфраструктура позволяет минимизировать ущерб от стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, потому что изначально создается с учетом возможности наступления определенных рисков.

Таким образом, формирование устойчивой инфраструктуры лежит в плоскости решения задач, связанных с достижением социальной устойчивости, так как предполагает создание такого общественного и физического пространства, находясь в котором человек чувствует себя в

безопасности и имеет все возможности для саморазвития, обеспечения всех потребностей и участия в общественной жизни.

Переход от традиционной инфраструктуры к устойчивой становится одной из наиболее актуальных задач устойчивого развития экономики любого региона и требует соответствующего финансового обеспечения. В связи с этим речи идет не просто об инвестировании в экономику региона, а о социально-ответственном инвестировании, предполагающего как использование специфических источников инвестирования, так и корректную постановку задач целевого инвестирования, лежащих в плоскости реализации повестки устойчивого развития¹.

Анализ представленных на рисунке принципов осуществления финансирования устойчивых инфраструктурных проектов еще раз подтверждает тесную взаимосвязь экономических, социальных и экологических задач в рамках реализации ESG-стратегии регионального развития.

Таким образом, устойчивость инфраструктуры во многом определяет устойчивость всей региональной системы и характеризует потенциал устойчивого регионального развития в будущем. Стоит отметить, что параметры устойчивости инфраструктуры во многом определяются ее отраслевой принадлежностью, а также этапом реализации инвестиционных проектов по ее созданию. Это обуславливает зависимость темпов устойчивого развития региональной экономики от ее отраслевой ориентации, то есть от того, какие отрасли экономики являются для региона приоритетными и каков на данный момент уровень их инфраструктурного обеспечения².

С учетом того, что на сегодняшний день до сих пор не существует общепринятой концепции объединения компонентов устойчивого развития в рамках единой модели, нет и четкого понимания состава элементов

¹ Устойчивое развитие и инфраструктура. Обзор трендов в России и мире. Национальный центр государственно-частного партнерства. ВЭБ РФ. 2021. с. 23

² Рейтинг устойчивости инфраструктурных проектов. Аналитический обзор InfraOne Research. 2020, с. 23

устойчивого развития. Несмотря на достаточную распространенность триединой модели устойчивого развития, существует еще достаточно большое количество точек зрения, согласно которым в данную модель нужно добавить инфраструктурное обеспечение, культурную составляющую или сферу безопасности. Обосновывается это тем, что, например, восприятие человеком социальных проблем или его забота об окружающей среде зависят от уровня его культуры, а на фоне увеличивающихся потоков миграции в отдельные регионы и явного обострения геополитической обстановки, невозможно обеспечить устойчивое развитие, не учитывая при этом принципы безопасности и стратегию ее обеспечения, как на уровне отдельного человека, так и на региональном и национальном уровнях.

С нашей точки зрения, включение в модель устойчивого развития только трех подсистем с входящими в них элементами, является целесообразным с точки зрения возможности последующего количественного измерения степени достижения целей устойчивого развития. Для каждой из указанных подсистем можно установить свой перечень целевых индикаторов, а для ответственных за их исполнение – ключевые показатели деятельности (KPI), что позволит осуществлять мониторинг исполнения региональной ESG-стратегии на основе однозначных заранее установленных показателей, и на основе сравнения плановых величин с реально достигнутыми, принимать взвешенные управленческие решения и корректировать стратегию устойчивого развития.

В то время как количественно измерить процессы в региональной сфере культуры достаточно сложно, - так попытки «измерения» культуры и культурного потенциала предпринимались в научной литературе достаточно часто, однако согласно самой известной модели – модели Г. Хофстеде¹ – культура является явлением устойчивым во времени и в пространстве относительно разных стран и регионов, однако не подразумевающим

¹ Hofstede Geert Cultures and Organizations: Software of the mind: Intercultural Cooperation and its importance for survival. New York: McGraw-Hill, 1997. p.93

возможность количественного измерения в рамках того влияния, которое оказывает культурная компонента на экологическую, экономическую и социальную.

В связи с этим, мы считаем целесообразным для целей нашей работы остановиться на традиционной триединой модели устойчивого развития региона.

Устойчивое развитие региона во многом определяется устойчивостью функционирования структурообразующих производств. В свою очередь под устойчивостью развития производства хозяйствующего субъекта подразумевается его способность сохранять прежние темпы экономического роста и объемы производства даже в случае негативных воздействий извне и успешно нейтрализовать их воздействие. Еще одна важная характеристика устойчивого производства - это способность выпускать продукцию с наименьшими издержками при сохранении такого же качества продукции, что является важным фактором конкурентоспособности не только конкретного предприятия, но и целого региона, особенно в том случае, если региональное бизнес-сообщество в целом придерживается принципов ESG-стратегии.

Все подсистемы модели устойчивого регионального развития находятся под влиянием совокупности факторов, определяющих успешность реализации в регионе ESG-стратегии:

- уровень самообеспеченности определяет возможность региона самостоятельно за счет собственных средств, не прибегая к внешним заимствованиям или федеральным дотациям, обеспечить себя всеми необходимыми ресурсами как финансового, так и нефинансового (производственные, трудовые, природные) характера, за счет использования которых, достигается равномерное развития отраслей экономики, а также формируются успешные экспортные отрасли и развиваются внешнеэкономические связи. Важно указать на то, что обеспечить устойчивое развитие региона могут только те регионы, бюджеты которых

является устойчиво профицитными, то есть благоприятное финансовое состояние территории позволяет быстрее реализовать ESG-стратегию. Но вместе с тем в отдельных случаях грамотная социальная и экологическая политика тоже могут стать драйвером трансформации региона в сторону его устойчивого развития, и в этом случае эти две сферы как бы «вытягивают» за собой экономическую, которая со временем превращается в полноценную подсистему, обеспечивающую региону устойчивость;

- устойчивость самофинансирования тесно связана с предыдущим пунктом, только в этом случае речь идет о конкретных финансовых механизмах и инструментах, которые используют региональные власти в целях обеспечения социально-экономического развития. Такими инструментами выступает бюджетная, финансово-кредитная, налоговая и ценовая политика, совершенствование механизмов межбюджетных взаимоотношений, стимулирование развития рынка ценных бумаг через повышение доли присутствия региональных компаний на фондовых биржах; развитие инновационной и инвестиционной активности в регионе; повышение доходов населения;

- самокупаемость региона, определяемая величиной превышения доходов от хозяйственной деятельности территориальных структур и от экспортных операций над расходами. Максимизация прибыли региона позволяет ему вкладывать большие ресурсы в обеспечение социального и экологического благополучия.

- экономическая самостоятельность региона определяется степенью его обеспеченности различными видами ресурсов, которые дают возможность осуществлять самостоятельную экономическую политику. Несмотря на то, что на сегодняшний день каждый субъект РФ определил для себя перечень приоритетных отраслей, устойчивость региона подразумевает необходимость диверсифицированного развития региональной экономики. Эта задача актуальна для многих российских регионов, но особенно для тех, которые имеют сырьевую направленность. Так, например, для Республики

Северная Осетия-Алания можно обозначить такие направления диверсификации экономики с целью повышения ее устойчивости, как осуществление в регионе институциональных преобразований, направленных на формирование или совершенствование сети консалтинговых фирм, научно-технических центров, венчурного капитала, лизинга и т.д.¹; обеспечение привлекательных для инвесторов условий за счет совершенствования региональной инвестиционной политики и реализации инструментов для улучшения инвестиционного климата Республики²; смягчение поляризации за счет развития депрессивных предприятий и образование новых промышленных структур³.

Таким образом, изучив все элементы устойчивого развития региона, а также факторы, влияющие на их формирование и степень взаимодействия между различными подсистемами, мы установили их высокий уровень взаимопроникновения, что определяет переход от формирования традиционной стратегии социально-экономического развития региона к эколого-экономическим, социо-экологическим и инфраструктурным стратегиям устойчивого развития. В свою очередь сбалансированное развитие всех подсистем региона и входящих в них элементов позволяет региону успешно противостоять негативным воздействиям различного характера и быстро адаптироваться к новым условиям функционирования, достигать более высоких темпов роста и непрерывно повышать уровень качества жизни населения, выполняя при этом весь спектр общенациональных задач.

¹ Дудаев Г.Т., Тогужева И.З. Оценка финансово-инвестиционного потенциала РСО-Алания // Научные записки молодых исследователей. 2015. №1. с. 32

² Ермишина Е.Б. Пути диверсификации в экономической системе РСО-Алания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2011. №1. с. 25

³ Боброва В.А., Сиукаева А.Р. Развитие промышленности на примере РСО-Алании // Стратегии бизнеса. 2018. №4 (48). с. 11

1.3 Роль институциональной среды в процессе обеспечения устойчивого регионального развития

Теория устойчивого развития основывается на том, что экономические, экологические и социальные факторы образуют диалектическое единство и примерно в равной степени определяют уровень регионального развития. При этом высокая степень их взаимосвязанности, взаимообусловленности и взаимодействия обеспечивается институциональной средой, лежащей в основе механизма работы каждой из трех подсистем региона. Общественные основы формирования и функционирования институциональной среды во многом определяют алгоритмы работы институтов устойчивого развития в регионе, однако при этом учитывают и специфические черты региональных экономик, заключающиеся в:

- достигнутом уровне социально-экономического развития;
- реализуемой социальной политике;
- степени внимательности органов региональной власти к состоянию окружающей среды;
- наличием в регионе отраслевой специализации, крупных монополистических структур, а также степени диверсифицированности региональной экономики;
- культурных и религиозных традициях населения;
- уровне экологического благополучия территории;
- качества нормативно-правовой базы, регулирующей экономические и социальные процессы в регионе;
- активности работы общественных объединений и организаций;
- особенностях структуры социальных взаимодействий и т.д.

Следует обратить внимание на наличие двойственной взаимосвязи институциональной среды региона и его эколого-экономическим и социально-экономическим развитием, так как с одной стороны региональная специфика определяет формирование той или иной системы региональных

институтов, но и с другой стороны, развитость этих институтов оказывает влияние на устойчивость каждой из трех подсистем региона и определяет возможности достижения их сбалансированного роста и повышения качества жизни населения.

С экономической точки зрения формирование эффективной институциональной среды способствует сокращению производственных и транзакционных издержек во всех секторах экономики и для всех хозяйствующих субъектов, что приводит к более результативному функционированию региональной экономики и формирует основу для устойчивого развития. Согласно общепринятой в экономической литературе точке зрения институциональная система часто оказывает на развитие региона намного большее влияние, чем обеспеченность природными, трудовыми или производственными ресурсами¹.

Для того чтобы корректно оценить роль институциональных условий в процессе обеспечения устойчивого регионального развития, необходимо рассмотреть само понятие «института» как категории устойчивого развития. Несмотря на то, что в научной литературе данный термин появился достаточно давно, единого подхода к его определению не выработано.

С точки зрения традиционного институционализма, который подразумевает учет основных ценностей индивидов, под институтом можно подразумевать комплекс отношений, реализованных в форме деятельности институциональных организаций и отдельных индивидуумов, цель которых заключается в предотвращении получения плохих результатов для всех участников взаимодействия. Фактически, согласно точке зрения, Т. Веблена, институт – это система жизни общества², подчиняющаяся определенным целесообразным правилам жизнедеятельности.

В соответствии с этим для целей нашего исследования под институциональной средой региона следует подразумевать определенные

¹ Басенко В.П., Романов А.А. Институциональные основы устойчивого развития региона// Экономика и предпринимательство. 2013. с. 118

² Veblen T. The place of Science in Modern Civilization and Other Essays. N. Y., 1919. p. 239.

правила функционирования региональной системы, подразумевающие координацию экономических, социальных и экологических процессов, осуществляемых на территории региона, с помощью системы взаимодействия государственных, общественных и иных региональных институтов, чьей основной целью функционирования является обеспечение высокого качества жизни населения на заданной территории. В таблице 1.6 обозначим основные концептуальные характеристики институтов.

Таблица 1.6. – Концептуальные характеристики института: сравнительный анализ¹

№	Автор	Отличительные черты
1	Бартенев С.А. ²	законы, организации, учреждения, регулирующие любые процессы жизнедеятельности общества
2	Дж. Коммонс ³	коллективные действия по контролю, либерализации и расширению индивидуального действия
3	Д. Найт ⁴	набор правил, структурирующих общечеловеческие взаимодействия особым образом, знанием которых должны обладать все члены данного общества
4	У. Митчелл ⁵	господствующие и в высшей степени стандартизированные общественные привычки
5	Д.С. Львов ⁶	фактически действующая рефлексивная норма

Если рассматривать структурное содержание институтов, влияющих на процессы устойчивого регионального развития, то здесь стоит отметить 5 основных групп: институты формальных правил, неформальных правил, конкурентного рынка, информации и принуждения. Устойчивость развития определяется наличием развитых рыночных институтов, важнейшими из которых являются институты конкурентного рынка, в связи, с чем они и занимают центральное место на схеме, объединяя вокруг себя другие виды институтов. Чем большая неоднородность свойственна институтам, тем

¹ Составлено автором по результатам исследования

² Бартенев С. А. Экономические теории и школы (история и современность): Курс лекций. — М • Издательство БЕК, 1996. с. 33

³ Commons John R. "Institutional Economics" American Economic Review, vol. 21 (1931), p. 649

⁴ Knight J. Institutions and Social Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. p. 2

⁵ Митчелл У. Экономические циклы: Проблема и ее постановка. - М. - Л.: Госиздат, 1930. с. 54

⁶ Институциональная экономика// Учебное пособие под рук. Акад. Львова Д.С., М., ИНФРА-М 2001. с. 27

сложнее будет процесс перевода традиционных стратегий социально-экономического развития региона на «рельсы» устойчивого развития.

В качестве важных компонент региональной институциональной системы следует выделить следующие:

- политические факторы;
- институт частной собственности;
- гарантии безопасности личности;
- стабильность утвержденных «правил игры» и равноправность общества перед ними¹.

Согласно другой точке зрения, все институты региона можно представить в укрупненном виде через призму функционального аспекта:

- коммерческие организации, в том числе и финансового сектора;
- домохозяйства;
- региональные органы власти;
- некоммерческие организации².

Обеспечить устойчивость развития территории можно только на основе соблюдения стабильности развития институциональной и социально-экономической сферы региона, а это достигается путем учета интересов всех вышеприведенных институтов.

Концепция устойчивого развития помогает согласовать ценности каждого из них и найти определенный баланс развития каждой подсистемы региона. Но при этом является крайне важным обеспечить каждой группе институтов пространственно обособленное функционирование, сопровождающееся нейтрализацией таких форм контактов и коммуникаций, которые могут привести к разрушению одной из подсистем регионов.

Таким образом, один из принципов устойчивого развития заключается в том, что для субъектов различной институциональной природы с их разными ценностями, в рамках единой стратегии регионального развития

¹ Мау В. Политические и правовые факторы экономического роста в российских регионах / В. Мау, К. Яновский // Вопросы экономики. 2001. № 11. с. 19

² Табачникова М.Б. Институциональная среда как фактор социально-экономического развития региона// Регион: системы, экономика, управление. 2017. с. 28

необходимо создать условия для формирования системы совместимых и взаимодополняемых целей и инструментов их реализации, а не стремиться к унификации их ценностей.

Анализ нормативно-институциональной среды в регионах Российской Федерации дает возможность оценить качество работы региональных органов власти, открытость проводимой ими инвестиционной политики для внешних инвесторов (что во многом определяет уровень инвестиционного климата территории), а также результативность их консультационной и финансовой поддержки по проектам государственно-частного партнерства.

В какой-то степени можно говорить и о том, что в принципе реализация в регионе большого количества проектов в рамках государственно-частного партнерства говорит о достаточно высоком качестве институциональной среды региона.

Как видно из представленных в таблице 1.7 данных, большая часть субъектов ЮФО и СКФО характеризуется достаточно низкими показателями открытости и обеспеченности, при этом для трех регионов (Астраханская область, Республики Ингушетия и Калмыкия) выставлены нулевые балльные оценки. Также большая часть южнороссийских регионов находится во второй половине рейтинга, что указывает на достаточно низкое качество нормативно-институциональной среды, а это в свою очередь является серьезным препятствием для реализации на территории принципов устойчивого развития, так как институтам принадлежит огромная роль при переходе к ESG-стратегии, и они способны как содействовать переходу, так и сдерживать его.¹

¹ Калицева К.А. Структурные изменения в системе элементов устойчивого регионального развития // В сборнике: экономика, финансы и управление: актуальные вопросы теории и практики. сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. С. 54-57.

Таблица 1.7 - Рейтинг субъектов Российской Федерации по результатам оценки состояния нормативно-институциональной среды в 2021 году (топ-10 регионов и регионы ЮФО и СКФО)¹

Место	Регион	Оценка среды, баллы	Показатель открытости	Показатель дисциплины	Показатель обеспеченности
1	Белгородская область	100,0	54	100	88
2	Республика Башкортостан	99,8	57	79	99
3	Республика Саха (Якутия)	98,6	54	100	85
4	Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	97,6	66	79	85
5	Тульская область	97,1	51	100	85
6	г. Москва	95,2	54	100	78
7	Владимирская область	94,2	48	100	82
8	Республика Татарстан	93,5	48	100	81
9	Ленинградская область	92,7	48	100	79
10	Омская область	91,9	51	199	74
15	Ростовская область	84,7	45	79	79
20	Краснодарский край	78,6	36	100	61
21	Волгоградская область	76,8	27	100	67
28	Кабардино-Балкарская Республика	72,1	30	100	54
43	Республика Адыгея	60,9	30	79	45
44	Республика Крым	60,7	27	79	47
48-48	Карачаево-Черкесская Республика	59,3	12	100	45
54	Севастополь	55,2	18	100	31
57-59	Ставропольский край	53,5	18	100	27
57-59	Республика Дагестан	53,5	12	100	33
70	Республика Северная Осетия - Алания	36,3	6	100	3
71	Чеченская Республика	34,8	6	100	0
74-81	Астраханская область	31,9	0	100	0
74-81	Республика Ингушетия	31,9	0	100	0
74-81	Республика Калмыкия	31,9	0	100	0

Следует также отметить недостаточную изученность роли институтов в устойчивом региональном развитии по сравнению с национальным уровнем. В связи с этим является актуальной задача выявления механизмов и

¹ Составлено автором на основе Рейтинга субъектов Российской Федерации по уровню развития государственно-частного партнерства за 2021 год. Министерство экономического развития РФ. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/de1738536995153cc65c8b47c5ff2520/reiting_gchp_2021.pdf Дата обращения: 25.09.2022

инструментов влияния институциональной среды региональных экономик на процессы ее трансформации при реализации сценариев устойчивого развития. Поэтому представляется целесообразным проведение институционального анализа региональных процессов и выявление сопутствующих проблем перехода к реализации ESG-стратегии на региональном уровне, что предполагает проведение следующих мероприятий:

- идентификация поэлементной структуры региональных институциональных сред с позиции возможности обеспечения устойчивого развития в рамках всех регионов РФ, с учетом того, что каждый регион имеет собственный сценарий перехода к устойчивому развитию, а используемые для этого инструменты и механизмы могут не совпадать;

- определение наличия формальных институтов, которые ограничивают или препятствуют полноценной реализации ESG-принципов в регионе;

- анализ влияния на процессы устойчивого регионального развития неформальных институтов и субъективных норм.

Представляется интересным проанализировать то, какое место занимает институциональная среда в системе регионального развития, а также как она трансформируется при переходе региона в устойчивое состояние. На рисунке 1.3. нами представлен механизм перехода региона из традиционного состояния в устойчивое, обозначены основные инструменты такого перехода и сопровождающие их проблемы.

Обратим внимание на то, что при переходе в устойчивое состояние расширяется количество управляемых подсистем региона, а институциональная среда из инструмента, обеспечивающего социально-экономическое развитие региона, превращается в полноценную подсистему, тесно взаимодействующую с тремя остальными.

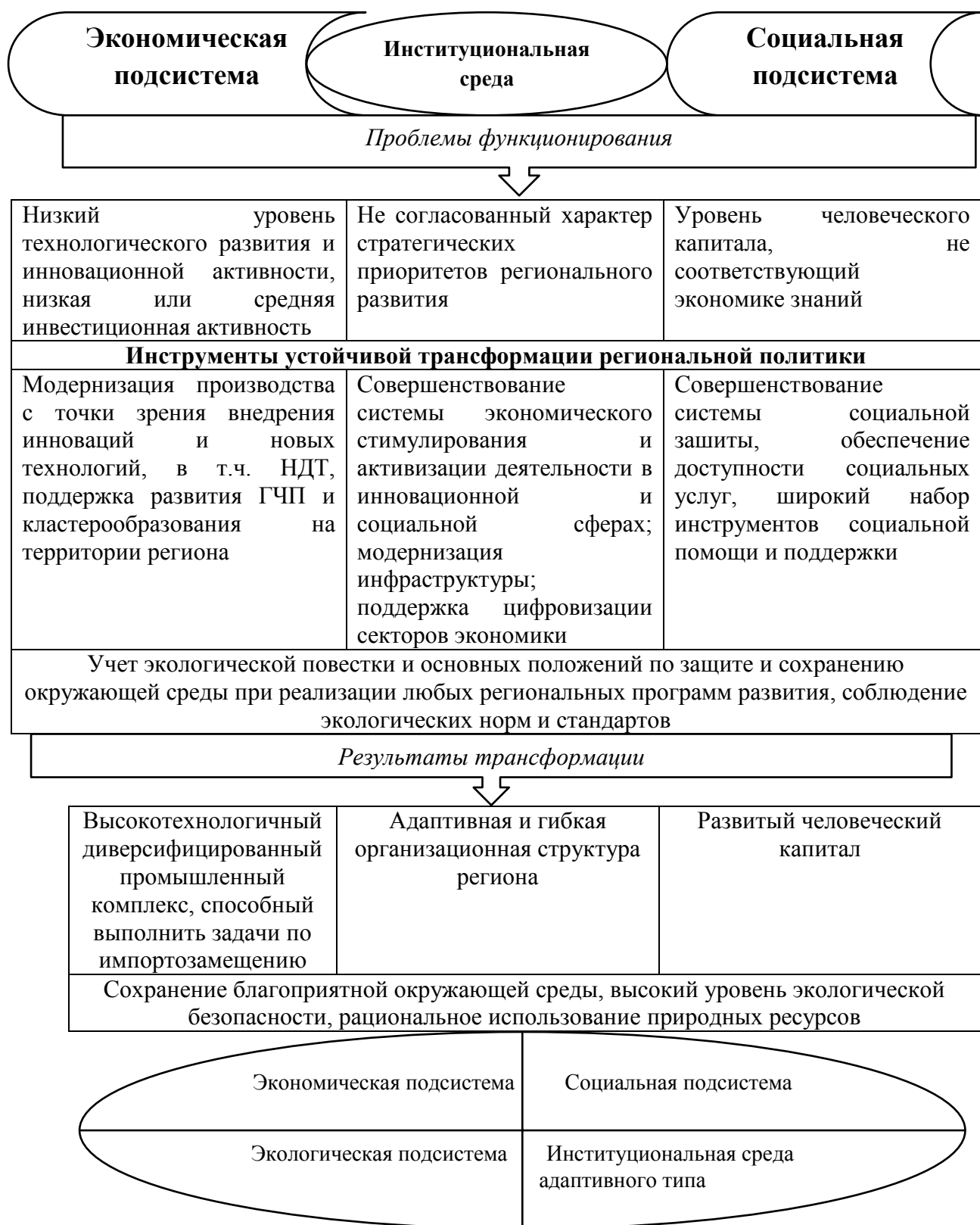

Рисунок 1.3. – Инструменты трансформации традиционной региональной системы в устойчивую региональную систему, необходимые для построения результирующей модели устойчивого развития¹

¹ Составлено автором по результатам исследования

Также в систему регионального развития в условиях обеспечения ее устойчивости органично вписывается экологическая подсистема, функционирование которой позволяет решить ряд проблем экономического и социального характера.

В то время как функционирование традиционной региональной подсистемы порождает транзакционные издержки, затрудняющие течение воспроизводственных процессов в экономике региона, устойчивая региональная система способствует активизации всех воспроизводственных процессов.

Институциональная среда имеет критическую важность для достижения целей устойчивого развития региона, так как способствует полноценной интеграции экономических, социальных и экологических целей. Качество региональных институтов создает условия роста для всех подсистем региона и обеспечивает более легкую и быструю адаптацию региональных систем к ESG-стратегии. Способность региона к эффективным институциональным преобразованиям определяется резервом трансформационной способности региона, которая представляет собой возможность реконфигурации своих компонентов (материальной и человеческой составляющей) в целях достижения равновесного устойчивого состояния. В свою очередь способность к реконфигурации определяется следующими факторами:

- наличием у распорядителей ресурсов стимулов к такой реконфигурации (например, крупные корпорации должны быть заинтересованы в переходе на наилучшие доступные технологии не потому, что иначе они заплатят штрафы за несоблюдение требований экологического законодательства, а потому, что использование этих технологий позволит снизить издержки и обеспечит выпуск более конкурентоспособной продукции);

- ресурсной обеспеченностью, которая позволит влиять на изменение уровня устойчивости развития города и обеспечит необходимое финансирование всех трансформационных процессов;

- качеством существующей институциональной среды, которая с одной стороны гарантирует возможность использования необходимых ресурсов в рамках трансформационного перехода, а с другой – способна к самостоятельной трансформации и качественному совершенствованию внутрирегиональных институтов.

Рассмотрение региональной институциональной среды с точки зрения законодательной и нормативной документации позволяет нам выделить две классификационные группы институтов:

- формируемые центральными государственными органами, к которым относятся Конституция РФ, различные виды кодексов, федеральные законы, президентские указы и т.д.;

- определяемые региональными и местными органами власти. В этом случае региональное законодательство может лишь развивать и уточнять нормативную базу, созданную на федеральном уровне и регламентировать характер взаимодействия индивидов и компаний в тех областях, которые не регулируются федеральным законодательством.

Кроме того, все действующие институты в системе региональной экономики можно подразделить на формальные и неформальные, при этом хотя неформальные институты не имеют официального признания со стороны государства, их роль к переходу региональной экономики на принципы устойчивого развития является важной. Например, неформальными институтами в регионе могут быть волонтерские организации, которые следят за экологической обстановкой, проводят субботники, обеспечивают сохранность «зеленых» зон города и т.д. Формальным же институтом признается тот институт, нарушение правил которого отслеживается и наказывается с помощью специализированного механизма. Также иногда в качестве третьего типа институтов определяются

секторальные институты, регулирующие поведение работников определенных отраслей или крупных корпораций.

Учитывая высокую роль институциональной среды в региональной экономике, основной задачей институционального анализа на первом этапе перехода к устойчивому развитию является идентификация функционирующих в регионе институтов и определение той роли, которую они могут сыграть в рамках трансформации традиционной стратегии социально-экономического развития региона по принципам ESG.

Особенность исследования институциональной среды региона в случае формирования устойчивой стратегии его развития предполагает необходимость «поштучного» изучения каждого института, то есть фактически проведения факторного анализа, в ходе которого будут установлено то, как каждый из них влияет на динамику социально-экономических процессов. В этом состоит отличие данного подхода от механизма традиционного исследования социально-экономических процессов, в рамках которого институциональная среда региона описывается несколькими ключевыми показателями, отражающими результаты ее функционирования в совокупности, поэтому определить эффективность воздействия на региональную экономику отдельного института невозможно. Такой подход не применим в том случае, если речь идет о трансформационных преобразованиях в регионе, основанных на принципах устойчивого развития, так как в этом случае необходимо выявить проблемы и перспективы функционирования каждого института и на основе этого принимать решения об изменении того или иного элемента институциональной среды.

Осуществлять изменение федеральных формальных институтов на региональном уровне не представляется возможным (кроме того, это незаконно), так же как и преобразовывать механизмы работы региональных формальных институтов, которые бы шли в разрез с законодательными нормами. Именно поэтому столь важной является наличие в экономике

региона неформальных институтов, которые оказывая значительное воздействие на ее функционирование, могут преобразовываться по мере необходимости, а также существенно активизировать процессы перехода к устойчивому развитию.

На этом уровне возможно реализовать коллективное действие, которое будет изменять мировоззрение большинства жителей и их поведение, ведь именно от этого зависит возможность реализации мероприятий, связанных с устойчивым развитием. Например, в своих работах П. Пашеко и др., показали какое огромное влияние в странах Латинской Америки оказали неформальные институты на остановку процесса вырубке лесов, при том, что установленные правительствами нормы практически не действовали¹. Также ряд исследований указывает на то, что наблюдается прямая взаимосвязь между качеством работы неформальных институтов и уровнем устойчивости региональных экономик², при этом они могут вступать в противоречие с работой формальных институтов, но далеко не всегда это является отрицательной тенденцией³.

Особая значимость неформальных институтов при переходе региона к устойчивому развитию объясняется высокой ролью в этих процессах социального и экологического предпринимательства, основной целью которого является сохранение благоприятных условий окружающей среды, поддержании высокого качества жизни населения и создании новых продуктов, процессов и услуг, позволяющих обществу, региону и отдельным

¹ Pacheco, P., Barry, D., Cronkleton, P. and Larson, A. M. (2008). The role of informal institutions in the use of forest resources in Latin America. Bogor: Center for International Forestry Research. Forests and Governance Programme, No. 15/2008. 92 p.

² Wicher, J. (2014). The relationship between informal institutions and a sustainable development-Evidence from a panel data set // International Journal of Business and Management, 2(3), 172-191, Kozenkow, J. (2018). The role of institutions in achieving sustainable development // On Research, 1(1), 95—112, Güney, T. (2017) Governance and sustainable development: How effective is governance? // Journal of International Trade & Economic Development, 26(3), 316-335. DOI: 10.1080/09638199.2016.1249391.

³ Windsor, D. (2017). Multi-Level Social Institutions in Conflict over Sustainable Development // Critical Sociology, 44(4): paper 089692051770833. DOI:10.1177/0896920517708338

гражданам получать необходимые им экономические и неэкономические выгоды¹.

Однако по сравнению с коммерческим сектором экономики, социальное предпринимательство характеризуется повышенными рисками с точки зрения меньшей доступности источников финансирования и более сложной процедурой их привлечения, поэтому решение проблем финансирования этих институтов также лежит в плоскости тех задач, которые должны быть решены в процессе перехода региона к устойчивому развитию.

Деятельность устойчивых предпринимателей образует сторону предложения устойчивого развития экономики, но для равновесного развития региональной экономики должна формироваться сторона устойчивого потребления, то есть существовать спрос на ту продукцию, которая производится в социально-экологическом секторе экономики. Хотя устойчивое потребление и эко-ориентированный образ жизни (например, zero waste) обретают все большую популярность, на пути формирования данного сектора существует еще большое количество экономических и социально-психологических проблем².

В связи с этим исследователи данной проблематики делают вывод о том, что корректный анализ перспектив перехода региональной экономики к устойчивому развитию возможен на основе составляющей, идущей «снизу», то есть формируемый инициативами населения и бизнес-сообщества, и для его проведения необходимо определить состав субъективных норм потенциальных стейкхолдеров, а также идентифицировать структуру неформальных институтов, активно воздействующих на процессы перехода экономики региона в устойчивое состояние³.

¹ Lindgreen, A., Vallerster, C., Maon, F., Yousafzai, S. and Florencio, B. P. (Eds.) (2018). Sustainable Entrepreneurship: Discovering, Creating and Seizing Opportunities for Blended Value Generation. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315611495>.

² Malodia, S. and Bhatt, A. S. (2019). Why Should I Switch Off: Understanding the Barriers to Sustainable Consumption? // Vision - The Journal of Business Perspective, 23(1): paper 0972262919840197.

³ Тамбовцев В.Л. Устойчивое региональное развитие: актуальные направления институционального анализа // JIS. 2019. №3. с. 105

Ввиду высокой роли институциональной среды в процессах формирования устойчивости региона, ряд исследователей склоняется к необходимости включения ее в модель устойчивого развития в качестве отдельной самостоятельной подсистемы, то есть расширения элементов устойчивого развития до четырех¹. Происходящие в настоящее время процессы как глобального, так и регионального уровня только подтверждают необходимость создания адекватных институциональных условий для устойчивого развития региона.

Появление компоненты институциональной устойчивости обуславливает обеспечение тесного и высокоэффективного взаимодействия общественных институтов с нормативно-правовыми и законодательными институтами, а также их адаптации к быстро меняющимся условиям внешней и внутренней среды, что позволяет системе устойчивого развития региона стать более адаптивной и устойчиво реагировать на кризисные явления. В этом случае институциональная подсистема станет рычагом совершенствования взаимоотношений между подсистемами региона и будет достигнут эффект раскручивания «маховика институциональной устойчивости», который придаст необходимый импульс по формированию результативного механизма взаимодействия государства, бизнеса и общества в рамках достижения единой цели устойчивого развития.

Действие неблагоприятных внешних факторов может быть достаточно сильным и привести к появлению признаков неустойчивости институциональной подсистемы регионального развития, что обуславливается следующими причинами:

- повышенным уровнем региональной монополизации отраслевых рынков в регионах, особенно имеющих сырьевую направленность, возникающей на фоне осуществления региональными властями политики протекционизма. При этом осуществление такой политики может сыграть и

¹ Тимофеев Р.А., Ячменев Е.Ф., Тимаев Р.А. Составляющие устойчивого развития региональной социально-экономической системы// Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. №2. с. 235

положительную роль, в том случае, если это направлено на поддержку местных конкурентоспособных производителей, повышение уровня собираемости региональных налогов и снижение уровня безработицы;

- низкими темпами развития малого и среднего бизнеса, которые традиционно сдерживаются высокими ставками по кредитам, административными барьерами, а в последние годы еще и такими социально-экономическими явлениями как пандемия COVID-2019 и проведение СВО;

- повышенный уровень неопределенности экономической и геополитической ситуации;

- недостаток высококвалифицированных кадров и управленческих компетенций у региональных предпринимателей.

Решение многих из обозначенных проблем повышения эффективности институциональной среды отечественной экономики лежит в области совершенствования финансовой и денежно-кредитной системы, которая должна ориентироваться на выполнение целей развития и расширение возможностей кредитования реального сектора экономики, особенно в тех отраслях, которые способствуют обеспечению технологического суверенитета нашей страны и выполнению задач импортозамещения. Также необходимо обратить внимание на реализацию мероприятий, которые снижают уровень оппортунистического поведения институциональных субъектов в регионах, так как оно приводит к повышению уровня коррупции во всех подсистемах регионального развития и нередко провоцирует неэффективное расходование выделенных бюджетных средств.

Таким образом, подводя итог нашему исследованию по вопросам роли институциональной среды в модели устойчивого развития региона, мы приходим к выводу о том, что данный компонент региональной системы может рассматриваться, как в качестве отдельной полноценной подсистемы устойчивого развития, так и в качестве инструментария реализации каждого из видов региональной устойчивости – экономической, социальной и экологической.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ESG- ТРАНСФОРМАЦИИ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ ЮЖНОРОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

2.1 Анализ динамики социально-экономического и устойчивого развития субъектов Юга России

Текущая ситуация с точки зрения проведения исследований в рамках оценки социально-экономического положения российских регионов в новых экономических условиях характеризуется уникальностью, - происходящие и еще предстоящие структурные трансформации российской экономики, затрагивающие все без исключения отрасли фактически «обнуляют» темпы динамики социально-экономических показателей прошлых лет. Все тренды, выявляемые в предыдущие годы, могут в корне измениться, поэтому роль проведения ретроспективного анализа существенно снижается. В связи с этим считаем целесообразным проведение анализа динамики социально-экономического и устойчивого развития южнороссийских регионов на основе самых последних доступных статистических данных за 1 полугодие 2022 года по сравнению с результатами аналогичного периода 2021 года, и то с учетом того, что по итогам 2022 года тенденции выявленные на данном этапе могут достаточно серьезно измениться.

Кроме того, функционирование региональной экономики все больше будет зависеть от общей стратегии развития национальной экономики, которая на данный момент развивается по одному из наименее вероятных сценариев с позиции начала года. Так, в докладе Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) были рассмотрены более или менее реальные сценарии развития экономики РФ, каждый из которых учитывал сохранение санкционного давления на достаточно протяженном периоде времени (10–15 лет). Как мы знаем, с момента опубликования данного доклада были введены еще несколько пакетов санкций против РФ, которые еще больше обострили санкционное

давление, но при этом некоторые направления деятельности были выведены из-под санкций). Это доказывает тот факт, что через некоторое время на практике санкционный режим подвергается некоторой эрозии, которая приводит к формальному или фактическому изъятию из него части положений¹, однако на данном этапе говорить о существенном послаблении санкционного давления в целом не приходится.

При формировании стратегий устойчивого развития российских регионов в новых экономических реалиях необходимо учитывать прогнозные варианты развития экономики РФ, разработанные ЦМАКП (табл. 2.1).

Таблица 2.1 – Влияние возможных сценариев развития национальной экономики на реализацию регионами стратегий устойчивого развития и их социально-экономическое положение²

Сценарий	Вероятность реализации (%)	Влияние на социально-экономическое развитие	Влияние на устойчивое развитие
1	2	3	4
«Автаркия»	13%	Переход к военной экономике Падение уровня жизни населения Замедление темпов экономического роста Увеличение разрыва в доходах между самыми бедными и самыми богатыми слоями населения Сокращение доли «среднего» класса	Максимальное импортозамещение Возможность развития специфических форм экономики рециклинга Снижение технологического уровня продукции Финансирование экологических мероприятий по остаточному признаку
«Институциональная инерция»	47%	Первоочередная задача - обеспечение финансовой стабильности и выполнение бюджетных обязательств Реализация краткосрочных и среднесрочных инвестиционных проектов Стагнация уровня доходов населения	Отставание в сфере технологий, что делает затруднительным внедрения методов бережливого производства, внедрение наилучших доступных технологий, переход к экономике рециклинга

¹ «Что дальше? Контуры сценариев долгосрочного прогноза». Доклад Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.forecast.ru/ARCHIVE/Mon_13/2022/TT2022_13.pdf Дата обращения: 29.08.2022

² Составлена автором по результатам исследования

Окончание таблицы 2.1			
		Рост инвестиций не более 2,5% в год Достаточно высокий уровень безработицы – 5-6%	Обострение институциональных проблем - рост теневого сектора экономики и «серого» импорта Стагнация программ экологического развития территорий
«Борьба за рост»	40% целевой сценарий	- Активный выход на все доступные рынки Продвижение региональных брендов на национальном и международном рынках Рост инвестиций от 3,5 % в годы и выше Рост доходов населения на 2,5-3,7% в год Стабилизация уровня безработицы на 4,5-5% Развитие межрегиональных и межнациональных партнерских связей Активное финансирование НИОКР	Реализация государственных программ, направленных на модернизацию российской экономики в новых условиях Увеличение роли ГЧП Акцент на достижение высоких показателей экологического благополучия в региональном развитии Стимулирование развития «зеленых» отраслей и внедрение принципов социально-ответственного инвестирования
Модернизационный сценарий	Признается реально не осуществимым в текущих экономических и геополитических условиях		

К настоящему времени в последних научных и деловых периодических изданиях достаточно четко отслеживается мысль о том, что развитие отечественной экономики все больше приобретает черты автаркии, чему способствуют не только санкционные ограничения и выбранный курс экономической политики, но и такие макроэкономические факторы как замедление темпов регионализации экономики и каскадирование отдельных звеньев технологических цепочек, что автоматически переориентирует производителей на внутренний спрос и спрос на контролируемых рынках.

Большую роль в реализации устойчивой региональной экономики продолжают играть институциональные факторы, поэтому развитость государственных, частных и общественных институтов будет определять то, насколько легко регионы смогут в текущих условиях функционирования

перестроить свои экономики и реализовывать программы устойчивого развития, и какое будет качество исполнения данных программ.

В целях анализа социально-экономического и устойчивого развития южнороссийских регионов нами был отобран ряд целевых индикаторов, которые достаточно полно характеризуют уровень регионального развития, и на основе них были сформированы группы оценочных показателей. Так как в теоретической части нашей работы мы уже выяснили, что основные подсистемы регионального развития тесно переплетаются между собой, то мы выделили 3 группы показателей:

1. Социально-экономические;
2. Эколога-экономические;
3. Эколога-социальные.

На этом этапе стал очевиден недостаток формируемой на сегодняшний день статистической базы, так как данные официальной статистики, собираемые Росстатом до сих пор ориентированы только на обработку традиционных экономических и социальных показателей, в то время как переход к устойчивому развитию предполагает сбор и анализ большого количества данных, связанных с инвестированием предприятий в НИОКР и наилучшие доступные технологии (далее - НДТ), определением доли доходов, направляемых на переработку, установлении объемов выбросов вредных веществ, финансировании экологических и восстановительных мероприятий в регионе. На данный момент подобные данные собираются на федеральном уровне, и то с большой задержкой публикации данных, которая становится к моменту ее опубликования уже достаточно устаревшей. Данные о некоторых экологических показателях можно найти на аналитических ресурсах и средствах массовой информации, однако собираемая таким образом информация не характеризуется системностью и не может в связи с этим использоваться для проведения корректного анализа.

Указанные факторы не позволяют произвести анализ по системе план/факт и сравнить реально достигнутые результаты с теми, которые были

заложены в качестве целевых индикаторов в стратегиях устойчивого регионального развития. Кроме того, многие регионы не формируют стратегии устойчивого развития в качестве отдельного документа, а чаще всего включают показатели целей устойчивого развития (далее – ЦУР) в общую стратегию социально-экономического развития региона. Так, в Стратегии социально-экономического развития Республики Северная Осетия-Алания до 2030 года устойчивому развитию посвящены три пункта:

- в рамках рассмотрения конкурентных преимуществ региона (НК5. Природные ресурсы и устойчивое развитие);
- при разработке индикаторов достижения цели (НК5. Основные направления рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности – устойчивое развитие);
- в рамках реализации флагманского проекта «Новая Алания» (приоритетная программа «Кластер «зеленой» энергетики»)¹.

В результате сбора информации о том, какие актуальные данные в настоящее время являются доступными для формирования аналитической базы по устойчивому региональному развитию, мы выбрали в качестве целевых индикаторов следующие показатели устойчивого регионального развития, распределив их по видам устойчивости (табл. 2.2).

Обратим внимание, что в данный перечень были включены только те показатели, по которым возможно получение оперативной статистической информации, так как сейчас экономика России подвергается достаточно серьезной структурной трансформации с беспрецедентным до этого влиянием макроэкономических и геополитических факторов, поэтому даже данные за 2021 год уже во многом теряют свою актуальность.

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Северная Осетия-Алания до 2030 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru/material/file/19e28f0794c45959ff28a652c52492bb/strategoa.pdf> Дата обращения: 7.10.2022

Таблица 2.2. –Систематизация показателей устойчивого регионального развития¹

Экономическая устойчивость	Социальная устойчивость	Экологическая устойчивость
промышленное производство и объемы выпуска продукции по основным секторам экономики	демографические показатели, определяемые с помощью анализа динамики пророста населения, а также соотношения естественного прироста и убыли населения	место региона в рейтинге экологического благополучия регионов РФ
темпы строительства	качество жизни населения	
объем инвестиций в основной капитал и структура источников финансирования;	уровень потребления, определяемый в частности показателями розничного товарооборота и уровень доходов в регионе	
динамика объемов сбережений;		
результативность функционирования предприятий региона, определяемая уровнем их прибыльности;		

Также следует указать на то, что многие из представленных показателей могут быть отнесены сразу к двум типам устойчивости, например, уровень доходов населения в одинаковой степени характеризует и экономическую, и социальную устойчивость региона, но при этом отсутствуют показатели эколого-экономической устойчивости, что подтверждает указанную нами выше проблему отсутствия актуальных данных для оценки данного типа устойчивости.

Начнем наш анализ с рассмотрения показателей экономической устойчивости. Определяющим показателем здесь являются параметры промышленного производства и объемы выпуска продукции по основным секторам экономики, которые характеризуют развитие в регионе различных отраслей и уровень диверсификации региональной экономики. Чем большее количество отраслей успешно развивается на территории региона, тем более

¹ Составлено автором по результатам исследования

высока вероятность сохранения его экономической устойчивости даже на фоне кризисных явлений.

Южнороссийские регионы по итогам 1 полугодия 2022 года демонстрируют абсолютно разнородные показатели промышленного развития. Так, Республика Дагестан заняла второе место среди всех субъектов РФ по темпам роста промышленного производства – прирост составил 25,6% по сравнению с аналогичным периодом 2021 года. Данный рост был обусловлен в первую очередь возрастанием на 30% производства в сфере обработки. Третье место также занимает южнороссийский регион – г. Севастополь с 25,4% прироста, которые тоже были достигнуты за счет роста обрабатывающего сектора на 32,6%.

Уникальность ситуации заключается в том, что в десятку регионов с самыми высокими темпами прироста промышленного производства попали сразу шесть субъектов Юга России, среди которых также оказались Республики Адыгея, Северная Осетия-Алания, Ингушетия и Карачаево-Черкессия.¹

Трудно не заметить, что наибольшие показатели роста показали те субъекты РФ и, в частности ЮФО и СКФО, которые не относятся к промышленно развитым, что связано с наличием эффекта низкой базы и невысокой зависимостью от сырьевого экспорта, а также экспорта продукции тех отраслей, которые подверглись санкционным ограничениям (табл. 2.3). В то же время больше всего пострадала экономика тех регионов, в которых наблюдается сырьевая ориентация, что и обусловило на этом фоне достаточно хорошие показатели по индикатору промышленного развития для регионов ЮФО и СКФО.

¹ "Экономика регионов: итоги I полугодия 2022 года" Материал экспертов ИКСИ об итогах I полугодия 2022 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://icss.ru/vokrug-statistiki/ekonomika-regionov-itogi-i-polugodiya-2022-goda> Дата обращения: 06.10.2022

Таблица 2.3 – Индекс производства по видам экономической деятельности в южнороссийских регионах и федеральных округах РФ, % за январь-июль 2022 г. к 2021 г. (1) и июль 2022 г. к июлю 2021 г. (2)¹

Регион	Добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства		Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха		Водоснабжение ; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов и пр.	
	1	2	1	2	1	2	1	2
РФ	102,6	100,9	100,1	98,9	100,3	99,5	95,3	85,1
ЦФО	96,8	86,6	104,4	96,4	98,5	95,5	88,2	84,5
Северо-Западный ФО	107,8	106,6	100,1	95,2	100,9	100,1	100,3	101,4
Южный ФО	94,1	98,2	102,6	100,3	101,6	97,5	94,7	83,7
Республика Адыгея	97,5	157,0	114,4	96,7	101,5	108,6	102,5	79,9
Республика Калмыкия	115,7	162,0	84,5	95,8	90,8	в 2,4р.	111,7	129,3
Республика Крым	76,2	51,1	95,6	119,7	97,4	92,3	98,6	90,6
Краснодарский край	91,9	95,8	98,5	95,5	93,7	80,2	84,7	78,5
Астраханская область	96,4	99,3	94,5	89,6	82,9	85,3	94,8	80,6
Волгоградская область	81,3	85,0	106,5	105,6	105,6	111,2	104,3	112,1
Ростовская область	91,9	102,2	102,6	100,1	108,4	109,7	104,5	75,1
г. Севастополь	-	-	133,8	95,1	117,9	99,0	102,8	95,4
Северо-Кавказский федеральный округ	96,5	90,6	105,7	95,6	110,5	93,6	107,4	101,2
Республика Дагестан	92,8	73,4	125,8	99,0	122,7	153,0	86,5	87,5
Республика Ингушетия	90,3	95,2	108,0	99,2	83,5	54,8 в	2,3р. в	2,3р.
Кабардино-Балкарская Республика	110,1	86,7	100,3	121,4	101,6	111,5	107,3	97,7
Карачаево-Черкесская Республика	94,1	83,9	100,5	90,5	136,3	120,1	83,5	80,5
Республика Северная Осетия - Алания	92,4	84,3	129,7	129,7	107,1	114,0	82,2	47,9
Чеченская Республика	104,0	99,3	106,0	104,5	109,9	94,4	97,9	99,1
Ставропольский край	96,2	103,1	98,2	89,6	98,1	66,5	104,1	106,3
Приволжский ФО	102,7	105,0	100,5	98,9	98,8	103,7	90,4	75,6
Уральский ФО	102,4	100,1	97,6	91,4	100,6	96,9	96,3	80,6
Сибирский ФО	102,6	93,2	104,4	105,0	100,0	102,9	89,3	73,1
Дальневосточный ФО	96,7	88,6	97,9	77,0	101,3	103,2	94,8	86,9

¹ Составлена автором по результатам исследования

В 40 субъектах РФ промышленное производство в I полугодии 2022 года снизилось. Наиболее значительный спад произошел в Республике Калмыкия. Индекс промышленного производства составил 83,5% по отношению к январю-июню прошлого года. Здесь существенное падение произошло в обрабатывающих производствах и в сфере обеспечения электроэнергией.

Если рассматривать ситуацию с выпуском продукции в основных секторах экономики по федеральным округам, то в регионах ЮФО и СКФО можно наблюдать достаточно благоприятную картину – прирост в отраслях сельского хозяйства, промышленности и услугах населению в ЮФО при падении темпов строительства на 3,6 (здесь, наоборот, сказался эффект высокой базы) и значительный рост во всех секторах, кроме розничной торговли, в регионах СКФО.

Сравнительный анализ с ситуацией в других федеральных округах дает возможность прийти к заключению, что текущая ситуация не оказала серьезного негативного воздействия на экономику регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, а в некотором отношении выступила даже драйвером развития. Анализ отраслевой компоненты показывает, что в целом по всем регионам РФ чаще всего наблюдалось падение в секторе розничной торговли и строительстве (табл. 2.4).

Что касается прогнозных значений на второе полугодие 2022 года, то ожидается возрастание рисков для промышленного сектора экономики, так как к концу года должно вступить эмбарго ЕС, касающееся поставок нефти и нефтепродуктов.

Таблица 2.4 – Изменение выпуска в основных секторах экономики России по федеральным округам в 1 полугодии 2022 г., % к аналогичному периоду 2021 года¹

Округ	Сельское хозяйство	Промышленность	Строительство	Розничная торговля	Услуги населению
РФ	2,4	2,0	4,0	-3,4	4,5
Центральный	4,0	5,8	7,3	-5,4	6,3
Северо-Западный	-4,2	3,0	-5,6	-3,5	2,5
Южный	5,5	1,1	-3,6	-2,7	3,8
Северо-Кавказский	1,1	10,2	9,6	-0,1	3,8
Приволжский	1,2	1,4	8,1	-2,8	4,7
Уральский	0,6	1,8	-7,3	-3,9	3,0
Сибирский	2,7	3,0	15,3	1,4	6,3
Дальневосточный	5,0	-0,3	4,0	-0,4	-1,7

Кроме того, будет высоко влияние на все секторы экономики решения о сокращении добычи нефти на 2 млн барр в сутки, принятое в октябре 2022 года странами-участницами ОПЕК+. Также на протяжении всего 1 полугодия шло достаточное слабое восстановление промежуточного и инвестиционного импорта в обрабатывающем секторе, что, скорее всего, обернется усилением спада во втором полугодии текущего года. Фактически, все экспортные и импортозависимые отрасли находятся в достаточно нестабильной ситуации, что приводит к падению динамики экономических показателей.

При этом основной спад в экспортоориентированных отраслях уже произошел, и в дальнейшем ожидается восстановление и подстройка предприятий отрасли под функционирование в новых условиях, поиск новых рынков сбыта и налаживание логистических цепочек. Тяжелее ситуация обстоит в импортозависимых отраслях, которым в достаточно короткие сроки необходимо было найти новых поставщиков и осуществить

¹ Составлено автором по данным "Экономика регионов: итоги I полугодия 2022 года" Материал экспертов ИКСИ об итогах I полугодия 2022 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://icss.ru/vokrug-statistiki/ekonomika-regionov-itogi-i-polugodiya-2022-goda> Дата обращения: 06.10.2022

импортозамещение. Сейчас наиболее значительное снижение активности можно будет наблюдать в строительной отрасли, сфере сборки и продажи легковых машин, перевозки автомобильным транспортом, услугам населению и пр.

При этом нужно обратить внимание на тот факт, что снижение промышленной активности влечет за собой спад энергопотребления у промышленных потребителей, что является уже достаточно тревожным признаком. Период спада неизбежен в условиях реализации концепции «структурной перестройки», но при этом следует учитывать постоянно меняющиеся санкционные условия, что делает внешние условия функционирования трудно предсказуемыми и затрудняет процесс адаптации промышленной отрасли к новым условиям.

Второй индикатор, который мы рассматриваем в рамках анализа устойчивого социально-экономического развития региона – это темпы строительства. По итогам 1 полугодия 2022 года в целом по стране наблюдался рост – объем выполненных работ в этом сегменте экономики увеличился на 4%. Однако в 39 регионах страны наблюдалось снижение данного показателя, причем самое серьезное падение наблюдалось в одном из регионов ЮФО - Республике Калмыкия – минус 44,2% по сравнению с аналогичным периодом 2021 года.

Как видно из данных рисунка 2.1 в ряде южнороссийских регионов за рассматриваемый период наблюдался настоящий строительный бум – так, в Крыму прирост составил 30,6%, в Севастополе – 29,6%, в Северной Осетии-Алании – 38,2%, в Чеченской Республике -30,8%. В целом же по ЮФО и СКФО показатели прироста были совсем небольшими – 100,6% и 106,1%, соответственно.

Абсолютные значения объемов строительных работ в разрезе субъектов ЮФО и СКФО приведены в Приложении 1.

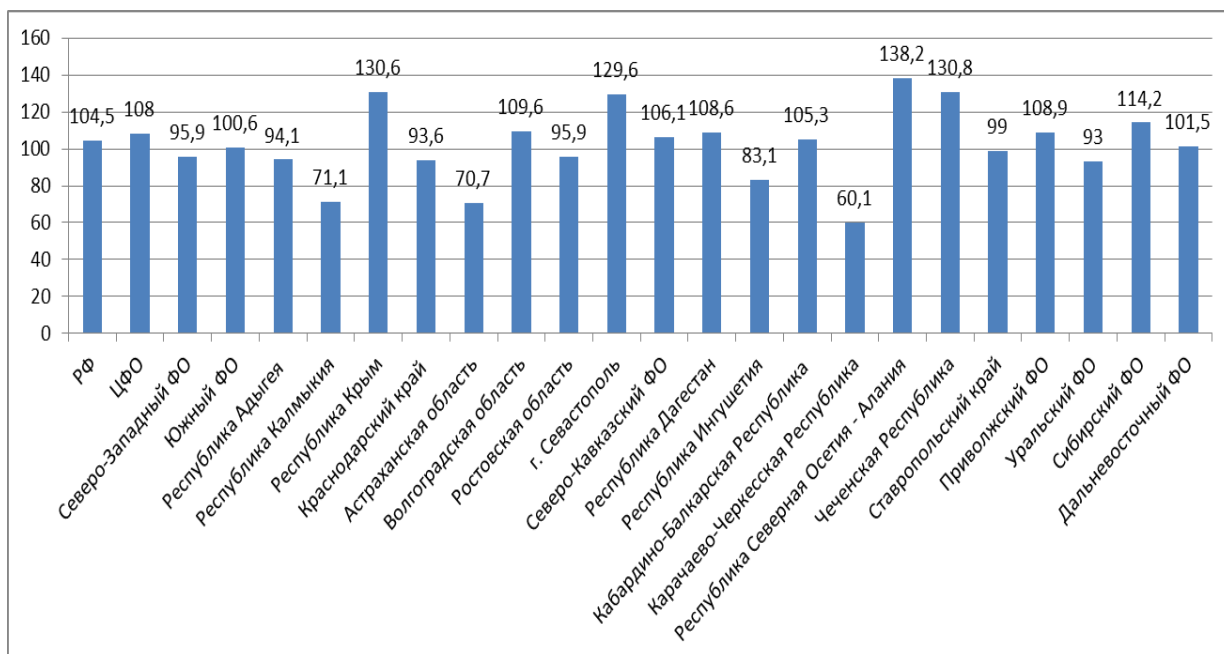

Рисунок 2.1 – Динамика темпов строительных работ в 1 полугодии 2022 года по регионам ЮФО и СКФО в сравнении с общероссийскими значениями, %¹

Огромное значение для социально-экономического развития и обеспечения устойчивости региона играют показатели инвестиционной активности региональных предприятий и организаций.

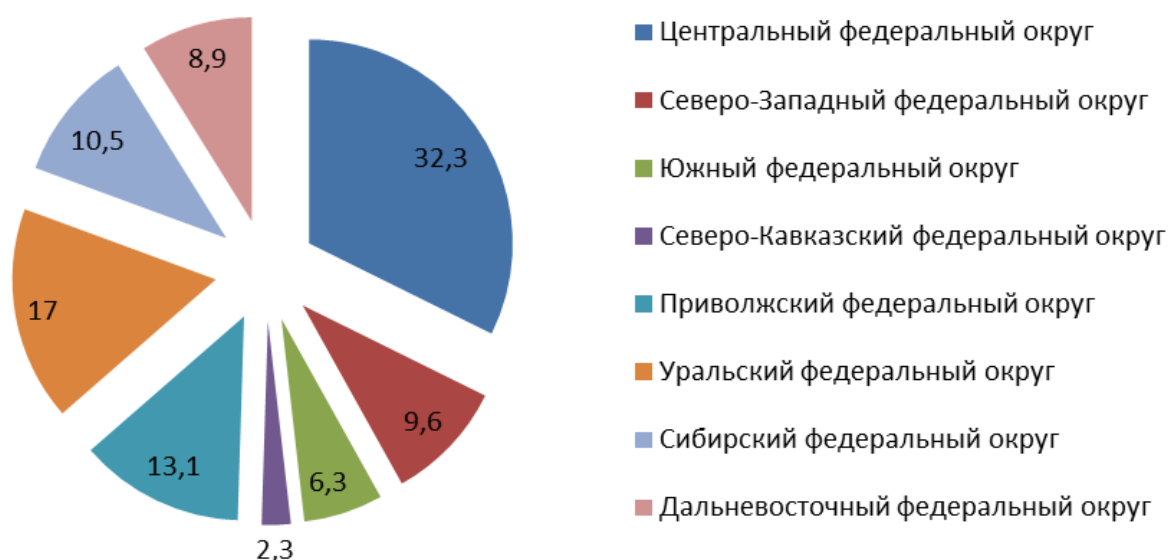

Рисунок 2.2. – Объем инвестиций в основной капитал в январе-июле 2022 года по федеральным округам РФ, %¹

¹ Составлено автором по данным Росстата

Как видно по данным рисунка 2.2 на ЮФО и СКФО приходится низкая доля от общих инвестиционных вложений в целом по РФ. В существующих условиях прирост инвестиционных вложений в экономику региона является безусловно положительным фактором, свидетельствующим о его высокой инвестиционной привлекательности и благоприятном инвестиционном климате даже на фоне негативных явлений. При общей низкой доле инвестиционных вложений, в субъектах ЮФО и СКФО наблюдается достаточно сильная дифференциация регионов по объемам инвестирования в основной капитал, - на общем фоне высокие значения демонстрируют только Ростовская область и Краснодарский край.

Для развития предприятий реального сектора экономики всегда большое значение имела структура источников их финансирования, поскольку оптимальная структура капитала обеспечивает высокую финансовую устойчивость, платежеспособность предприятия, а также способствует повышению всех видов рентабельности. Кроме того, грамотно сформированная структура источников финансового обеспечения позволяет сохранять благоприятные экономические показатели даже в условиях кризисных явлений.

Сейчас на фоне обострения геополитической ситуации и нестабильности экономической конъюнктуры, возможности предприятий по привлечению внешнего инвестирования заметно снизились, а доступ к рынку капитала на национальном рынке существенно затруднился. Это обуславливает актуальность рассмотрения структуры инвестиций в основной капитал региональных предприятий, так как полученные результаты будут свидетельствовать о возможности хозяйствующих субъектов региона сохранить в текущих условиях устойчивость и возможно даже привлечь внешнее инвестирование.

В таблице 2.5. представлена динамика изменения структуры инвестиций по регионам ЮФО и СКФО в январе-июле 2022 года по

¹ Составлено автором по данным Росстата

сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Выбор именно такого временного интервала обусловлен тем, что за 1 полугодие 2022 года данные по инвестициям не формировались и официальными органами статистики не представлены.

Таблица 2.5 - Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования и регионам РФ в январе-июле 2021 и 2022 года, в % к общему объему инвестирования¹

Регион	Собственные средства		Привлеченные средства, в т.ч.		бюджетные средства		кредиты банков	
	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Российская Федерация	61,2	58,2	38,8	41,8	13,3	15,6	9,7	12,7
Центральный ФО	56,5	53,5	43,5	46,5	18,4	22,0	10,7	14,0
Северо-Западный ФО	60,5	57,9	39,5	42,1	13,2	13,3	7,5	10,6
Южный ФО	49,2	53,7	50,8	46,3	23,5	26,8	12,8	10,8
Республика Адыгея	40,0	48,2	60,0	51,8	50,5	47,7	2,6	2,0
<i>Республика Калмыкия</i>	<i>57,5</i>	<i>21,6</i>	<i>42,5</i>	<i>78,4</i>	<i>30,5</i>	<i>20,0</i>	-	<i>x²</i>
<i>Республика Крым</i>	<i>39,4</i>	<i>30,5</i>	<i>60,6</i>	<i>69,5</i>	<i>55,2</i>	<i>60,9</i>	<i>3,4</i>	<i>5,3</i>
Краснодарский край	58,3	57,6	41,7	42,4	17,2	14,6	12,5	16,6
Астраханская область	15,2	81,7	84,8	18,3	5,4	5,0	x	x
Волгоградская область	62,3	68,5	37,7	31,5	19,4	23,6	2,6	1,9
Ростовская область	46,9	50,6	53,1	49,4	22,0	30,5	26,1	10,3
<i>г. Севастополь</i>	<i>28,8</i>	<i>17,8</i>	<i>71,2</i>	<i>82,2</i>	<i>68,3</i>	<i>80,3</i>	<i>X</i>	<i>1,4</i>
<i>Северо-Кавказский ФО</i>	<i>35,6</i>	<i>34,7</i>	<i>64,4</i>	<i>65,3</i>	<i>36,4</i>	<i>33,2</i>	<i>21,8</i>	<i>20,4</i>
<i>Республика Дагестан</i>	<i>33,5</i>	<i>24,2</i>	<i>66,5</i>	<i>75,8</i>	<i>56,4</i>	<i>65,2</i>	-	-
<i>Республика Ингушетия</i>	<i>9,7</i>	<i>8,7</i>	<i>90,3</i>	<i>91,3</i>	<i>71,1</i>	<i>88,3</i>	-	-
<i>Кабардино-Балкарская Республика</i>	<i>31,2</i>	<i>24,1</i>	<i>68,8</i>	<i>75,9</i>	<i>58,1</i>	<i>65,1</i>	<i>x</i>	-
<i>Карачаево-Черкесская Республика</i>	<i>31,3</i>	<i>24,0</i>	<i>68,7</i>	<i>76,0</i>	<i>52,7</i>	<i>38,8</i>	<i>0,4</i>	<i>17,0</i>
<i>Республика Северная Осетия - Алания</i>	<i>22,6</i>	<i>25,5</i>	<i>77,4</i>	<i>74,5</i>	<i>39,3</i>	<i>49,0</i>	<i>X</i>	<i>x</i>
<i>Чеченская Республика</i>	<i>37,1</i>	<i>33,3</i>	<i>62,9</i>	<i>66,7</i>	<i>59,9</i>	<i>32,6</i>	<i>0,9</i>	<i>x</i>
<i>Ставропольский край</i>	<i>40,4</i>	<i>44,6</i>	<i>59,6</i>	<i>55,4</i>	<i>15,3</i>	<i>15,1</i>	<i>39,7</i>	<i>35,2</i>
Приволжский ФО	67,9	64,2	32,1	35,8	12,8	20,9	8,6	6,1
Уральский ФО	70,8	64,7	29,2	35,3	4,4	5,5	6,0	16,3
Сибирский ФО	71,7	72,1	28,3	27,9	8,2	7,8	3,4	4,1
<i>Дальневосточный ФО</i>	<i>50,0</i>	<i>45,5</i>	<i>50,0</i>	<i>54,5</i>	<i>10,3</i>	<i>11,1</i>	<i>20,8</i>	<i>20,0</i>

Применяя к регионам те же критерии, что и при оценке финансовой устойчивости хозяйствующих субъектов, а именно коэффициента автономии, выделим те из них, которые не обеспечивают по итогам рассматриваемого

¹ Составлено автором по данным Росстата

² Знак «x» означает, что данные в публичном доступе не публикуются

периода 2022 года оптимального паритета при осуществлении инвестиционных вложений – 50% собственных- 50% заемных средств (0,5-0,6 – норматив коэффициента финансовой независимости). При этом стоит обратить внимание, что данное обстоятельство является положительным только в текущих условиях ограниченности инвестиционного предложения, так как свидетельствует о возможности замещения внешних источников финансирования – собственными внутренними.

Также нельзя считать положительным высокую долю бюджетных средств в структуре источников привлеченного финансирования, а также резкое изменение структуры инвестиций (как у Астраханской области), что свидетельствует скорее о резком падении объемов инвестирования, чем об оптимизации источников финансирования. Собственно говоря, оценивать положительно с точки зрения устойчивости рост привлеченных средств в структуре инвестиций мы можем только в том случае, если это происходит не за счет бюджетных средств, а за счет привлечения внешних инвесторов, как реальных, так и портфельных.

По Южному федеральному округу в целом в структуре источников инвестиций можно отметить небольшое увеличение доли собственных средств - на 4,5%, и при этом снижение доли банковского кредитования на 2% и увеличение бюджетного финансирования на 3,3%.

Серьезные изменения разнонаправленного характера коснулись двух регионов ЮФО – в Республике Калмыкия произошло резкое снижение доли собственных источников финансирования – на 35,9%, а в Астраханской области, наоборот, доля привлеченных средств увеличилась более, чем в 5 раз, хотя исходя их публикуемых данных непонятно за счет чего произошло такое увеличение (информацию по роли банковского сектора в кредитовании экономики регион не раскрывает). Можем предположить, что это связано с реализацией инвестиционным проектом крупнейшим газонефтедобывающим предприятием Астраханской области - «ЛУКОЙЛ-Нижевожскнефть», а также предприятием энергетического сектора «Газпром добыча Астрахань».

В СКФО существенных изменений в структуре инвестирования не произошло, что обусловлено изначально высокой долей бюджетных средств в инвестиционных проектах, реализуемых на территории округа.

В связи с этим стоит обратить внимание на еще один немаловажный момент, - это участие финансового сектора в развитии и обеспечении устойчивости региональной экономики. Эти задачи отечественным банковским сектором традиционно выполняются плохо, - роль кредитов в финансировании инвестиций остается низкой. С учетом этого следует отметить два южнороссийских региона, которые в 2021 году все-таки смогли переломить данную тенденцию и обеспечить функционирование региональной экономики по рыночным принципам, в которых поддержка бюджета хозяйствующих субъектов ниже, чем поддержка финансовых институтов, - Ростовская область (22,0% бюджетных средств и 25,1% банковских кредитов) и Ставропольский край (15,3% бюджетных средств и 39,7% банковских кредитов). При этом в 2022 году под влиянием негативных изменений во внешней среде в Ростовской области доля кредитов упала более чем в два раза – до 10,3, а в Ставропольском крае при сохранении бюджетной поддержки на том же уровне, доля банковского кредитования снизилась всего на пару процентных пунктов.

В рамках нашего диссертационного исследования является важным рассмотрение бюджетных источников финансирования в разрезе их структуры, - так как мы говорим об устойчивости региона, важно понимать каким образом складывается поддержка региональной экономики – либо это вливания из федерального бюджета – и в этом случае это говорит о зависимости регионального бюджета от внешних источников финансирования (слабая региональная устойчивость и бюджетная обеспеченность), - либо это поддержка локальных производителей самим регионом, - и в этом случае мы говорим о высокой финансовой самостоятельности региона и возможности за счет собственных средств

осуществлять поддержку региональной экономики (высокая региональная устойчивость и достаточная бюджетная обеспеченность).

На рисунке 2.3. приведены данные о структуре бюджетного финансирования южнороссийских регионов в разрезе трех источников – федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов. Расчетные данные представлены в Приложении 2.

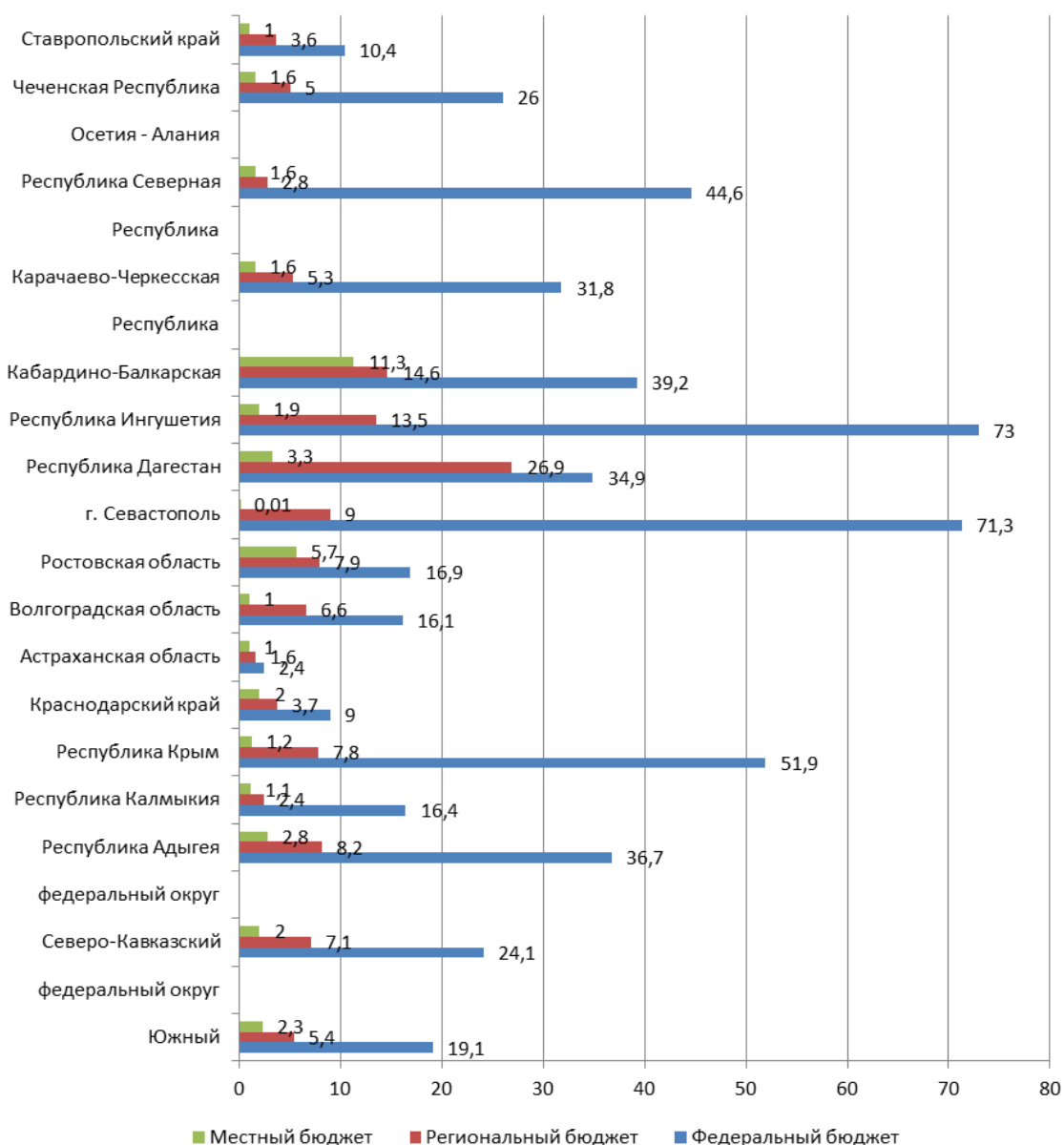

Рисунок 2.3. - Структура источников бюджетного финансирования инвестиций в основной капитал по регионам ЮФО и СКФО в январе-июле 2022 года, %¹

Полученные данные характеризуют высокую дотационность части регионов СКФО от федерального бюджета, причем даже среди них

¹ Составлено автором по данным Росстата

существует достаточно сильная дифференциация, - например, при высокой доле финансирования из федерального бюджета (34,9%) в Республике Дагестан, также существенная поддержка региональной экономике осуществляется и из средств регионального и местного бюджетов (30,3%), в то время как, в Северной Осетии-Алании при доле федерального бюджета в финансировании инвестиций в 44,6%, доля регионального и местных бюджетов – всего 4,4%.

Еще один важный индикатор экономической устойчивости региона – это показатель объема сбережений населения на депозитах в банках. Данный показатель является весьма чувствительным к изменению экономической конъюнктуры и достаточно быстро реагирует на ее неблагоприятные изменения путем снижения объемов сбережений, размещаемых на банковских вкладах. На рисунке 2.4. и в Приложении 3 представлена динамика изменения данного показателя по итогам 2 квартала 2022 года в регионах Юга России.

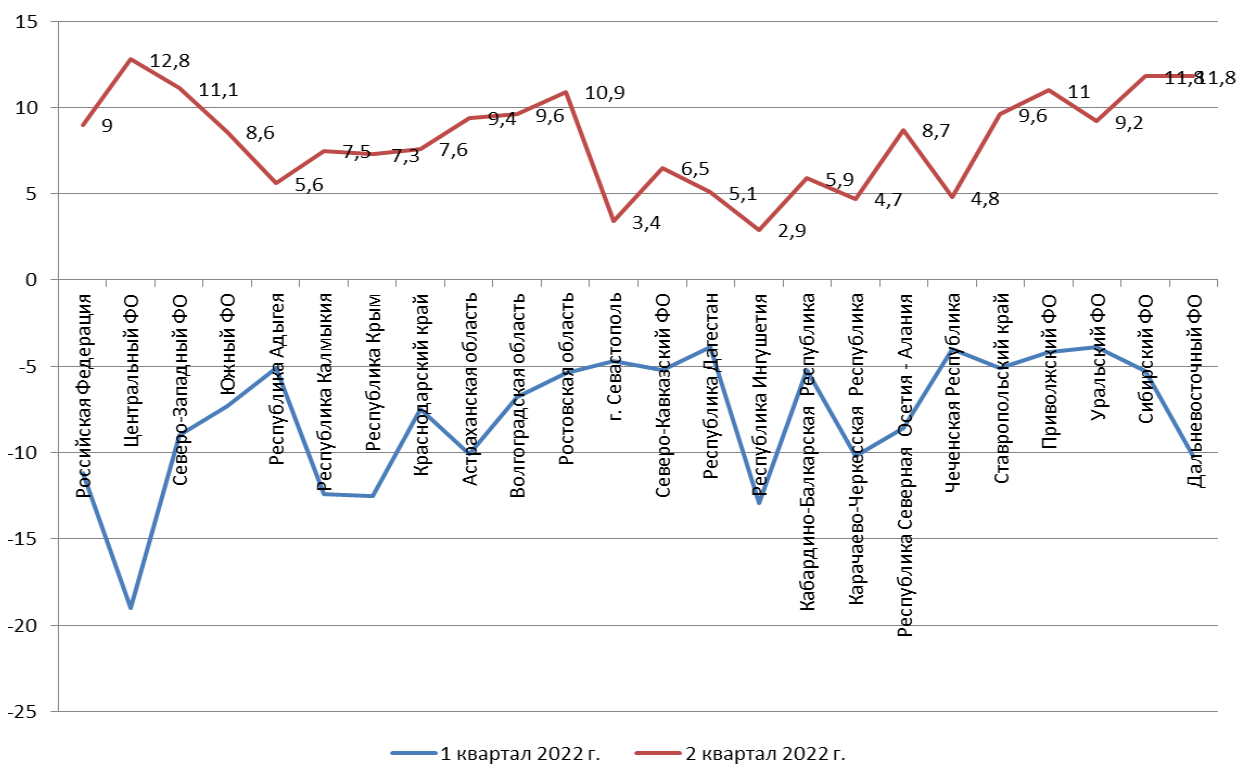

Рисунок 2.4. – Доля прироста или снижения сбережения населения на вкладах в 1-2 квартале 2022 гг., %¹

¹ Составлено автором по данным Росстата

Для обеспечения репрезентативности анализируемых данных, целесообразно сопоставлять темп роста сбережений во 2 кв. 2022 г. с величиной их снижения в 1 кв. 2022 г, так как в текущих условиях необходимо проанализировать то, как быстро стало восстанавливаться доверие населения к финансовым институтам после серьезных экономических потрясений 1 квартала.

Как видно из представленных данных, в большей части южнороссийских регионов финансовая система успешно справилась с дестабилизационными явлениями 1 квартала и рост объемов сбережений во 2 квартале перекрыл отрицательную динамику предыдущего периода. Однако у экспертов существуют весьма логичные ожидания, что по итогам года ввиду эскалации геополитической, экономической и социальной напряженности, по изменению ресурсов на банковских депозитах все-таки будет получен отрицательный результат.

Последний показатель, который мы рассматриваем в качестве целевого показателя определения устойчивости региональной экономики – это финансовые результаты деятельности предприятий региона, выражаемые в виде сальдо прибылей и убытков по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Конечно, такой индикатор должен быть скорректирован на инфляционную составляющую, чего Росстатом не производится, однако даже без этого можно сделать заключение о том, что по итогам 1 полугодия 2022 года сальдированный финансовый результат южнороссийских предприятий превышал показатели 2021 года, что может свидетельствовать о двух факторах: во-первых, об определенном запасе финансовой устойчивости предприятий и, во-вторых, об отсроченном эффекте от санкций и увеличения социально-экономической напряженности, которые скажутся на результатах работы большей части отраслей не ранее весны 2023 года.

На рисунке 2.5. представлены темпы изменения сальдо прибылей и убытков предприятий в 1 полугодии текущего года по сравнению с

аналогичным периодом 2021 года (по многим субъектам СКФО такие данные отсутствуют).

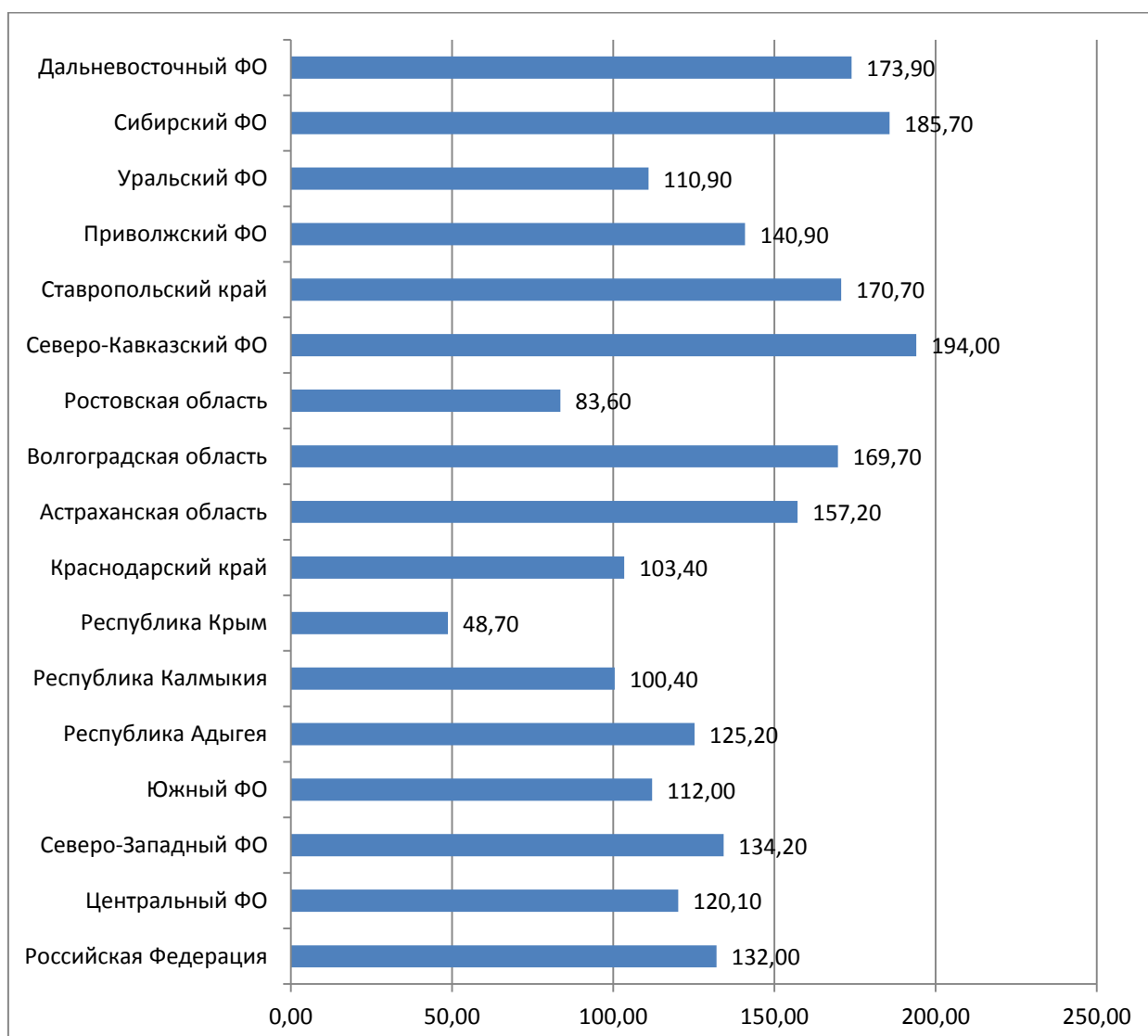

Рисунок 2.5. – Сальдо прибылей и убытков предприятий в 1 полугодии 2022 года к аналогичному периоду 2021 года, %¹

При этом сразу бросается в глаза отрицательная динамика показателя в тех регионах, которые раньше демонстрировали достаточно высокий уровень этих значений. Мы связали такое изменение с тем, что указанные регионы являются приграничными и, даже можно сказать, прифронтовыми, а результаты сравнения с приграничными областями из других федеральных

¹ Составлено автором по результатам исследования

округов, только подтвердило наше предположение – так, в Белгородской области, которая всегда является лидером почти во всех рейтингах не только социально-экономического, но и устойчивого развития, сальдо прибылей и убытков составило всего 54,4% от уровня 2021 года, а в Курской области – 91,2%.

Переходя к рассмотрению индикаторов социальной устойчивости, обратим внимание на то, что особого внимания в рамках ее исследования заслуживает показатель естественного прироста и убыли населения, который можно назвать интегральным показателем, объединяющим в себе многие демографические критерии, косвенно свидетельствующий и об уровне заболеваемости в регионе, о качестве медицинского обеспечения и, соответственно, пересекающийся с качеством уровня жизни населения. Именно поэтому мы сочли целесообразным рассмотреть в одной аналитической таблице сразу двух указанных индикаторов (табл. 2.6). При исследовании показателей естественного прироста и убыли населения обращает на себя динамика увеличения убыли во многих регионах Юга России (40% от общего количества южнороссийских регионов).

Рейтинг регионов России по качеству жизни строится на базе 67 показателей, фиксирующих фактическое состояние аспектов условий жизни и ситуации в социальной сфере. При этом данный индикатор можно отнести не только к показателям социальной, но и экономической и экологической устойчивости, так как он учитывает и уровень доходов жителей, и безопасность проживания, и демографическую ситуацию, и экологические и климатические условия, здоровье и уровень образования, обеспеченность социальной инфраструктурой, освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры и многое другое¹.

¹ Рейтинг регионов России по качеству жизни 2021-2022. РИА Новости [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html> Дата обращения: 08.10.2022

Таблица 2.6 – Показатели социальной устойчивости по регионам Юга России в 2021 и 2022 гг¹.

Регион	Естественный прирост (+), убыль населения (-), чел		Место региона в рейтинге по уровню жизни населения в 2021 г.
	2021	2022	
Российская Федерация	-421,9	-383,8	х
Центральный ФО	-151936	-122775	х
Северо-Западный ФО	-51145	-43500	х
<i>Южный ФО</i>	<i>-55430</i>	<i>-56581</i>	х
<i>Республика Адыгея</i>	<i>-1255</i>	<i>-1438</i>	22
Республика Калмыкия	-306	-284	79
<i>Республика Крым</i>	<i>-6894</i>	<i>-7454</i>	48
<i>Краснодарский край</i>	<i>-15768</i>	<i>-17369</i>	5
<i>Астраханская область</i>	<i>-1623</i>	<i>-1914</i>	62
Волгоградская область	-10716	-9536	42
Ростовская область	-17382	-17136	14
г. Севастополь	-1486	-1450	24
Северо-Кавказский ФО	+18097	+16634	х
Республика Дагестан	+12138	+10867	69
Республика Ингушетия	+2892	+2796	82
Кабардино-Балкарская Республика	+358	+202	75
<i>Карачаево-Черкесская Республика</i>	<i>-399</i>	<i>-414</i>	84
<i>Республика Северная Осетия - Алания</i>	<i>-540</i>	<i>-793</i>	76
Чеченская Республика	+9797	+10550	74
Ставропольский край	-6149	-6574	27
Приволжский ФО	-101678	-91658	х
Уральский ФО	-19127	-18453	х
Сибирский ФО	-45510	-49435	х
Дальневосточный ФО	-15203	-18054	х

В десятку лидеров рейтинга из южнороссийских регионов входит Краснодарский край. Замыкающая рейтинг десятка регионов практически не меняется в течение нескольких лет и среди них целых три региона СКФО и один регион ЮФО - Республики Северная Осетия-Алания, Ингушетия, Карачаево-Черкесия и Калмыкия. Для всех этих регионов характерен невысокий уровень социально-экономического развития, низкие доходы и высокий уровень безработицы, причем следует отметить, что дифференциация уровня жизни населения прослеживается не только между

¹ Составлено автором на основе данных Росстата

регионами Юга России, но даже и внутри самих регионов, где высок уровень разрыва между наиболее и наименее обеспеченными слоями населения.

Еще один важный индикатор социальной устойчивости в регионе - это уровень потребления, определяемый в частности показателями розничного товарооборота и уровня доходов в регионе. Эти два показателя тоже являются тесно взаимосвязанными между собой, так как при прочих равных увеличение доходов населения стимулирует повышение потребительского спроса, а значит и рост продаж в розничном сегменте, падение же этих показателей чаще всего наблюдается в условиях кризисных явлений и экономической дестабилизации.

Как показывают статистические данные, падение оборота розничной торговли произошло в 62 субъектах РФ и по итогам I полугодия 2022 года сфера розничной торговли продемонстрировала отрицательную динамику. Сокращение оборота розничной торговли составило 3,4%¹.

Рост оборота розничной торговли произошел в 23 субъектах РФ, из них наиболее существенный был зарегистрирован в двух регионах СКФО - Республике Ингушетия (+8,2%) и в Республике Дагестан (+5,7%), а среди регионов с самым значительным сокращением оборота розничной торговли также два региона Юга России - Республика Адыгея (-13,7%) и Ставропольский край (-8,7%).

Динамика реальных денежных доходов населения демонстрирует падение как в целом по стране, так и в ЮФО и СКФО. Из всех регионов юга России на таком же уровне доходы населения сохранились только в Краснодарском крае - 100,1%, а наибольшее снижение пришлось на Республику Калмыкия - 93,6%.

В завершении рассмотрим показатели экологического благополучия регионов ЮФО и СКФО, которые, согласно Национальному экологическому рейтингу, формируемому организацией «Зеленый патруль», складываются из

¹ Социально-экономическое положение регионов РФ// РИА Рейтинг Выпуск 47. Итоги I полугодия 2022 года. 24 с.

четырёх составляющих – природоохранного, промышленно-экологического, социально-экологического и сводного экологического индекса (табл.2.7).

Таблица 2.7 – Показатели экологического благополучия регионов Юга России за расчетный период 01.06.2022 - 31.08.2022¹

№	Динамика рейтинга	Регион РФ	Природоохранный индекс	Промышленно-экологический индекс	Социально-экологический индекс	Сводный экологический индекс
10	+2	Чеченская Республика	64/36	44/56	83/17	68/32
20	-3	Кабардино-Балкарская Республика	78/22	34/66	77/23	66/34
22	+3	Республика Ингушетия	73/27	38/62	78/22	66/34
24	+5	Карачаево-Черкесская Республика	75/25	47/53	71/29	66/34
32	-1	Краснодарский край	54/46	57/43	73/27	64/36
33	+3	Республика Адыгея	72/28	43/57	71/29	64/36
35	-1	Астраханская область	54/46	53/47	75/25	63/37
37	+2	Республика Дагестан	55/45	40/60	78/22	63/37
38	-3	Ростовская область	48/52	59/41	75/25	63/37
39	-1	Северная Осетия - Алания	64/36	41/59	74/26	63/37
42	+3	Ставропольский край	57/43	46/54	74/26	62/38
57	-	Волгоградская область	57/43	41/59	71/29	59/41
65	+1	Республика Крым	45/55	39/61	71/29	56/44
67	-	Республика Калмыкия	52/48	42/58	66/34	55/45
77	-3	Севастополь	47/53	31/69	68/32	52/48

Достаточно очевидным является тот факт, что регионы с наиболее благополучной экологической обстановкой, являются наименее развитыми с промышленной точки зрения, а также характеризуются одними из самых низких показателей социально-экономического развития, что, с одной стороны логично (меньше объектов-загрязнителей – ниже ВРП, но лучше экологическая обстановка), но с другой стороны говорит о неумении выстроить стратегию регионального развития с учетом принципов устойчивого развития так, чтобы одновременно выполнялись и задачи

¹ Составлено автором по данным официального сайта «Зеленый патруль»

отраслевого развития экономики, и на высоком уровне выполнялись экологические задачи. Тем не менее, опыт функционирования ряда российских регионов подтверждает возможность сбалансировать и экономические, и социальные, и экологические задачи. Например, Белгородская область традиционно сохраняет первые места в рейтингах экологического благополучия, даже в текущих тяжелых условиях с учетом ее географического положения, сохраняя положительную динамику промышленного производства и реальных денежных доходов населения.

В заключении отметим, что основные секторы экономики Юга России в 2021 году показывали рост основных показателей, но 2022 год станет определяющим моментом трансформационного развития, так как все регионы на фоне санкций будут проверяться на способность к адаптации к функционированию в совершенно новых для себя экономических, социальных и геополитических условиях. Успешная деятельность прошлого года способствовала тому, что многие предприятия смогли накопить прибыль и стать более устойчивыми в условиях кризиса за счет использования подушки финансовой безопасности¹.

Проведенный анализ показал, что южнороссийские регионы оказались лицом к лицу перед вызовами нового времени, когда они уже не смогут рассчитывать, например, на прежние объемы «вливаний» из федерального бюджета или значительные объемы инвестиций в рамках ГЧП. В какой -то степени перед многими из них открылись и новые возможности, например, развития туристической отрасли, так как практически все прежние направления турпотоков стали недоступными на неопределенный период времени. Поэтому задачей регионов Юга России сейчас становится раскрытие своего инвестиционного потенциала, поиск точек роста с опорой на географические, природные, трудовые и иные конкурентные преимущества, реализовать которые возможно только на основе

¹ Макаров А., Козлов В, Ракуль Е. Крупный бизнес ЮФО 2022: рекордная прибыль перед кризисом//Эксперт. 2022. № 9. с. 18

модернизации традиционных и уже во многом устаревших моделей регионального развития по пути следования концепции устойчивого развития.

2.2 Алгоритм проведения ESG-оценки развития южнороссийских регионов

В настоящее время разработано достаточно много отечественных методологий, описывающих алгоритм проведения оценки устойчивого развития регионов, и все они базируются на традиционной модели устойчивого регионального развития, то есть без выделения инфраструктурной составляющей в качестве отдельного компонента. Обращает на себя внимание и свежий характер всех разработанных методологий – 2021- 2022 год, что говорит об актуализации проблемы ESG-эффективности регионов именно в последние несколько лет.

В рамках настоящего исследования мы проанализировали пять методологий оценки устойчивого развития территорий для того, чтобы выявить преимущества и недостатки каждой из них и на основе этого анализа предложить собственную методологию, которая, с одной стороны позволит выработать унифицированный подход к ESG-оценке, основанный на отборе ограниченного количества самых важных показателей развития, а с другой стороны будет учитывать специфику развития южнороссийских регионов и делать акцент на анализе именно тех критериев развития региональной экономики, которые следует отслеживать и контролировать в первую очередь.

Некоторые из рассмотренных нами методик обладают универсальным характером, то есть они подходят и для оценки уровня устойчивого развития и предприятий реального сектора экономики, и финансово-кредитных

организаций, и даже отдельных стран и регионов, другие же носят специальный характер и ориентированы именно на оценку территориальных образований и городов.

Важность осуществления ESG –оценки для регионов заключается в том, что их переход на функционирование согласно принципам устойчивого развития способствует эффективному взаимодействию органов государственной власти со всеми как внешними, так и внутренними стейкхолдерами, что само по себе также обуславливает долгосрочную устойчивость региона.

Необходимость проведения корректной ESG-оценки обуславливается тем, что реализация стратегий устойчивого развития требует достаточно серьезных вложений, часть из которых привлекается из федерального и регионального бюджета, а часть – за счет частных инвесторов, но при любом варианте финансирования необходимы индикаторы, которые позволят оценить достигнутый уровень устойчивого развития, то есть подтвердить целевой характер финансирования в случае, если субсидирование идет за счет бюджетных средств, или рентабельность и окупаемость вложений, если речь идет о привлечении средств частных инвесторов. Также и в случае реализации ESG-программ в форме государственно-частного партнерства всем участникам проекта необходим эффективный инструмент контроля хода реализации мероприятий и программ, связанных с устойчивым развитием.

При этом реализация ESG-повестки может быть эффективной только в случае ее включения в документы стратегического планирования регионального и федерального уровней, а также определения четкой системы показателей – целевых индикаторов, которые будут отражать эффективность реализуемых в регионе мероприятий, и на основе достижения (или недостижения) этих индикаторов будут приниматься решения об объемах дальнейшего финансирования (или о его целесообразности) отдельных программ устойчивого развития. Важным аспектом осуществления ESG

оценки является анализа потенциалов территорий, а также сопутствующих реализации ESG-стратегии рисков, что позволит превентивно реализовывать меры, способствующие их нейтрализации¹.

Первая методика ESG-оценки, которую мы будем рассматривать в рамках нашего исследования, разработана аналитическим кредитным рейтинговым агентством АКРА в 2021 году, где оцениваются три основные компоненты устойчивого развития и каждому из них экспертным путем присваиваются определенные веса. Структура ESG-оценки приведена в таблице 2.8.

Таблица 2.8 - Компоненты ESG-оценки для суверенных и субсуверенных образований (стран и регионов) согласно методика АКРА²

Блок и его вес в ESG-оценке – по 33%	Объект оценки	Фактор	Вес фактора	Субфактор	Вес субфактора	Вес этапа в рамках блока, %
			в рамках этапа, %		в рамках фактора, %	
Экология	Экологическое воздействие	Сбросы сточных вод			16,7	50
		Водопотребление			16,7	
		Выбросы вредных веществ			16,7	
		Образование отходов			16,7	
		Выбросы парниковых газов			16,7	
		Энергопотребление			16,7	
	Отраслевые экологические риски и способность им противостоять					40
	Страновые и макрорегиональные экологические риски					10

¹ Макаров И.Н., Назаренко В.С. ESG повестка как фактор конкурентоспособности бизнеса и регионов в контексте устойчивого развития // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2021. №24. с. 26-38

² Методология оценки ESG. 2021 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/57a/kuqqu9yivp38z1qzp0j8qhx2zl79i9d9/20210921_ACRA_Methodology_ESG.pdf дата обращения: 8.10.2022

Окончание таблицы 2.8						
Социальная ответственность	Социальная ответственность	Демографические показатели	14,3	Рождаемость	25	50
				Смертность	25	
				Миграционный прирост	25	
				Продолжительность жизни	25	
		Безопасность	14,3	Преступность	50	
				Смертность от ДТП	50	
		Социальное развитие	14,3	Средний размер оплаты труда	12,5	
				Уровень безработицы	12,5	
				Расходы на ЖКХ	12,5	
				Средний размер пенсии	12,5	
				Доля населения с доходом <min	12,5	
				Расходы на питание	12,5	
				Количество созданных рабочих мест	12,5	
				Степень неравенства	12,5	
				Здравоохранение	14,3	Затраты на медицину на 1 чел.
		Доля затрат на здравоохранение от ВП/ВРП	20			
		Обеспеченность больничными койками	20			
		Численность врачей	20			
		Младенческая смертность	20			
		Образование	14,3	Затраты на образование от ВВП/ВРП	14,3	
				Затраты на образование на одного учащегося	14,3	
				Эффективность системы образования	14,3	
				Место в рейтинге олимпиад школьников	14,3	
				Дошкольное образование	14,3	
				Обеспеченность школами	14,3	
				Доля людей с высшим образованием	14,3	
		Жилищные условия	14,3	Доступность покупки жилья	33,3	
Доступность аренды жилья	33,3					
Доля аварийного жилищного фонда	33,3					
Наука и инновации	14,3	Затраты на НИКОР от ВВП/ВРП	50			
		Затраты на НИОКР на одного жителя	50			
		Отраслевые социальные риски				40
		Страновые и макрорегиональные социальные риски				10
Управление	Качество управления	Стратегия управления	33,3	Стратегия развития страны/ региона	33,3	50
				Эффективность системы управления	33,3	
				Качество инфраструктуры	33,3	
		Инвестиционный климат	33,3	Инвестиции в основной капитал	70	
				Особые экономические зоны	30	
		Оценка кредитоспособности	33,3	Кредитоспособность суверенного/субсуверенного образования	100	
		Риски управления				40
		Страновые и макрорегиональные риски управления				10

Как видно из приведенной таблицы, методика ESG-оценки агентства АКРА делает акцент на оценке социальной ответственности регионов как

основного компонента подсистемы регионального развития, вероятно, основываясь на том, что и экологические и управленческие задачи играют соподчинённую роль по отношению к социальным, эффективность реализации которых напрямую определяет уровень качества жизни и обеспечивает основную задачу устойчивого регионального развития – повышение качества жизни населения региона.

Вторая методика, которая представляется нам интересной для изучения, это методология присвоения ESG-рейтингов, разработанная компанией «Национальные кредитные рейтинги» (далее- НКР) в 2022 году. Также, как и методика АКРА, она является универсальной, и с некоторыми допущениями подходит для оценки как предприятий и организаций, так и для оценки развития территориальных образований. Методика предполагает возможность по каждой компоненте выставлять отрицательные корректировки. Стандартный шаг при применении как положительных, так и отрицательных корректировок — 0,25 балла.

Обратим внимание, что в этой методике появляется такой важный критерий оценки как информационная открытость региона, или транспарентность. При проведении анализа социально-экономического положения и устойчивого развития регионов в рамках параграфа 2.1, мы обратили внимание на то, что некоторые социально-экономические показатели регионом не разглашаются со ссылкой на их конфиденциальность, что вызывает определенное удивление с учетом того, что подавляющее большинство регионов эту информацию публикуют и ничего секретного в ней нет. Это сразу ставит вопрос о том, насколько возможна корректная оценка уровня устойчивого развития этих регионов, да и в целом формирования всего оценочного механизма деятельности регионов, если любая информация может быть засекречена по формальным причинам.

Структура проведения ESG-оценки согласно методике НКР очень похожа на методику АКРА, но с небольшим отличием, заключающимся в

том, что реер-анализ (повышающий или понижающий модификатор, позволяющий более чётко разграничить ESG-риски регионов, имеющих сопоставимые балльные оценки) проводится на предпоследнем этапе оценки, то есть непосредственно перед формированием ESG-рейтинга¹. В отличие от методологии АКРА, значимость трех компонент оценивается не одинаково, и наибольшая роль отдается социальной подсистеме устойчивого развития (рис. 2.6).

Анализ по методике НКР в достаточно большой степени ориентирован на экспертные оценки, и по каждому из трех направлений анализа предполагает оценку узкого набора индикаторов, имеющих качественную оценку, выражающуюся в определенном количестве баллов, зависящих от соответствия или несоответствия оцениваемого индикатора нормативному значению. Рассмотрим алгоритм такой оценки более подробно.

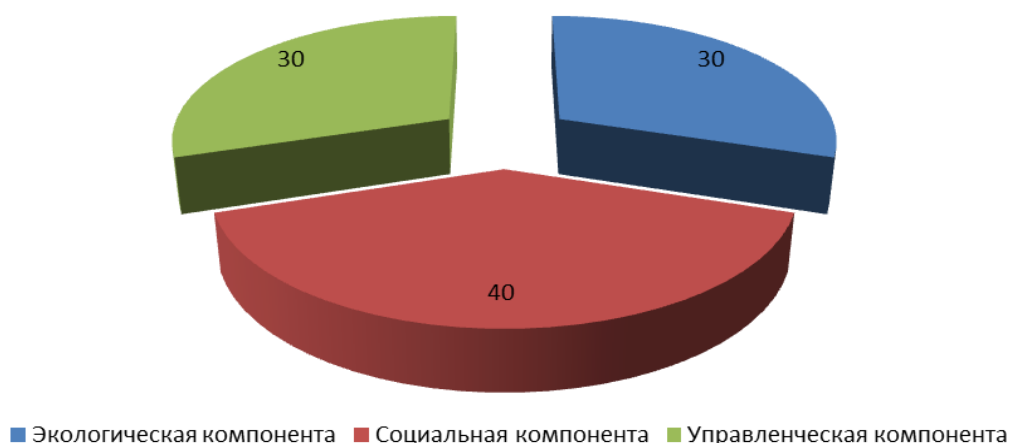

Рисунок 2.6. – Веса компонент при проведении ESG-оценки развития региона по методике НКР, %²

Так, в рамках анализа экологической компоненты оценивается соответствие расходов бюджета региона на природоохранную деятельность³. К полученной базовой оценке экологической компоненты могут быть

¹Методология присвоения ESG-рейтингов. Методологический комитет Общества с ограниченной ответственностью «Национальные Кредитные Рейтинги». Протокол № 41 от «17» марта 2022 г. М.: 2022. 27 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ratings.ru/upload/iblock/8ad/ESG_methodology_170322.pdf Дата обращения: 12.10.2022

² Составлено автором по результатам исследования

³ Методология присвоения ESG-рейтингов. Методологический комитет Общества с ограниченной ответственностью «Национальные Кредитные Рейтинги». Протокол № 41 от «17» марта 2022 г. М.: 2022. 27 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ratings.ru/upload/iblock/8ad/ESG_methodology_170322.pdf Дата обращения: 12.10.2022

применены корректировки (0,5 балла) за счет повышения энергоэффективности котельного оборудования и теплосетей; реализации мероприятий по установке очистных сооружений на объектах водоотведения; внедрения экологически чистого транспорта; введение механизмов раздельного сбора и утилизации твёрдых бытовых отходов и т.д.

В рамках анализа социальной компоненты определяется результативность региона по полноценному обеспечению своего населения набором услуг социальной сферы, особенно образования и здравоохранения¹. Особенно важным индикатором здесь является доля населения, ограниченного в возможностях получения полного пакета услуг социальной сферы, так как это показатель фактически означает эффективность проводимой в регионе социальной политики и существенно сказывается на уровне жизни населения.

Экспертные корректировки проводятся в том случае, если, например, регион активно инвестирует в создание условий для граждан с ограниченными возможностями или в развитие человеческого потенциала; ожидаемая продолжительность жизни и иные социально-демографические показатели существенно выше средних страновых значений или, в качестве фактора для отрицательной корректировки, становятся общественные конфликты в регионе или существенный спад социального или материального положения отдельных категорий населения и т.д.

Ввиду высокой степени регламентированности управленческих подходов управления регионом с помощью нормативных актов механизм осуществления оценки управленческой компоненты региона приобретает довольно специфический характер². Обратим также внимание на то, что методика достаточно сильно сужает спектр проблем, решаемых в рамках

¹ Методология присвоения ESG-рейтингов. Методологический комитет Общества с ограниченной ответственностью «Национальные Кредитные Рейтинги». Протокол № 41 от «17» марта 2022 г. М.: 2022. 27 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ratings.ru/upload/iblock/8ad/ESG_methodology_170322.pdf Дата обращения: 12.10.2022

² Методология присвоения ESG-рейтингов. Методологический комитет Общества с ограниченной ответственностью «Национальные Кредитные Рейтинги». Протокол № 41 от «17» марта 2022 г. М.: 2022. 27 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ratings.ru/upload/iblock/8ad/ESG_methodology_170322.pdf Дата обращения: 12.10.2022

региональной управленческой компоненты, фактически сводя их к отдельным элементам цифровизации деятельности региональных властей и государственных платформенных сервисов.

Как мы уже отмечали, на предпоследнем этапе ESG-оценки развития региона производится сравнительный анализ (реер-анализ), представляющий собой в данном случае модификатор, за счет которого достигается возможность разграничения ESG-рисков (или чувствительность к отдельным компонентам таких рисков) регионов, имеющих сопоставимые балльные оценки. С целью проведения сравнительного анализа формируется реер-группу минимум из трёх регионов, при этом основным условием отнесения конкретного региона к реер-группе является близость взвешенной суммы оценок представленных в региональной выборке.

По аналогичному принципу выстроен и третий подход к формированию рейтингов устойчивого развития регионов. Он основан на принципах совмещения в рамках выставления ESG-оценок уровня подверженности риску и оценки эффективности его нивелирования.

Третья рассматриваемая нами методика ESG-оценки региона разработана аналитическим агентством RAEX-Pro. Особенность данной методики заключается в том, что каждому «негативному» индикатору соответствует другой «положительный» индикатор», который отражает уровень преодоления или нейтрализации имеющихся рисков.

Например, в рамках оценки индикаторов экологической подсистемы можно рассмотреть показатель выброса в атмосферу загрязняющих веществ, а в противовес ему обозначить долю уловленных и обезвреженных веществ. Положительной считается динамика снижения выбросов в целом; сохранения того же уровня выбросов при увеличении доли улавливаемых веществ, или же повышения доли выбросов при опережающей динамике улавливания загрязняющих веществ. Если же наблюдается дисбаланс, - то это прямое свидетельство разгармонизации взаимодействия подсистем в рамках ESG-модели. При этом оценка государственного управления не имеет

балансировки «негативный индикатор-нейтрализующий индикатор», так как строится исходя из оценки качества государственного управления.

Предлагаемая аналитическим агентством «Эксперт РА» ESG-оценка городов – административных центров регионов России стала четвертой методикой оценки устойчивого развития территорий, которые мы рассматриваем в нашем исследовании. Она, точно также как и методика НКР, наибольший вес при оценке факторов влияния отдает социальной компоненте. Методика предполагает расчет 22-ух показателей, на основе которых выводится интегральный показатель, основанный на применении сравнительного анализа. По итогам интегральной оценки города были отнесены к четырем уровням ESG: наивысший, очень высокий, высокий, приемлемый. При этом эксперты подчеркивают, что на настоящий момент времени отнесение городов к тому или иному уровню ESG-развития является условным¹. Оценка в рамках каждого блока также как и в предыдущих методиках, предполагает установление соответствия каждого показателя критериям его оценки и присвоение баллов - 0/0,5/1 или 0/1. По нашей оценке предлагаемая методология полностью подходит для оценки устойчивости развития всего региона, а не только отдельных городов.

При рассмотрении показателей качества управления регионом, обратим внимание, что методика Эксперт-РА пока единственная, которая связала управленческую подсистему с экономической подсистемой, так как впервые здесь заложены показатели, которые в первую очередь характеризуют не только деятельность органов власти, но и экономическую деятельность хозяйствующих субъектов региона. Итоговая оценка устойчивого развития определяется по формуле, учитывающей вес каждой компоненты, и здесь обращает на себя внимание очень высокий вес социальной компоненты, и достаточно низкий вес – управленческой:

$$ESG_j = 0,3 \times E_j + 0,5 \times S_j + 0,2 \times G_j, \quad (1)$$

¹ Тирских Т., Галиева Г. ESG-оценка развития российских городов: новые условия – новые задачи для территорий [Электронный ресурс] Режим доступа: https://raexpert.ru/researches/sus_dev/esg_city_development_2022/ Дата обращения: 11.10.2022

где, ESG_j – интегральный показатель j -ого региона; E_j – интегральный показатель оценки экологии j -го региона; S_j – интегральный показатель оценки общества j -го региона; G_j – интегральный показатель оценки управления качеством j -го региона.

Учет ряда показателей, характеризующих экономические процессы в регионе, а также достаточно сжатый набор показателей, достаточно полно характеризующий устойчивость развития каждой анализируемой компоненты, на данном этапе проведения исследования, позволяет нам говорить о возможности применения данной методики в качестве базовой для построения алгоритма оценки устойчивого развития регионов, учитывающего специфику южнороссийских территорий.

Последняя методика ESG-оценки регионов, которую мы будем рассматривать, разработана Национальным рейтинговым агентством в 2022 году и предполагает расчет итогового балла, определяемого как среднеарифметическое трех рейтингов ключевых блоков E, S и G, через таблицу его соответствия расчетному рейтингу.

$$ESG = \frac{1}{3} * \left(\frac{1}{K} * \sum_{i=1}^K E_i + \frac{1}{L} * \sum_{i=1}^L S_i + \frac{1}{M} * \sum_{i=1}^M G_i \right) \quad (2)$$

где, $(i = 1, \dots, K)$ – набор K релевантных переменных блока E, $(i = 1, \dots, L)$ – набор L релевантных переменных блока S, $(i = 1, \dots, M)$ – набор M релевантных переменных блока G.

По структуре используемых в ходе оценки показателей, методика похожа на методику, предлагаемую АКРА, так как здесь тоже выделяются факторы и субфакторы, с тем лишь различием, что данная методика предполагает оценку очень большого количества показателей.

Так, например, оценка экологической составляющей основана на комплексном анализе 4 групп показателей: управления в сфере экологии, воздействия на окружающую среду, изменения климата и использования ресурсов. Оценка по данной методике представляется довольно трудоемкой – только в рамках экологического блока необходимо рассчитать 72 показателя,

однако необходимо учесть, что многие из них как раз отвечают требованиям концепции устойчивого развития и характеризуют одновременно и экологическую и экономическую или социальную устойчивость.

Оценка социальной политики основана на комплексном анализе 3-х групп показателей, характеризующих демографические показатели, уровень развития человеческого капитала и права человека, при этом последняя группа показателей также упоминается впервые в исследованных нами методиках. В рамках этого блока необходимо рассчитать 58 показателей, многие из которых имеют «сквозной» характер и характеризуют не только состояние социальной подсистемы, но и уровень развития инфраструктурной составляющей и даже степень цифровизации региона.

Оценка качества работы органов исполнительной власти регионов базируется на комплексном анализе 2-х групп показателей – стратегии и эффективности управления устойчивым развитием и предполагает расчет 30 показателей¹. Выбранная структура индикаторов позволяет достаточно объективно и с учетом всех современных трендов устойчивого развития провести оценочные процедуры, так как здесь присутствует оценка достаточно специфичных, но актуальных для текущего времени критериев – наличия карбоновых полигонов, положительной динамики инвестирования в основной капитал, реализации проектов ГЧП и т.д.

По итогам проведенного сравнительного анализа методик ESG-оценки развития регионов, мы пришли к выводу о том, что алгоритм ее проведения идентичен во всех рассмотренных случаях, однако структура самих показателей достаточно разнородна, - некоторые из них имеют детализированный характер и предполагают расчет большого количества частных показателей, а другие отличаются специфичным подходом к оценке

¹ Методология присвоения ESG-рейтингов субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям (некредитных рейтингов, оценивающих подверженность регионов экологическим и социальным рискам, а также рискам, связанным с управлением и реализацией стратегии и государственных программ в достижении целей устойчивого развития). Утверждена Приказом Генерального директора ООО «Национальное Рейтинговое Агентство» от 07 июня 2022 г. № ПР/07-06/22-1. М: 2022

за счет использования в основном качественных показателей, получаемых в ходе экспертных оценок.

Обзор всех подходов к оценке устойчивого развития региона позволил нам выработать алгоритм ее проведения для южнороссийских регионов, причем данный алгоритм учитывает и отраслевую специфику субъектов ЮФО и СКФО и особенности их территориального развития, заключающиеся в диспропорциях уровня социально-экономического положения, и перспективы дальнейшего развития в новых экономических условиях.

Наш подход к формированию алгоритмов устойчивого развития заключается в том, что мы предлагаем проводить оценку по показателям, сформированным не в зависимости от подсистем устойчивого развития (экономической/управленческой, социальной и экологической), а по показателям, отражающим эффективность работы тех инструментов, которые отвечают за реализацию основных целей устойчивого регионального развития. Такой подход позволяет преодолеть ограниченность оценок, которые рассматривая экологическую, социальную и управленческую компоненту, игнорируют экономическую составляющую, а также учесть именно те цели, которые важны для устойчивого развития территорий Юга России.

При этом, по нашему мнению, результирующий показатель у всех методик оценки должен сводиться к расчету одного индекса, определяющего качество реализуемых стратегий устойчивого развития – индекса качества жизни в регионе, так как именно эта цель является определяющей при реализации стратегий ESG-развития региона, а экологическая, экономическая, управленческая составляющая играют соподчиненную роль, что мы и видим в подавляющем большинстве методик оценки, где именно социальным факторам отводится наибольшее внимание.

Кроме того, уникальность предложенного нами алгоритма оценки (рис. 2.7) заключается в том, что первые два этапа связаны не непосредственно с

самой оценкой ESG-индикаторов, а представляют собой подготовительную работу для проведения такой оценки.

Рисунок 2.7. – Алгоритм проведения оценки устойчивого развития регионов с учетом их специфики¹

Важность их реализации объясняется тем, что учитывая некоторые специфичные черты развития территорий (например, диспропорций социально-экономического положения регионов ЮФО и СКФО,

¹ Разработано автором по результатам исследования

приоритетности развития агропромышленного комплекса и туристического кластера, особенно на фоне санкционных ограничений), оценка устойчивости развития, как фактор дальнейшего влияния на механизмы реализации региональных ESG-стратегий, должны выявлять те «узкие» места развития каждого региона, которые необходимо скорректировать для дальнейшей балансировки развития трех подсистем устойчивого развития. При этом данный алгоритм может рассматриваться в качестве универсального и подходит для применения каждым регионом РФ с небольшими корректировками в части приоритетных задач регионального развития.

Кроме того, нам представляется целесообразным, использование такой модели устойчивого развития, в которой основными подсистемами является экономика, социум и экология, так как управление является инструментом реализации экономических, социальных и экологических целей, а не самоцелью развития.

В том числе и поэтому мы сочли необходимым проводить оценку экономических, социальных, экологических и управленческих параметров развития территории, подразделяя их не по этим группам, а с точки зрения того, эффективность функционирования какой группы инструментов ESG-развития они могут характеризовать.

2.3 Механизм формирования концепции устойчивого развития регионов ЮФО и СКФО в новых экономических условиях

Необходимость внедрения в практику регионального управления концепции устойчивого развития или отдельных ее компонентов предопределяет целесообразность разработки теории и механизмов обеспечения региональной устойчивости, а также установление нормативных значений и целевых индикаторов социально-экономических, эколого-экономических и социо-экологических процессов, так как они определяют

границы устойчивого развития как самого региона, так и всех его хозяйствующих субъектов¹.

Повестка устойчивого развития уже достаточно серьезно интегрировалась в стратегии развития хозяйствующих субъектов, причем если изначально ESG-концепция применялась только крупными предприятиями при формировании ими стратегий долгосрочного развития, то со временем принципы устойчивого развития вышли за пределы корпоративных форм собственности, и стали играть определяющее значение при разработке стратегий сбалансированного развития территорий как на региональном, так и на национальном и даже международном уровне. Современная геополитическая ситуация обострила вопросы устойчивого развития для всех отечественных регионов, особенно для южнороссийских, которые характеризуются достаточно существенными диспропорциями развития, а также находятся в непосредственной близости от зоны ведения боевых действий. Это обостряет актуальность исследований, направленных на выявление в текущих условиях тех драйверов развития, которые могли бы способствовать устойчивому развитию регионов ЮФО.

Механизм формирования концепции устойчивого развития региона состоит из следующих элементов:

- нормативно-правовая база, регулирующая процессы устойчивого развития;
- ESG-принципы на которые должно опираться руководство региона при формировании концепции устойчивого регионального развития;
- цель и задачи устойчивого развития, уровень достижимости которых можно измерить количественно и описать системой целевых индикаторов;
- методы и инструменты реализации концепции устойчивого развития;
- функции управления устойчивым развитием.

¹ Брызгунова Е.Ю. Механизмы повышения устойчивости региона // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015011621> ><https://scienceforum.ru/2015/article/2015011621> Дата обращения: 13.10.2022

Таким образом, механизм устойчивого развития региона можно определить как совокупность элементов, обеспечивающих реализацию целей устойчивого регионального развития, путем применения инструментов направленного воздействия на экономические, экологические, социальные и институциональные процессы, и методов, позволяющих осуществлять их сбалансированное развитие и обеспечивать устойчивые взаимосвязи между ними.

Механизм формирования концепции устойчивого развития региона входит в структуру общего механизма регионального развития, поэтому он точно так же подвержен корректировке как самих элементов региональной системы, так и их целевых значений, в зависимости от изменения факторов внешней среды. На рисунке 2.8 отражена структура описываемого нами механизма.

Рисунок 2.8. - Декомпозиция механизма обеспечения устойчивого регионального развития¹

¹ Составлено автором по результатам исследования

Обеспечение устойчивого и сбалансированного развития региона не является самоцелью и не отличается специфичностью поставленных задач, так как применение принципов ESG также преследует в качестве результирующей только одну цель - улучшение качества жизни населения региона. Но добиться этой цели в современных условиях уже невозможно только за счет использования традиционных механизмов социально-экономического развития, часть из которых уже носит устаревший характер, так как не соответствует общей динамике внешних изменений в окружающей среде и не учитывает возможность применения современных технологий и институционального инструментария развития территорий.

Например, для разработки региональной стратегии развития далеко не всегда целесообразно применение отраслевого подхода, а для органов власти – корпоративные инструменты к проектному управлению¹. В современных условиях повышается актуальность поиска и использования новых источников финансового обеспечения реализации стратегий устойчивого развития², так как, несмотря на то, что осуществление региональной политики в целях устойчивого регионального развития, предполагает использование целого набора инструментов бюджетного финансирования, привлечения средств федеральных целевых и адресных программ, а также инвестиций в рамках государственно-частного партнерства, на практике регионы в основном используют только два механизма - бюджетные трансферты и федеральные целевые программы.

Такой подход к финансированию стратегий устойчивого регионального развития существенно замедляет темпы роста региональной экономики, а в условиях кризисных явлений в экономике, может даже привести к дестабилизации экономики региона и появлению в региональном бюджете дефицитных позиций по отдельным направлениям финансирования.

¹ Akhmedjonov A., Plina I. N., Carol S. Leonard, Nazarov Z., Plisetskij E. E., Vakulenko E. S. Russias regions: governance and well-being, 2000-2008. BASIC RESEARCH PROGRAM WORKING PAPERS SERIES: Economics WP BRP 42/EC/2013. с. 14

² Зуденкова С.А., Карева А.В. Система мер повышения устойчивости регионального развития, используемых в Российской Федерации // Вестник ГУУ. 2013. №19. с. 64

Особо актуальны эти вопросы сейчас, когда в условиях ухода из инвестиционных проектов крупных зарубежных инвесторов и дезинвестиций ряда госмонополий, в регионах страны начался процесс снижения бюджетной обеспеченности.

Данная тенденция рискует стать серьезной проблемой для Юга России, среди регионов которого достаточно много дотационных, а 4 даже входят в десятку самых крупных дотационных регионов РФ (рис. 2.9).

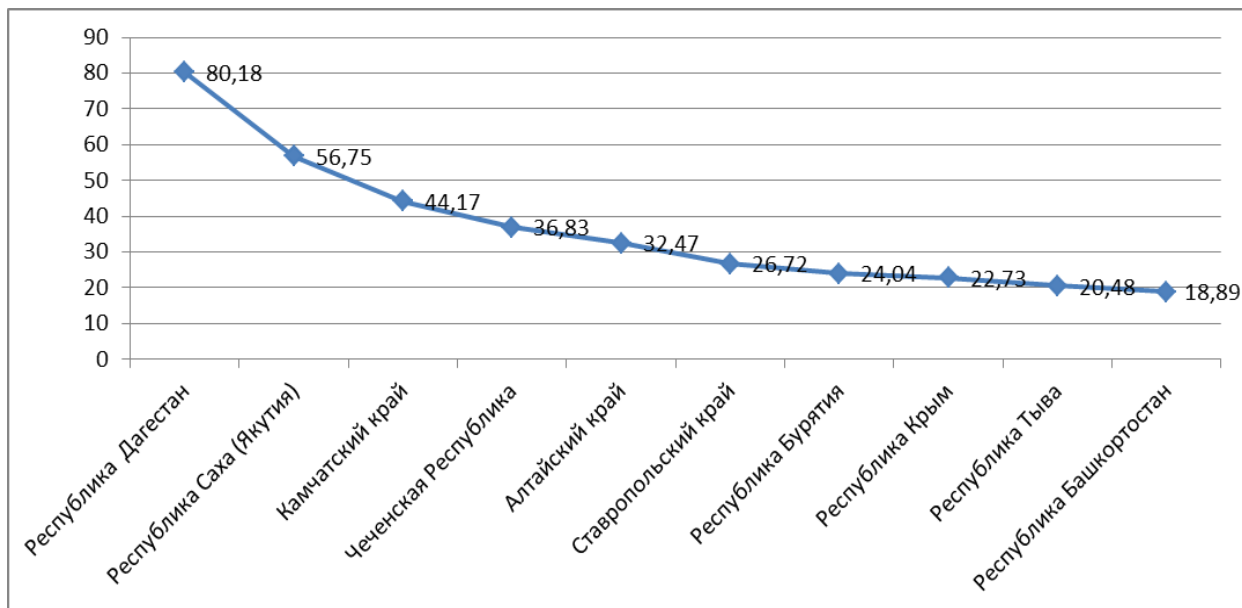

Рисунок 2.9. – Уровень дотационности отдельных российских регионов в 2022 году, млрд руб¹

В сентябре 2022 года на совещании по бюджету Президент РФ В.В. Путин уделил особое внимание вопросам устойчивости и сбалансированности федерального бюджета, так как эти аспекты оказывают определяющее воздействие на устойчивость экономики регионов, особенно в условиях их достаточно высокой дотационности.

Так как происходящие в мировом и национальном экономическом пространстве изменения носят долгосрочный характер, необходима разработка системных механизмов, которые позволят обеспечить эффективное функционирование сферы государственных финансов как

¹ Составлено автором по данным Федерального закона от 06.12.2021 N 390-ФЗ "О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов". Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов. Министерство финансов РФ// СПС Консультант Плюс

важнейшего инструмента финансирования региональных экономик в периоды нестабильности экономической конъюнктуры.

По нашему мнению одним из основных аспектов устойчивости региональной экономики является ее финансовая устойчивость и в долгосрочном плане, - обеспечение ее финансовой независимости от внешнего финансирования, то есть обеспечение самофинансирования региона и достижение профицитных значений бюджета при выполнении всех стоящих перед регионом задач в области экономического развития, обеспечения социального равенства и достойного уровня жизни местного населения.¹

На данный момент достаточно сложно оценить то, как скажутся санкционные ограничения на устойчивости регионов и, в частности, на их доходах², но уже сейчас очевиден актуальный характер разработки мероприятий, направленных на:

- сглаживание последствий от санкций и целевое распоряжение накопленными резервами (особенно в тех регионах, отраслевая специфика которых обеспечила получение сверхдоходов на фоне роста цен на нефтегазовые ресурсы);

- приоритезацию направлений поддержки отдельных секторов экономики, оптимизацию налоговой политики (в условиях снижения собираемости налога на прибыль, особенно в тех регионах, где основными отраслями промышленности были те, которые наиболее остро пострадали от санкций);

- поддержку высокотехнологичных, экологоориентированных и ресурсосберегающих отраслей экономики как ключевых звеньев обеспечения

¹ Калицева К.А. Тенденции устойчивого развития южнороссийских регионов в новых экономических условиях// Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) . 2022. № 3

² Романова Л. Минфин прогнозирует дефицит бюджетов регионов на следующие два года// Ведомости. 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/07/10/930699-minfin-defitsit-byudzhetov> Дата обращения: 19.09.2022

технологического суверенитета страны и выполнения задач импортозамещения.

Изучая научные труды по исследуемому направлению можно обратить внимание на то, что многие аспекты устойчивого развития регионов проработаны недостаточно, и в особенности - эффективные механизмы повышения устойчивости региона. Традиционная трехчастная модель устойчивого развития территории базируется на трех составляющих: социальной, экономической и экологической, при этом только сбалансированное развитие каждой из указанных компонент приводит к достижению в регионе устойчивого равновесия.

Трехкомпонентный состав модели определяет и особенности механизма управления устойчивым развитием региона, а также набор инструментов и методов такого управления (рис. 2.10).

Предложенный механизм управления устойчивым развитием региона демонстрирует тесную взаимосвязь между органами региональной власти как управляющей подсистемой и законодательным и ресурсным обеспечением региона как обеспечивающей подсистемой с объектом управления, в роли которого выступают социально-экономические и эколого-экономические отношения и процессы, происходящие внутри региона.

Обратим внимание на то, что устойчивое региональное развитие уже невозможно рассматривать исключительно как социально-экономическое развитие региона, так как принципы ESG-стратегии подразумевают обязательное присутствие экологической компоненты и в экономической, и в социальной сфере региона. Это объясняется тем, что концепция устойчивого развития региона предполагает необходимость возникновения в регионе синергетического эффекта, связанного с тем, что при разработке стратегии регионального развития будут учтены не только положения традиционной институциональной экономической теории, но и основные аспекты ресурсного подхода, что обеспечит функционирование региона уже на новом, принципиально новом уровне экономического развития,

обеспечивающем требования энергоэффективности, ресурсосбережения и экологичности.

Рисунок 2.10. – Механизм управления устойчивым развитием региона¹

Включение в механизм управления устойчивым развитием региона набора целевых показателей для мониторинга степени достижения установленных стратегических целей позволит своевременно корректировать процесс реализации стратегии регионального развития, менять, добавлять или убирать инструменты управления или же, наоборот, вносить изменения в систему стратегического планирования в связи с изменениями во внешней среде по принципам скользящего бюджетирования.

¹ Составлено автором по результатам исследования

Использование управленческого инструментария, который является основополагающей компонентой реализации механизма устойчивого регионального развития, в рамках его разработки для южнороссийских регионов, предполагает необходимость учета специфики данных территорий:

- наличия значительного демографического и трудового потенциала, а также высокой плотности населения, в том числе из-за большого притока беженцев из регионов Юго-Востока Украины;

- невысоких качественных показателей трудового потенциала, сопровождающегося снижением доли персонала со средним специальным образованием и нехваткой высококвалифицированных рабочих, что приводит к возникновению эффекта низкого уровня «капитализации» рабочей силы;

- тренда, связанного с усилением периферийности геоэкономического положения макрорегиона и его низкой ролью в национальной экономике. При этом следует уточнить, что на фоне происходящих и еще ожидаемых структурных изменений в экономике страны и даже мира, роль территории Юга России, скорее всего, будет возрастать, что связано с актуализацией использования агропромышленного и туристического потенциала региона;

- усиления разрывов между фактическим объемом производства и объемом фактического конечного потребления домашних хозяйств и объемом валового накопления, что характерно не только для «депрессивных территорий», но и для регионов-лидеров. Это позволяет даже некоторым специалистам делать вывод о развитии на территории Юга России, так называемой исторической инерции в сфере организации хозяйственной жизни, что в свою очередь существенно затрудняет темпы модернизации региональной экономики;

- многоукладности региональных экономик и высокой доли в некоторых регионах этноэкономического уклада, который характеризуется доминированием неформальных институтов, господством преимущественно

аграрных форм хозяйственной деятельности, низкой рыночной активностью и т.д.

Использование индикатора экономической активности региона позволяет уже на первых этапах реализации механизма устойчивого развития проанализировать успешность применяемых алгоритмов управления, так как индекс региональной экономической активности является достаточно чувствительным показателем, оперативно реагирующим на любые изменения внешней среды. Анализ динамики индекса региональной экономической активности (РЭА) показывает, что санкционные ограничения достаточно сильно сказались на данном показателе, и спад был достаточно серьезным – в июне 2022 года его значение достигло 39,8%¹.

Согласно результатам исследований 70% регионов РФ продемонстрировали снижение экономической активности по итогам 1 полугодия 2022 года, в то время как еще в начале текущего года в 85% регионов наоборот наблюдался рост данного показателя. Для целей нашего исследования особенно интересным становится рассмотрение региональной динамики внутри федеральных округов, так как здесь выявляется интересная тенденция, противоречащая мировой практике.

Обычно регионы, зависимые от федерального центра, дают достаточно сильную негативную реакцию на ухудшение экономической конъюнктуры, что выражается в спаде показателей деловой активности практически во всех секторах их экономик, но в России произошло наоборот,- высокодотационные субъекты оказались более устойчивы к кризисным явлениям, так как превалирующий там бюджетный сектор меньше подвержен негативному влиянию². Это очень хорошо прослеживается на лепестковой диаграмме, отражающей индекс РЭА по отдельным отраслям экономики и регионам (рис. 2.11).

¹ Циклические индикаторы// Комментарии о государстве и бизнесе. НИИ ВШЭ. 2022. № 439, с. 2

² Деготькова И. В ВШЭ сообщили о минимуме деловой активности в регионах с начала кризиса// РБК. 2022. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/10/08/2022/> Дата обращения: 18.09.2022

Наибольший показатель определяется у Северо-Кавказского федерального округа, а также у Южного федерального округа (где одной из приоритетных отраслей является АПК), в регионах же с развитым металлургическим или химическим производством в текущих условиях очевидны низкие значения исследуемого показателя.

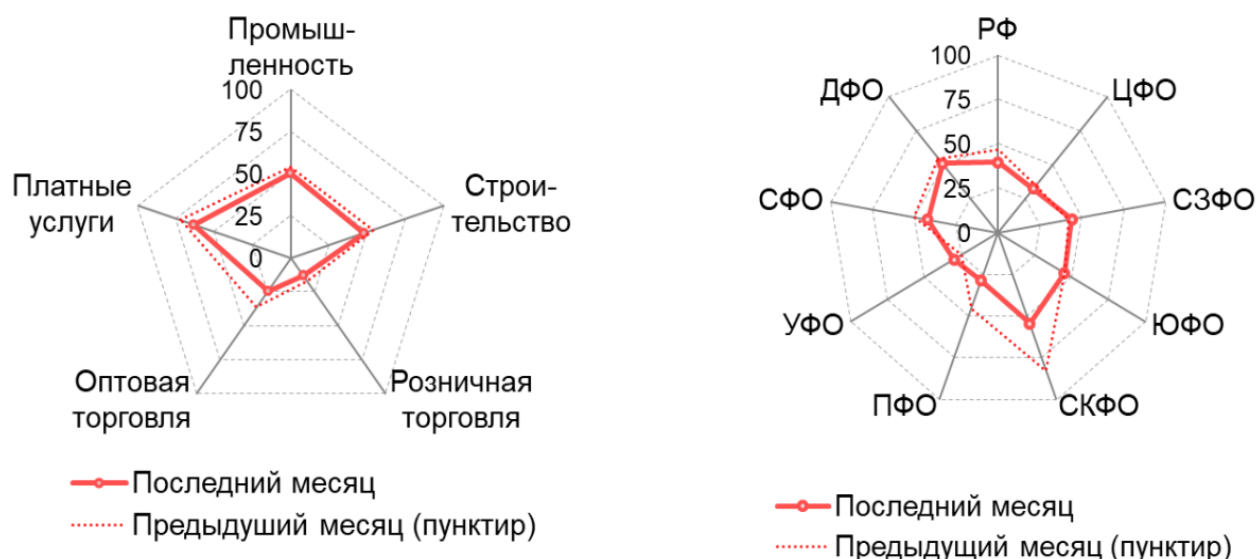

Рисунок 2.11. – Сводный индекс экономической активности по отраслям и федеральным округам РФ в июне 2022 г., %¹

Обратим внимание на то, что ни один из этих процессов – как снижение, так и рост показателя РЭА на фоне санкционных ограничений нельзя считать допустимым или положительным в том случае, если мы говорим об устойчивом развитии региона. Наблюдаемые явления свидетельствуют о разбалансированности механизмов регионального развития, которые в первом случае приводят к высокой зависимости региона и региональных бюджетов от экспортоориентированных отраслей, а во втором случае - к высокой и из года в год усугубляющейся зависимости региона от федеральных дотаций.

Устойчивое развитие в первую очередь должно обеспечивать самодостаточность территории и ее относительную финансовую независимость от федерального центра, чего возможно достигнуть только в

¹ Циклические индикаторы// Комментарии о государстве и бизнесе. НИИ ВШЭ. 2022. № 439, с. 3

условиях грамотной реализации экономических, социальных и экологических программ в течение длительного периода времени и установления приоритета достижения долгосрочных интересов развития территории даже в ущерб выполнению определенных краткосрочных задач, нацеленных на получение доходов в краткосрочном периоде, но не несущих полезной экологической или социальной «нагрузки».

Непредсказуемость развития экономической и геополитической ситуации пока не позволяет делать прогнозы о том, какие результирующие показатели развития регионов сформируются по итогам 2022 года, но при этом очевидно, что динамика экономической активности по результатам 1 полугодия определит темпы развития регионов и во 2 полугодии, а также во многом сформирует годовой результат. Но вне зависимости от полученных значений, можно утверждать, что приоритетность трансформации региональной экономики, основанной на следовании принципам устойчивого развития, не подлежит сомнению, так как современные реалии приводят все регионы, страны, да и все мировое сообщество к тому, что только учет экологической компоненты со всеми сопутствующими инструментами развития – ответственным финансированием и инвестированием, декарбонизацией, цифровизацией и т.д. может обеспечить повышение качества уровня жизни населения.

Учет наилучших практик устойчивого развития в разрезе отдельных российских регионов мог бы способствовать разработке адекватного управленческого инструментария, нацеленного на поэтапное внедрение в стратегии социально-экономического развития российских регионов ESG-принципов, что обеспечило бы сбалансированное развитие социальной сферы региона, его экономический рост и улучшение экологического состояния.

В таблице 2.9 приведен перечень регионов-лидеров в рамках устойчивого развития, а также указаны балльные значения по регионам ЮФО и СКФО в разрезе трех компонент, - состояния окружающей среды,

развитости социальной политики и качества государственного управления. Отметим, что данный рейтинг по своей актуальности для инвесторов уже имеет даже более приоритетное значение, чем оценка инвестиционной привлекательности регионов, так как многие стратегические инвесторы обращают внимание на то, как компании или регионы их присутствия заботятся об интересах будущих поколений.

В этом есть не только социальный, но и экономический смысл – если у региона (компании, отрасли, кластера), есть возможность осуществления долгосрочного инвестирования в социальные и экологические проекты, проекты, связанные с модернизацией основных фондов, внедрением новых энергоэффективных и ресурсосберегающих технологий, это значит, что на осуществление данных проектов есть свободные денежные средства (высокая рентабельность), заинтересованность в выполнении долгосрочных задач (стабильность), уверенность в успехе (финансовая устойчивость). А это фактически те факторы, которые делают компанию (отрасль, кластер, регион) инвестиционно-привлекательным объектом для капитальных вложений с точки зрения любого инвестора.

Таблица 2.9 - ESG- рейтинг регионов РФ по итогам 2021 года¹

Место	Регион	E	S	G
1	Ленинградская область	13	9	3
2	г. Санкт-Петербург	54	4	2
3	г. Москва	37	5	5
15	Республика Адыгея	34	36	10
16	Воронежская область	18	23	32
27	Ростовская область	9	59	44
29	Республика Крым	28	30	40
37	Краснодарский край	65	34	21
38	г. Севастополь	50	12	59
45	Республика Дагестан	6	75	67
56	Ставропольский край	67	70	30
62	Астраханская область	75	56	41
63	Волгоградская область	57	44	68
68	Республика Северная Осетия - Алания	52	47	69
70	Республика Ингушетия	5	58	83
72	Карачаево-Черкесская Республика	14	76	80
73	Кабардино-Балкарская Республика	55	62	76
77	Чеченская Республика	62	66	78

¹ ESG-рэнкинг регионов. Аналитическое агентство Эксперт РА [Электронный ресурс] Режим доступа: https://raex-rr.com/esg/ESG_rating_regions#table Дата обращения: 18.09.2022

Составители рейтинга отмечают, что для большинства регионов в настоящее время характерно стихийное формирование достигнутого прогресса по ESG-факторам, в то время как данные процессы должны стать результатом целенаправленных стратегических действий власти и полностью вписываться в реализуемые на территориях концепции стратегического развития. Поэтому механизм управления устойчивым региональным развитием сейчас нуждается даже не в корректировке или в совершенствовании, а в тщательном формировании с учетом всех необходимых для этого институциональных инструментов и управленческих методов.

Несмотря на ухудшение экономических условий и санкционные ограничения, повестка устойчивого развития становится все более актуальной для экономических субъектов, а регионам позволяет обеспечить выполнение своих основных социально-экономических задач и сбалансированность текущих задач регионального развития со стратегическими интересами территории. В текущих условиях основным механизмом повышения устойчивости региона можно назвать системное развитие таких факторов устойчивого развития как рациональное использование невозобновляемых ресурсов, развитие альтернативной энергетики и цикличной экономики, формирование экологических активов региона, стимулирование бережливого и энергоэффективного производства.

Повышение устойчивости региона позволяет найти оптимальный баланс между развитием экономических, природных и социальных факторов и обеспечить благоприятную экологическую обстановку, достичь социальной справедливости и обеспечения населения всем необходимым набором социальных услуг и сохранить экономический рост даже в кризисных условиях.

Об эффективности используемого механизма устойчивого развития региона можно будет судить исходя из оценки комплексности развития элементов региональной социально-экономической системы и анализу

уровня рационального расходования ресурсов. Для каждого региона следует определять свои факторы развития, которые будут зависеть от основных задач регионального развития, существующих на текущий момент «сильных» и «слабых» сторон региона, приоритетности развития определенных отраслей.

ГЛАВА 3. РАЗРАБОТКА ИНСТРУМЕНТОВ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРАТЕГИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ЦЕЛЯХ ИХ СООТВЕТСТВИЯ ПРИНЦИПАМ ESG

3.1 Оценка перспектив сбалансированного развития регионов ЮФО и СКФО в рамках повестки устойчивого развития

Теория сбалансированного регионального развития существенно переплетается с теорией устойчивого развития региональных систем, так как целью обеих теорий является разработка теоретико-методологических основ направленных на обеспечение равновесия и стабильного развития региональных систем, что достижимо только при наличии свободы конкуренции, максимального использования факторов производства, мобильности ресурсов и доступности технологий. Практические мероприятия по достижению целей сбалансированного и устойчивого развития определяются особенностями регионального управления и спецификой применяемых при этом управленческих технологий.

Некоторые исследователи утверждают, что диспропорции в развитии регионов обусловлены действием рыночного механизма, поэтому для их нейтрализации государство должно осуществлять регуляторную функцию, участвовать в процессах распределения ресурсов, способствовать созданию инфраструктурных объектов, осуществлять весь спектр контрольных мероприятий, которые позволяют отслеживать целевой характер направленных финансовых средств и добросовестное исполнение каждым хозяйствующим субъектом его задач, находящихся в сфере решения задач по региональному развитию.

Говоря о сегодняшнем сбалансированном развитии южнороссийских регионов, необходимо отметить возросшее значение приоритезации отраслевого развития и нахождения в структуре экономики так называемых полюсов роста, которые будут выступать драйвером развития всего региона. Также и сам регион может стать «полюсом роста» для национальной

экономики. В связи с этим в конце 20 века было сформировано новое исследовательское направление, получившее название регионализма, под которым подразумевается создание единого интеграционного пространства на демократических основах. И если раньше регионализм воспринимался как отдельная концептуальная составляющая процессов глобализации, то сейчас он уже выходит из-под ее влияния, преимущества глобализации теряют свою актуальность в современном мире, а вот тенденция регионализма в международном экономическом пространстве прослеживается все четче.

В преломлении к оценке перспектив сбалансированного развития регионов Юга России, тренд на регионализацию можно также отследить весьма определенно. Все больше регионов РФ, особенно в условиях необходимости обеспечения импортозамещения, обретают свою специализацию, а продукция, выпускаемая на их территориях, способствует продвижению регионального бренда.

Например, изучение инвестиционных проектов последних лет, реализованных на территориях ЮФО и СКФО, дает понимание о том, какие именно отрасли становятся для регионов драйверами роста, способными обеспечить сбалансированное развитие и обеспечить выполнение ESG-целей. Так, в Ростовской и Астраханской областях делается достаточно большой акцент на создании ветропарков, что уже в скором будущем может привести к созданию южного ветроэнергетического кластера, а во многих Северо-Кавказских республиках реализуются проекты в сфере туризма.

Формирование рекреационно-туристических кластеров во многих регионах Юга России занимает одно из важнейших мест в решении социально-экономических проблем местных территорий, что обусловлено не только приоритезацией развития данной отрасли в новых экономических условиях, но и историческим процессом развития южнороссийских территорий, связанным с одной стороны, с традиционно низкой долей промышленных-загрязняющих производств, а с другой – с высоким рекреационным потенциалом, благоприятным экологическим потенциалом и

культурно-этнографическим наследием. Обострившиеся с момента начала пандемии социально-экономические проблемы, усиленные геополитическими осложнениями с момента начала СВО, переориентируют туристические потоки внутрь страны, а это значит, что возможности развития своего внутреннего туристического потенциала для регионов Юга России резко возрастают. Это актуализирует разработку программ и механизмов, способствующих развитию туристической отрасли в регионе, а в качестве одного из наиболее действенных инструментов при этом рассматривается формирование туристических кластеров, которые могут стать для регионов ЮФО и СКФО эффективным драйвером развития и способствовать переходу региона на устойчивые принципы функционирования (ESG).

Быстро меняющиеся в текущих условиях факторы внешней среды, имеющие как глобальную, так и локальную природу, приводят регионы к необходимости изыскания таких механизмов роста конкурентоспособности, которые смогут обеспечить их устойчивое развитие и благоприятно скажутся на позиционировании территорий. Особенно эти вопросы актуальны для регионов ЮФО и СКФО, в составе которых достаточно много территорий с туристско-рекреационным потенциалом, находящимся, однако на разных уровнях развития. Для указанного типа регионов становится целесообразным разработка адаптивного механизма функционирования региональной системы развития территории, опирающейся на развитие туристических кластеров, которые в новых экономических условиях смогут стать локомотивом развития южнороссийских территорий¹.

Специалисты, занимающиеся вопросами изучения возможностей и перспективности применения кластерного подхода для регионального и отраслевого развития отмечают, что в целях развития туристической отрасли, использование данного подхода является экономически обоснованным и

¹ Золотарева Ю.В. Социально-экономические аспекты развития туристского кластера в Северо-Кавказском федеральном округе// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 8 (часть 1), с. 86

способствует возникновению эффекта синергии, который невозможно было бы получить субъектам туристической отрасли по-отдельности. Вместе с тем стоит отметить и возрастающую роль формирования туристических кластеров в механизме устойчивого развития региональной экономики на Юге России, так как они могут стать стабильной основой развития локальных бизнес-систем. Отмечается, что регионы, в которых удастся добиться эффективного проведения кластерной политики, показывают устойчивый и сбалансированный рост, высокую конкурентоспособность и хорошую устойчивость к кризисным явлениям¹.

Высокий потенциал развития туристической отрасли и создания кластеров подтверждается высокими темпами развития отрасли - количество инвестиционных проектов в сфере строительства курортной недвижимости на Юге России за 2021 год выросло в три раза и продолжает расти. Однако, например, отели черноморского побережья переполнены, инфраструктуры для отдыха не хватает, что влияет на уровень цен и активность инвесторов. Даже сейчас, в условиях тотального сокращения туристических направлений, многие черноморские отели неспособны конкурировать по соотношению цена/качество сервиса с отелями Турции или ОАЭ. Тем не менее, сложившаяся ситуация дает отечественным регионам, обладающим природно-рекреационным и хотя бы небольшим инфраструктурным потенциалом, хорошие импульсы для устойчивого развития, а формирование в этих регионах туристических кластеров как раз должно будет обеспечить тот эффект синергии, о котором уже упоминалось выше, и который позволит реализовывать стратегию устойчивого развития не только одной туристической отрасли, но и экономике всего региона.²

Перспективность развития на южнороссийских территориях туристических кластеров подтверждается и данными летнего туристического

¹ Друк В.Ю., Найденов А.М. Формирование туристических кластеров в контексте устойчивого развития регионов // Экономика и банки. 2017. №1, с. 55

² Калищева К.А. Формирование туристических кластеров как одно из направлений ESG-развития южнороссийских территорий // В сборнике: Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 232-237.

сезона (июнь-август 2022 г.), согласно которым в топ-15 туристических регионов вошли сразу 4 региона ЮФО и СКФО – Краснодарский край – 1-ое место, Республика Крым – 2-ое место, Республика Дагестан – 11 место, Ставропольский край – 15 место¹.

Кроме того, в 2020 году в лидерах Национального туристического рейтинга также оказались 4 региона Юга России – Краснодарский край на 4 месте, Республика Крым – на 5-ом, Ставропольский край – на 12-ом и Ростовская область – на 17-ом. При этом на территории РФ сейчас действует только 8 туристических кластеров, и только один из них на территории Юга России – Кластер туристической отрасли Ростовской области, созданный в 2017 году и до сих пор имеющий уровень развития в статусе «начальный»².

Важным результатом формирования и функционирования туристических кластеров станет устранение диспропорций в социально-экономическом развитии регионов, так как мировая практика показывает, что с помощью развития туристической отрасли можно преодолеть неравномерность развития отдельных территорий региона, повысить инвестиционную активность, преодолеть бюджетный дефицит, улучшить инфраструктуру, обеспечить занятость населения и экологическое благополучие территории.

Безусловно, что добиться сбалансированного развития регионов с точки зрения их равного развития – с одинаковыми социально-экономическими показателями, невозможно. Скорее, речь идет о достижении регионом такого равновесного состояния, при котором обеспечивается полноценное использования всех видов регионального потенциала, за счет реализации которого населения каждого региона может в необходимом объеме использовать преимущества общенационального экономического роста.

¹ ТОП-15 регионов в контексте «туризм» - июнь-август 2022[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/research/11432/> Дата обращения: 25.10.2022

² Карта кластеров России [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://map.cluster.hse.ru/cluster/526> Дата обращения: 25.10.2022

В связи с тем, что практически все региональные процессы так или иначе связаны с движением инвестиционных ресурсов в экономику региона, или из нее, то определяющим фактором в достижении регионального баланса становится формирование справедливого и эффективного механизма распределения инвестиций региональным бюджетом, а также механизма межбюджетных трансфертов и субсидирования из регионального бюджета. В идеальной ситуации инвестиции должны перераспределяться таким образом, чтобы темпы экономического роста в регионах были равными, то есть должны способствовать сглаживанию региональных различий внутри страны.

Поэтому для достижения регионального баланса весьма важно, чтобы отсталые регионы пытались достичь более высоких темпов роста, чем в развитых регионах. Режим санкционных ограничений повлиял на российские регионы по-разному, но, как мы уже писали ранее, некоторые из них показали весьма существенные темпы роста, поэтому даже наблюдаемая негативная ситуация повлияла с какой-то стороны положительно на сглаживания диспропорций регионального развития, так как уровень производства «просел» как раз-таки в сырьевых экспортно-ориентированных регионах.

Именно поэтому необходимо внести уточнения в понятие сбалансированного регионального развития, так как задача состоит не в том, чтобы просто достичь одинакового уровня, например, валового регионального продукта (иначе для этого достаточно будет просто падения ВРП в региона-лидерах экономического роста), а в достижении сбалансированного устойчивого развития, означающего одновременное равномерное развитие регионов, сопровождающееся ростом доходов на душу населения, рациональным использованием ресурсов, повышением доступности и качества социальных ресурсов, и, в целом, удовлетворенности населения уровнем жизни в своем регионе.

Здесь мы приходим к очень важному выводу о том, что приоритетным направлением развития – должна быть устойчивость, а уже во вторую очередь – сбалансированность. Естественно, что доходы населения в Москве и, например, Республики Калмыкия никогда не будут равными, но если при этом у жителей республики будет доступ к качественным социальным услугам, достаточный уровень доходов, экологически благополучная среда, то в этом случае можно будет с уверенностью говорить об устойчивом сбалансированном развитии региона.

Именно поэтому мы уже не раз обращали внимание на то, что если приоритетной целью устойчивого развития региона является повышение качества жизни населения, то и оценка перспектив такого развития и анализ уровня достижимости поставленных задач должен быть произведен исходя из того, приводят ли реализуемые мероприятия к повышению качества жизни. А значит и целевые индикаторы должны подбираться исходя из того, что они должны корректно отражать качество жизни на территории региона.

В связи с этим представляется актуальным формирование Агентством стратегических инициатив рейтинга качества жизни населения региона, в котором сеть очень важный показатель – приверженность, который представляет собой социологически индекс, отражающий удовлетворенность жизнью в данном населенном пункте, готовность рекомендовать его как место для постоянного проживания и готовность связать с ним свою жизнь и жизнь своей семьи на длительный срок.

Для построения рейтинга регионов было отобрано больше количество показателей, в результате чего регионы распределились на 5 групп в зависимости от полученной интегральной оценки качества жизни в них (последние места рейтинга – «худшие 20%», первые места рейтинга – «лучшие 20%»). На рисунке 3.1. представлено распределение регионов по четырем отслеживаемым показателям:

- уровень доверия к местным властям;
- уровень предпринимательской активности;

- приток мигрантов с высшим образованием;
- суммарный коэффициент рождаемости.

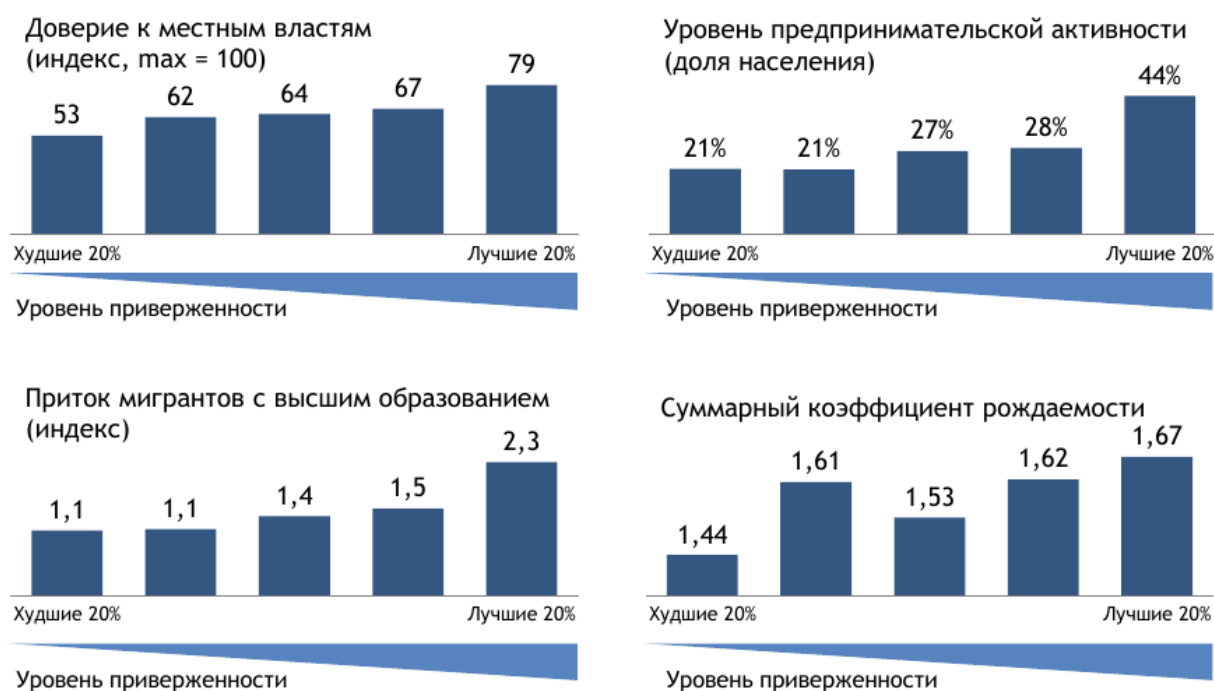

Рисунок 3.1.– Приверженность как критерий лояльности населения региона к реализации стратегий, необходимых для его устойчивого развития¹

Как мы видим, упор сделан именно на тех показателях, которые прямо характеризуют состояние человеческого капитала региона, и каждый из графиков свидетельствует о том, что существует достаточно четкая прямая зависимость уровня исследуемых показателей с уровнем качества жизни в регионе. Показательно, что все эти индикаторы относятся к социальной сфере, тем самым также и среди основных индикаторов устойчивого развития, как мы уже выяснили во 2 главе работы, приоритет отдается показателям, характеризующим состояние социальной подсистемы региона.

Сбалансированное региональное развитие для территорий Юга России можно представить в виде соотношения целей экономического и неэкономического характера (табл. 3.1.). Особое внимание хотелось бы зафиксировать на социально-экономических компонентах устойчивого

¹ Рейтинг оценки усилий региональных органов исполнительной власти по созданию качественной среды для жизни граждан РФ (Рейтинг качества жизни). Агентство стратегических инициатив. М.:2021. 21 с., с.6

сбалансированного развития регионов, к которым относится образование региональных и отраслевых кластеров.

Таблица 3.1 – Компоненты сбалансированного развития южнороссийских регионов с учетом ESG-целей¹

Экономические цели	Использование локальных ресурсов – Э1	Расширение возможностей трудоустройства –Э2	Использование инфраструктурных объектов – Э3
Неэкономические цели			
Стратегические – Н1	Появление полюсов роста в экономике региона	Равномерное распределение промышленных мощностей	Развитие приоритетных отраслей
Социально-экономические – Н2	Минимизация темпов эмиграции	Снижение процента безработных, рост доходов населения	Решение социальных проблем
Экологические- Н3	Рациональное природопользование	Увеличение занятости в «зеленых» секторах, в т.ч. за счет кластеризации	Формирование специализированной «зеленой» инфраструктуры
Социально-инфраструктурные- Н4	Полноценное использование инфраструктурных объектов и их модернизация с учетом интересов населения и бизнеса		

Опишем каждый квадрат предложенной матрицы более подробно с указанием того, за счет чего предполагается достижение указанных эффектов:

- Н1-Э1 - за счет выявления «полюсов роста» в экономике регионов ЮФО достигается оптимальное использование природных, финансовых, человеческих ресурсов. Такими полюсами роста могут стать как отдельные отрасли, предприятия, кластеры, так и отдельные регионы;

- Н1-Э2 - достигается равномерное распределение промышленных мощностей, что позволяет экономить сырье, топливо, рационально использовать рабочую силу и навыки людей в соответствии с их навыками и

¹ Составлено автором по результатам исследования

умениями. Реализация этой задачи важна для регионов ЮФО и СКФО, в которых сохраняются высокие диспропорции межрегионального развития;

- Н1-Э3 – балансировка данных целей способствует региональному распределению промышленной деятельности по стратегическим соображениям и в соответствии с требованиями национальной безопасности, что особо актуально для регионов ЮФО в текущей ситуации функционирования в режиме «среднего уровня реагирования»;

- Н2-Э1 - достигается минимизация темпов эмиграции рабочей силы в отдаленные промышленные центры за счет рационального рассредоточения промышленной деятельности в регионе;

- Н2-Э2 - возможности трудоустройства равномерно расширяются по причине устойчивого развития отраслей экономики, а также создания более крупных форм региональных образований – кластеров, технопарков и т.д.;

- Н2-Э3 – сочетание данных целей при реализации мероприятий, направленных на совершенствование инфраструктуры с упором на достижение целей социального развития, позволяет устранить социально-политические проблемы, связанные со здравоохранением, жильем, правопорядком, культурным упадком и т.д., которые возникают из-за концентрации развивающихся отраслей экономики только в определенных точках региона;

- Н3-Э1- достигается рациональное потребление ресурсов территории с учетом долгосрочных интересов ее развития;

- Н3-Э2- появление в экономике региона новых «зеленых» кластеров позволяет обеспечить занятость и увеличить долю инновационного сектора. Кластеры, основанные на традиционных для региона отраслях (например, туристические в СКФО), также могут обладать чертами «зеленых»;

- Н3-Э3- достигается более тщательный контроль функционирования промышленного комплекса, формируется специализированная «зеленая» инфраструктура (например, формирующийся на территории Ростовской области ветроэнергетический кластер);

- Н4- Э1-Э2-Э3 - Появляется возможность полноценного использования различных инфраструктурных объектов, таких как транспортные и коммуникационные средства, энергетические ресурсы, ирригационные сооружения, образовательные и медицинские учреждения, с их последующей модернизацией.

Процессы регионализации и кластеризации на Юге России очень важны, так как экономические детерминанты кластеризации позволяют достичь положительных эффектов агломерации и, соответственно, расширения и упрощения цепочек поставок (что влечет за собой снижение транзакционных издержек), развитие инновационных систем, качественный переток знаний из научной и образовательной среды в производственную, а также эффективные коммуникации между хозяйствующими субъектами региона¹.

Также обратим внимание на то, что в указанной матрице не нашлось места финансовым компонентам устойчивого развития – это объясняется как тем, что они являются не самоцелью, а инструментом достижения ESG-целей, так и отсутствием четкой привязки к качеству жизни в регионе – так как, как показывают исследования, наиболее обеспеченные регионы лишь отчасти имеют преимущество по качеству жизни².

Рассматривая модели устойчивого развития, всегда можно отметить их трехкомпонентный состав, хотя в одних случаях экономическая подсистема меняется на управляющую подсистему, в рамках которой оценивается уровень управления исследуемым объектом. Такой подход целесообразен и для оценки сбалансированности регионального развития, так как позволяет проанализировать качество работы органов государственной власти, которое в свою очередь оказывает влияние на качество реализации экономической, экологической и социальной политики.

¹ Гичиев Н.С. Анализ кластеризации социально-экономического развития регионов Юга России до и после введения международных санкций // Наука Красноярья. 2021. №1. с. 23-29

² Рейтинг оценки усилий региональных органов исполнительной власти по созданию качественной среды для жизни граждан РФ (Рейтинг качества жизни). Агентство стратегических инициатив. М.:2021. 21 с., с.9

Анализ распределения российских регионов с точки зрения качества регионального управления¹, отражающегося в двух аспектах – улучшении инвестиционного климата и уровнем дохода населения, показывает уже несколько иные результаты, и среди южнороссийских регионов неплохие позиции занимают Республика Чечня и г. Севастополь. С точки зрения реализации целей сбалансированного устойчивого развития критерий эффективности регионального управления является определяющим.

Рассматривая задачи сбалансированного развития экономики регионов можно указать на то, что они носят более узкий характер по сравнению с целями устойчивого развития, хотя это и не снижает их важности. Если в первом случае акцент делается на устранении причин сложившегося неравенства социально-экономического развития регионов, то целями устойчивого развития является повышение качества жизни населения и забота о соблюдении интересов будущих поколений, поэтому приоритизируются задачи социальной и экологической политики.

Однако достижение целей как сбалансированного, так и устойчивого развития неразрывно связано между собой, поэтому в текущих условиях для корректного отображения задач, стоящих перед руководством региона целесообразно использовать термин «сбалансированное устойчивое развитие», оценивать которое можно по традиционным показателям динамики валового регионального продукта, уровня бюджетной обеспеченности территорий и их финансовой самостоятельности, также темпам роста номинальных и реальных доходов населения², дополненными рядом экологических и эколого-экономических показателей.

В таблице 3.2 представлены факторы, отвечающие за формирование эффективного механизма сбалансированного устойчивого развития регионов Юга России с учетом специфических особенностей их развития. В данном

¹ Рейтинг оценки усилий региональных органов исполнительной власти по созданию качественной среды для жизни граждан РФ (Рейтинг качества жизни). Агентство стратегических инициатив. М.:2021, с.9

² Тополева Т.Н. Концептуальные основы сбалансированного экономического развития регионов// Экономические исследования и разработки [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://edri.ru/article/20-02-2019> Дата обращения: 24.10.2022

случае также очень четко видна взаимоувязка компонентов трехчастной модели развития региона:

- компонента «качество жизни» относится к экономической, социальной и экологической подсистеме;
- компонента «общественные отношения» относится к социальной подсистеме;
- компонента «отношения с государством» относится к социальной и управленческой подсистеме;
- компонента «экономические возможности» относится к экономической и социальной подсистеме.

Таблица 3.2 - Факторы, обуславливающие формирование эффективного механизма сбалансированного устойчивого развития регионов Юга России¹

№	Факторы/ Индикаторы оценки	Качество жизни	Общественные отношения	Отношения с государством	Экономические возможности
1	Качество медицинских и образовательных услуг	+		+	
2	Обеспеченность жильем и качественной инфраструктурой	+			+
3	Возможность участия в культурной жизни региона	+	+		
4	Потребительский спрос	+			+
5	Экология	+		+	
6	Социальное равенство	+	+		
7	Безопасность	+	+		
8	Доступность государственных услуг	+		+	
9	Социальная поддержка и защита	+		+	+
10	Высокая доля «среднего» класса	+			+
Удовлетворенность человека		Оценка удовлетворенности каждой потребности (1-10)- субъективная оценка			
Объективные факторы среды		Оценка доступности сервисов, качества инфраструктуры, и социальных услуг, официальные данные Росстата об уровне доходов населения			
Динамика изменений среды					

¹ Составлено автором по результатам исследования

Здесь следует акцентировать внимание на трех аспектах. Во-первых, мы упоминаем четыре подсистемы регионального развития, хотя апеллируем к трехчастной модели устойчивого развития. Объясняется это тем, что, как мы уже указывали в главе 1 нашего диссертационного исследования, основой или базой для работы трех основных подсистем является институциональная подсистема, ведущую роль в которой играют региональные органы власти, поэтому выводя ее за рамки трех подсистем устойчивого развития, мы не можем не рассматривать ее в рамках вопросов, связанных с обеспечением сбалансированного развития региона, так как при решении именно этих задач качество регионального управления является определяющим моментом.

По итогам 2021 года два южнороссийских региона попали в число лидеров по качеству управления – Республика Чечня и Ростовская область¹. Это можно было бы назвать хорошим показателем для развития территорий ЮФО и СКФО, если бы в группе аутсайдеров также не находилось большое количество южнороссийских регионов - Республик Ингушетия и Калмыкия, при том, что Республика Северная Осетия поднялась на сравнительно высокое 69-е место, а Карачаево-Черкессия также немного улучшила свои позиции в рейтинге, большая часть территорий Юга России все равно занимает низкие позиции по качеству регионального управления.

Во-вторых, следует обратить внимание, что компонент «качество жизни» в любых рассматриваемых нами моделях или стратегиях устойчивого развития занимает приоритетное место и включает в себя индикаторы, принадлежащие ко всем трем подсистемам регионального развития, именно поэтому данный фактор будет являться ключевым при характеристике уровня реализации региональных стратегий, направленных на обеспечение сбалансированного устойчивого развития, а также характеристике более частных показателей, таких как экономический рост и его влияние на улучшение социальной и экологической обстановки в регионе.

¹ Кузнецова Е. Политологи назвали лучшие и худшие регионы России по качеству управления Кто и почему возглавил анти топ по качеству управления// РБК. 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/12/01/2022/61dd6d939a7947a9dce70e82https://www.rbc.ru/politics/12/01/2022/61dd6d939a7947a9dce70e82> Дата обращения: 29.10.2022

Регионы ЮФО и СКФО в совокупности традиционно показывают более низкие по сравнению со среднероссийским уровнем экономические показатели - ВРП на душу населения, производительность труда, инвестиции в основной капитал. Поэтому стратегия сбалансированного устойчивого развития для них прежде всего подразумевает реализацию программ опережающего развития, как раз и представляющих собой траекторию преодоления этого отставания. В условиях санкционных ограничений и близкого пролегания прифронтовой зоны, падения деловой активности важным является определение для Юга России тех предпосылок, которые позволят ему сохранить статус Южного полюса роста даже на фоне нестабильной геополитической и экономической ситуации.

В связи с этим приоритетными направлениями для ЮФО и СКФО остается развитие торгово-транспортно-логистического, туристско-рекреационного и агропромышленного кластеров, а также – в перспективе кластера креативных индустрий «умной» обрабатывающей промышленности. Динамика экономического развития Юга России свидетельствует о том, что он является самым быстроразвивающимся макрорегионом всего постсоветского пространства, что становится надежной базой конкурентоспособного роста. Ещё более актуальным в новых экономических условиях становится проект Южного экспортно-импортного хаба, спрос на услуги которого будет расти вне зависимости от изменения геополитической обстановки. По мнению экспертов ряд южнороссийских регионов, таких как Краснодарский край, Ростовская область, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Севастополь обладают не просто необходимыми условиями для социально-экономического роста, а прорывным потенциалом¹.

Исторически сложилось, что экономика Юга России базируется на диверсифицированной структуре экономики и развитой

¹ Ракуль Е., Козлов В. Почему юг России останется полюсом опережающего роста//Эксперт-Юг. 2022. № 10. с. 8

предпринимательской инициативе, которые позволяют экономике в стабильные периоды развиваться по направлению эффективного роста, а в кризисной ситуации переходить на траекторию монопольного роста. Такая структурная трансформация модели регионального развития дает возможность своевременно сокращать инвестиционную активность и, соответственно, потери бизнеса.

Поставленные на сегодняшний день задачи импортозамещения вполне вписываются в принципы устойчивого развития, но для их выполнения необходимо эффективно использовать потенциал Юга России. Так, в свете необходимости обеспечения технологического суверенитета национальной экономики (что полностью соответствует задачам устойчивого развития), на южнороссийских территориях следует развивать креативные индустрии, “умную” обрабатывающую промышленность и АПК, что могло бы обеспечить многим территориям ЮФО лидерство в вопросах производства и отгрузки продукции пищевой промышленности. Также огромным потенциалом обладают и регионы СКФО для развития внутреннего туризма.

В-третьих, возвращаясь к описанию таблицы 3.2, считаем важным отдельное рассмотрение уровня доходов населения, которые фактически отражаются в официальных статистических данных не только в форме одноименного индикатора, но также и в доле среднего класса, и уровня потребительского спроса, который отражает уровень расходов населения. Такой подход исходит из специфики исследуемой территории, так по данным аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza за 2021 год больше всего неформальная занятость распространена на юге страны и на Кавказе. Так, в Ингушетии этот показатель составляет 53,1 процента, в Чечне - 52,1, в Кабардино-Балкарии - 49,5, в Крыму - 39,3, в Астраханской области - 38,1 процента¹. Поэтому нужно учитывать, что в реальности население может

¹ Черенева В. Названы регионы с самой низкой неформальной занятостью населения// Российская газета. 2021 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rg.ru/2021/09/15/reg-szfo/kolichestvo-rabotaiushchih-v-teni-vyroslo-na-poltora-milliona-chelovek.html> Дата обращения: 28.10.2022

располагать намного большими доходами, чем заявлено в официальных статистических данных.

Основные направления реализации политики сбалансированного регионального развития были представлены в законодательстве РФ еще в 2008 г. На ее основе и с учетом особенностей развития южнороссийских регионов нами был разработан алгоритм реализации политики сбалансированного устойчивого развития (табл. 3.3).

Таблица 3.3 – Алгоритм реализации политики сбалансированного устойчивого развития регионов Юга России¹

№	Описание этапа	Институциональная основа	Механизмы /инструменты реализации	Критерии оценки
1	повышение скоординированности социальной и экономической политики на федеральном и региональном уровнях	Федеральные и региональные органы власти	Территориальное планирование Разграничение полномочий Предоставление федеральных субсидий	Достаточность ресурсной базы и рациональность использования ресурсов Высокая оценка населения качеством работы региональных властей Индикаторы целевого и результативного использования субсидий из федерального бюджета
2	обеспечение самостоятельности и эффективности работы органов исполнительной власти в регионах	Региональные органы власти Общественные организации	Региональные программы развития Субсидии и субвенции Межбюджетные трансферты Льготное кредитование	Взаимосвязка комплексной оценки эффективности деятельности с показателями, используемыми при предоставлении федеральных субсидий и индикаторами отраслевых программ
3	содействие созданию новых центров социально-экономического развития в регионах	Региональные органы власти Бизнес-сообщество Региональные институты развития	Разработка механизмов кластерной политики и создания ТПК Инвестиционное	Оценка эффективности присутствия в кластере для участников кластера с расчетом синергетического эффекта

¹ Составлено автором по результатам исследования

Окончание таблицы 3.3				
			проектирование на основе ГЧП в приоритетных отраслях и развитие механизмов «зеленого финансирования»	Критерии эффективности реализации инвестиционных проектов (NPV, IRR, DPP)
			Реализация социальной политики	Высокая оценка населения качеством услуг социальной сферы

Таким образом, задача выравнивания социально-экономического развития южнороссийских регионов требует применения системных методов, направленных на одновременное воздействие на экономические, социальные и экологические процессы региона, основанные на использовании многофункциональных организационно-экономических, социально-демографических и других регуляторов воспроизводственных процессов¹.

В таблице 3.4 нами представлен комплекс индикаторов, позволяющих осуществить аналитическую оценку сбалансированного развития регионов ЮФО и СКФО, основанную на трехчастной модели устойчивого экономического развития. В связи с этим в состав исследуемых показателей включены основные целевые индикаторы, которые характеризуют уровень приращения (или снижения) экономических, социальных и экологических показателей, рассчитанных индексным методом². Такая оценка позволяет проанализировать динамику развития региона в разрезе каждой подсистемы и присвоить в результате каждому региону балльную оценку его развития. Так как мы уже указывали на необходимость сбалансированного развития всех компонент региона без акцентуации на избранных факторах, нет необходимости присваивать каждому показателю свой вес.

¹ Насонов В. В. Проблемы устойчивого сбалансированного развития регионов, мониторинг экономического развития регионов // Проблемы современной экономики : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2013 г.). — Т. 0. — Челябинск : Два комсомольца, 2013. с. 143

² Воронцова И.Н., Гончаров Ю.В., Сироткина Н.В. Факторы и условия обеспечения сбалансированного развития региона // Вестник ВГУ: экономика и управление. 2014. № 4. с. 93-100

Таблица 3.4– Индикаторы сбалансированного развития регионов в 1 полугодии 2022 г. по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. (прирост +, спад -)¹

Регион	Индекс промышленного производства, %	Индекс производства с/х продукции, %	Реальные денежные доходы населения, %	Индекс розничного товарооборота, %	Естественный прирост населения на тыс. чел. ² .	Качество жизни (изменение места в рейтинге) ³	Уровень экологического благополучия (изменение места в рейтинге)
Республика Адыгея	116,7	100,2	96,2	86,3	-0,7	+2	0
Республика Калмыкия	83,5	84,3	93,6	98,0	+0,1	-3	+2
Республика Крым	93,1	94,0	97,3	102,8	-0,7	-6	-1
Краснодарский край	97,6	102,6	100,1	96,4	-0,6	+1	+1
Астраханская область	95,5	104,4	96,1	94,9	-0,6	-4	-11
Волгоградская область	103,4	102,6	98,1	96,7	+0,8	+2	0
Ростовская область	102,7	113,7	98,8	99,2	0	+3	-6
г. Севастополь	125,4	106,2	98,1	92,6	+0,3	-5	0
Республика Дагестан	125,6	100,1	97,1	105,7	-0,9	-13	-1
Республика Ингушетия	113,5	106,6	94,9	108,2	-0,6	-4	+1
Кабардино-Балкарская Республика	97,0	102,3	99,8	192,7	-0,4	+2	+2
Карачаево-Черкесская Республика	112,8	100,4	96,0	92,8	-1,1	-1	0
Республика Северная Осетия - Алания	113,0	102,4	96,6	102,2	-0,8	-6	-2
Чеченская Республика	110,8	99,1	99,6	101,8	+0,7	-	0
Ставропольский край	100,7	102,7	98,1	91,3	-0,2	-4	-3

В целях формирования итогового показателя, определим для каждого вариант значений свой балл:

- положительное изменение показателя за указанный период – 1 балл
- отсутствие динамики или очень незначительный прирост или спад – 0,5 балла;
- отрицательное изменение показателя за указанный период – 0 баллов.

¹ Составлено автором по данным Росстата

² Во всех регионах ЮФО зафиксирована естественная убыль населения, знак «+» означает, что по сравнению с 2021 годом темпы естественной убыли населения снизились

³ По данным «РИА Новости» <https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html>

Полученные балльные значения представлены в таблице 3.5.

Таблица 3.5– Индикаторы сбалансированного развития регионов в 2021 г. по сравнению с 2020 г., баллы¹

Регион	Индекс промышленного производства,	Индекс производства с/х продукции	Реальные денежные доходы населения	Индекс розничного товарооборота	Естественный прирост населения на тыс. чел	Качество жизни	Уровень экологического благополучия	Итоговый балл
Республика Адыгея	1	1	0	0	0	1	0,5	3,5
Республика Калмыкия	0	0	0	0	1	0	1	2
Республика Крым	0	0	0	1	0	0	0	1
Краснодарский край	0	1	0,5	0	0	1	1	3,5
Астраханская область	0	1	0	0	0	0	0	1
Волгоградская область	1	1	0	0	1	1	0,5	4,5
Ростовская область	1	1	0	0,5	0,5	1	0	4
г. Севастополь	1	1	0	0	1	0	0,5	3,5
Республика Дагестан	1	1	0	1	0	0	0	3
Республика Ингушетия	1	1	0	1	0	0	1	4
Кабардино-Балкарская Республика	0	1	0,5	1	0	1	1	4,5
Карачаево-Черкесская Республика	1	0,5	0	0	0	0	0,5	2
Республика Северная Осетия - Алания	1	1	0	1	0	0	0	3
Чеченская Республика	1	0	0,5	0,5	1	-	0,5	3,5
Ставропольский край	0,5	1	0	0	0	0	0	1,5

Таким образом, проведенный расчет показывает, что наибольший прорыв за текущий период в рамках выполнения задач сбалансированного устойчивого развития произошел в Республике Кабардино-Балкария и Волгоградской области (4,5 балла), а также Республике Ингушетия и Ростовской области (4 балла). Это говорит о том, что несмотря на функционирование в режиме нестабильности экономической конъюнктуры и определенной социальной напряженности, эти регионы смогли повысить качество жизни населения и улучшить многие экономические показатели.

¹ Составлено автором по данным Росстата

Положительная динамика исследуемых показателей свидетельствует о том, что регионами в предыдущие периоды был накоплен «запас прочности», а отраслевая структура экономики оказалась оптимальна для трансформации под текущие изменения.

Хотим отметить, что на сегодняшний день перспективы сбалансированного развития регионов, в том числе и ЮФО, органично связаны и взаимообусловлены с концепцией устойчивого развития. Подробный анализ индикаторов сбалансированного развития территорий позволяет нам понять, что они очень близки с индикаторами устойчивого развития, которые в свою очередь близки понятиям рационального природопользования и справедливого распределения ресурсов и других благ, в том числе и социальных.

В связи с этим, нам хотелось бы особое внимание обратить на выступление нового президента Бразилии Лула да Сильвы, который в своем выступлении провел возможно неожиданную, но вполне логичную параллель между истинными целями устойчивого развития и признаками формирующегося нового миропорядка, заключающуюся в том, что экономика и социальная организация государства должны быть слиты в единый механизм справедливого распределения ресурсов.

По нашему мнению, это выступление является одним из знаковых в нынешний период времени, - по сути, в нем прямо указана необходимость поддержания трехчастной модели развития с интегрированием в нее управленческой функции, необходимость привлечения большего количество регионов (в данном случае макрорегионов) для решения совместных проблем, что позволит начать решение задач по сглаживанию территориальных диспропорций развития между странами. На основе этого мы можем сделать вывод, что декларируемые ESG-цели не так уж новы, в условиях современного мира они приобрели другое название, а сами формулировки, и тем более их суть остались неизменными.

3.2 Формирование организационно-экономических и финансовых инструментов «зеленой» экономики для реализации региональных ESG-целей с учетом макроэкономической компоненты

Рассматривая вопросы устойчивого развития южнороссийских регионов, невозможно обойти вниманием проблемы перехода регионов на функционирование по принципам «зеленой» экономики, которая представляет собой основу перехода к модели устойчивого регионального развития. В то время как становление «зелёной» экономики в сырьевых экспортно-ориентированных регионах зависит от объемов добычи и продажи природных ресурсов, сырьевой политики государства и сопоставляется при этом с масштабами нанесенного экологического ущерба и объемом проинвестированных восстановительных мероприятий, многие регионы ЮФО и СКФО сталкиваются с иной проблемой – максимального развития имеющегося природно-ресурсного и эколого-ресурсного потенциала, развитие которого будет способствовать не только экономическому росту, но и обеспечению благоприятной экологической обстановки. Специализация южнороссийских регионов уже сама по себе предопределяет возможность развития «зеленых» отраслей и кластеров, а также развития тех видов деятельности, которые не наносят ущерба окружающей среде.

Внедрение в механизм функционирования региона инструментов «зеленой» экономики способствует целям сбережения природного капитала и уменьшения показателей природоёмкости экономического развития, что требует реализации оптимизационных мероприятий, направленных на совершенствование механизма региональной политики не только в социально-экономической сфере, но и в сфере рационального использования всего многообразия природных ресурсов.

Сейчас федеральным и региональным законодательством РФ предусмотрен весь спектр требований, которые призваны мотивировать

хозяйствующие субъекты на снижение антропогенной и промышленной нагрузки на окружающую среду, однако системе мотивации свойственны свои специфические особенности по сравнению с западными странами, откуда и пришла изначально концепция ESG. Анализ применяемых организационно-экономических и финансовых инструментов «зеленой» экономики показывает, что преобладающими среди них являются контроль экологического состояния среды и контроль вредных выбросов, которые регулируются наложением штрафов и увеличением ставок экологических налогов, в то время как система преференций для соблюдающих экологические требования компаний развита намного слабее.

Эффективное использование организационно-экономических и финансовых инструментов «зеленой» экономики для реализации целей устойчивого регионального развития подразумевает, что их действие не может распространяться на «неэкологичные» отрасли и производства, которые не занимаются инвестированием в базовые инструменты своей «экологизации» - наилучшие доступные технологии, экологические мероприятия по восстановлению окружающей среды, «зеленые» НИКОР. В то же время устойчивое развитие региона в повестке сегодняшнего дня невозможно без имплантации в региональную модель системы стимулов развития «зелёной» экономики.

В принципе, цель проводимой политики в сфере становления «зеленой» экономики в регионе – это результативная трансформация экономического поведения населения, бизнес-сообщества и самих органов региональной власти, в результате осуществления которой должна измениться структура регионального производства и потребления и осуществиться плавный переход к экономике рециклинга. В новых экономических условиях регионам Юга России важно обеспечить устойчивость своих агропродовольственных систем, а также развить и укрепить свои экосистемы, так как для этого существует достаточно большой

потенциал, реализация которого даст целый ряд экономических выгод и синергетических эффектов.

Для всех регионов ЮФО и СКФО становится актуальной задача использования двух видов эффектов «зеленой» экономики ресурсного декарпинга и декарпинга воздействия, которые при совместном применении дают возможность уменьшить объёмы использования первичных ресурсов на единицу экономического результата, например ВВП, а также нарастить объёмы выпуска, сопровождающегося снижением экологической нагрузки¹.

Если же рассматривать инструменты и механизмы реализации «зеленой» экономики в регионе, то можно выделить достаточно большое количество рыночных и экономических инструментов, основные виды которых приведены в таблице 3.6. В основу для их классификации все также положены принципы трехчастной модели устойчивого развития, дополненные институциональной подсистемой как базы для развития трех основных подсистем.

При этом нужно обратить внимание на тот факт, что часть компаний подходят к вопросу соответствия экологическим стандартам формально, и для них это является лишь возможностью получения дополнительных льгот и субсидий из федерального или регионального бюджета, в частности, за счет квази-ESG-инструментов или гринвошинга, который представляет собой маркетинговый ход, когда компания создает себе экоимидж, но при этом реально не производит никаких действий по снижению негативного воздействия на окружающую среду, а их продукция на самом деле не является экологичной. Нередко компании рассматривают необходимость подготовки отчетов об устойчивом развитии как дополнительную нагрузку, поэтому одной из основных задач органов власти является мотивирование на изменение такого подхода и трансформация менталитета таких компаний. Если компаний, приверженных к формальному соответствию принципам

¹ Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Модель "зелёной" экономики и её имплементация в ресурсных регионах // Регионалистика. 2019. №5. с. 41

ESG в регионе будет большинство, то и модель устойчивого развития региона, тоже, скорее всего, окажется формальной, теоретической разработкой, не находящей воплощения на практике и не оказывающей никакого положительного влияния на региональные процессы.

Таблица 3.6 – Содержание механизма формирования и развития «зеленой» экономики в регионе¹

Подсистемы модели устойчивого развития региона	Механизмы	Инструменты
Социальная устойчивость	Государственная поддержка хозяйствующих субъектов, направленная на внедрение «зеленых» НИОКР, а также мероприятий по увеличению доли сортируемых доходов среди населения и популяризацию волонтерской эко-деятельности	Инструменты повышения привлекательности инвестиционных проектов зеленой экономики для бизнеса Инструменты максимального вовлечения научного и инновационного потенциала региона в программы зеленого развития – экологические программы, акции, мероприятия
	Механизмы оплаты экосистемных услуг и осуществление «зеленых» закупок	государственные, муниципальные и корпоративные экологические закупки
Экономическая устойчивость	Механизм ценообразования на продукцию, который исключает неэффективные субсидии	экологические налоги, штрафы за превышение лимитов выбросов вредных веществ Льготные тарифы для хозяйствующих субъектов, соблюдающих экологическое законодательство и снижающих степень негативного воздействия на окружающую среду
	Механизмы стимулирования "зеленых" инвестиций в приоритетные для региона отрасли	применение эффективных комбинаций инструментов экономической, промышленной и экологической политики в целях содействия ресурсоэффективности Специализированные инструменты регионального инвестиционного законодательства для «зеленых» отраслей

¹ Составлено автором по материалам Медовой А.Е., Медовой В.В. Инструменты «Зеленой» экономики в стратегиях развития рынка недвижимости России // Вестник экспертного совета. 2017. №2 (9), с. 57-63, Алинов М.Ш., Кадесович О.М., Ануфриев В.П. Устойчивое развитие и зеленая (низкоуглеродная) экономика регионов: проблемы, возможности, перспективы// Материалы XI Международной конференции «Российские регионы в фокусе перемен».2020. с.658

Окончание таблицы 3.6		
	Устойчивое финансирование «Зеленое» финансирование Ответственное инвестирование	Зеленые облигации Квоты на выбросы Обязательное применение целевых технологических, экологических, социальных, экономических индикаторов для оценки степени «экологичности» инвестиционного проекта
Экологическая устойчивость	Механизмы «экологической» сертификации	добровольные информационные инструменты, как программы сертификации и маркировки, а также различные формальные и неформальные образовательные программы;
	Переход на наилучшие доступные технологии	Широкое использование экономических инструментов для мотивации предприятий к внедрению НДТ – налоговые льготы, льготное кредитование, использование ускоренной амортизации и т.д.
Институциональная устойчивость	Создание отдельного целевого фонда «зеленой» экономики регион и внедрение финансовых институтов «зеленого» кредитования	Правовые и регулятивные инструменты, в том числе стандарты по выбросам парниковых газов, требования к использованию наилучших доступных технологий, на основе которых будет определять возможность хозяйствующего субъекта использовать средства специализированных «зеленых» финансовых организаций

Еще одна проблема эффективного применения инструментов «зеленой» экономики в рамках региональной концепции устойчивого развития – это игнорирование норм экологического законодательства (проще и дешевле платить штрафы, чем модернизировать производство под экологические требования). Например, для южнороссийских регионов в последние годы становится все более актуальным вопрос, связанный с утилизацией строительного мусора и отходов сектора АПК,- небольшие предприятия зачастую не заключают договоры и устраивают стихийные свалки, что в 2021 году привело к образованию в Сочи такого количества свалок, что на их ликвидацию пришлось затратить дополнительно 230 млн рублей. Сейчас во многих регионах запущены интерактивные карты, на которых отмечено где сортируется тот или иной вид отходов и компания

может отправить его туда, на переработку, но это – очередная статья затрат, и хотя во многих отраслях существует большой потенциал в повышении эффективности производства с минимизацией отходов, а также отдельных направлений бизнеса по его переработке, это направление устойчивого регионального развития реализуется невысокими темпами¹.

Можно также отметить достаточно сильное диалектическое единство процессов «новой индустриализации» и «озеленения» экономики, которые на данный момент являются основными как мировыми, так и региональными трендами. Взаимосвязь этих двух понятий можно проследить, учитывая следующие факторы:

- переход к «зеленой» экономике является неотъемлемым компонентом устойчивого развития, а также логической необходимостью, вытекающей из проблем, связанных с повышением экологических рисков и необходимостью с их учетом обеспечить безопасную окружающую среду для будущих поколений. Поэтому процессы «новая индустриализации» должны быть сбалансированы с процессами экологического развития, что может быть обеспечено только на основе реализации механизмов «зеленой» экономики.

При этом стоит отметить, что как раз неправильное понимание истинных задач устойчивого развития и «озеленения» экономики и привело к началу глобального энергетического кризиса. Для этого в какой-то степени случайно, а в какой-то целенаправленно были созданы все условия – восстановление спроса после пандемии коронавируса на фоне ветровой засухи в Европе и истощение запасов ископаемого топлива на континенте привели к серьезному давлению на промышленные системы, которое были усилено чрезмерным инвестированием в ВИЭ, закрытие атомных станций и падением инвестиций в нефтегазовую отрасль более чем на 50%².

¹ Силантьева И., Руденко А. На зеленый свет: как на Кубани ищут баланс между экологией и бизнесом// РБК. 2022. [Электронный ресурс] Р ежим доступа: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/08/04/2022/624ff6059a7947258b49a0de> Дата обращения: 5.11.2021

² The new energy crisis// The Spectator.2022. № 38.

¹ Довбий И.П., Дегтеренко А.Н., Кобылякова В.В. «Новая индустриализация» в России как фактор перехода к «зеленой» экономике// Финансовый журнал. 2020. № 4, с. 96-97

На этом фоне хорошим примером сбалансированного развития традиционной и «зеленой» экономики является отрасль альтернативной энергетики, которая в последние годы активно развивается на юге страны, а созданная здесь инфраструктура способствует не только привлечению в сектор ветроэнергетики новых инвесторов, но и способствует развитию нового рынка «зелёных» киловаттов, потребителями которых становятся крупные российские компании. Большую роль в этом играет поддержание благоприятного для внешних «зеленых» инвесторов инвестиционного климата, а также меры поддержки для них.

- реализация задач «новой индустриализации» предполагает ориентацию на активное проведение экспортной политики, но в текущих условиях конкуренции между государствами нарастает, особенно за энергоресурсы, поэтому рост геополитической напряженности увеличивает риски утери стабильности ведущих мировых валют, что приводит к еще большему углублению дисбалансов в экспортно-импортных операциях стран. Как мы уже упоминали ранее, именно сырьевые регионы России в условиях текущих санкционных ограничений столкнулись с экономическим спадом, что отражает как раз реализацию вышеупомянутых рисков. Кроме того, практически все регионы ощутили проблемы, связанные с ограничением доступа к рынкам сбыта и отток международных инвестиций и финансового капитала даже со стороны резидентов страны, появление серьезных барьеров трансфера технологий. Все это вывело на первый план «новой индустриализации» решение задач национальной и экономической безопасности, и буквально за короткий промежуток времени акцент очень быстро сместился с экологических задач на задачи обеспечения импортозамещения и технологического суверенитета;

- «новая индустриализация» предполагает осуществление серьезного инвестирования в «зеленые» технологии, что подразумевает капитальные вложения не просто в инновационные технологические разработки, а в те из них, которые носят ресурсосберегающий и экологоориентированный

характер¹. Предприятия-загрязнители для обеспечения своей инвестиционной привлекательности должны будут показывать эффект от внедрения наилучших доступных технологий, состоящий в снижении негативного воздействия на окружающую среду, потому что даже с учетом переориентации следование ESG-концепции не утратило свою актуальность, а наоборот, стало обязательным для тех компаний, которые рассчитывают на привлечение долгосрочных партнеров из стран Азии. На рисунке 3.5 представлен региональный рейтинг индекса эко-инвестиций.

Используемая выборочная совокупность предприятий охватывает 30 российских регионов. В группу наиболее отстающих по относительной динамике эко-инвестиций в 2021 г. среди субъектов ЮФО и СКФО вошел Дагестан (11 баллов), но при этом и Краснодарский край (25 баллов) и Ростовская область (32 балла) занимают далеко не самые лучшие позиции, в то время как Ставропольский край набрал достаточно хорошее количество баллов – 38.

В целом, регионы Юга России в последние годы стал привлекательной территорией для компаний², реализующих стратегии устойчивого развития, однако не трудно заметить, что «экологическая» повестка здесь связана в основном с энергетической отраслью - энергетическим кластером Ростовской области и масштабным строительством инфраструктуры ветропарков и солнечных станций в Республике Калмыкия. Данные процессы приводят к формированию нового рынка «зелёной» энергии в регионе, а также позволят компаниям полноценно использовать их богатый природный потенциал, и на этой основе добиваться улучшения инвестиционной привлекательности (что особенно актуально для Калмыкии) . Так как генерация чистой энергии из возобновляемых источников соответствует общемировому тренду по декарбонизацию экономики, проекты в этом направлении достаточно легко

¹ Довбий И.П., Дегтеренко А.Н., Кобылякова В.В. «Новая индустриализация» в России как фактор перехода к «зеленой» экономике// Финансовый журнал. 2020. № 4, с. 96-97

² «Зеленые» технологии в промышленности: тренды greentech-направлений в 2021-2022 гг. – М.: НИУ ВШЭ, 2022., с. 5

находят инвесторов и с учетом текущих событий, энергопрофицитные регионы могут стать крупными поставщиками энергии в другие страны.

Поэтому можно достаточно уверенно говорить о том, что на данном этапе происходит осознание процессов «новой индустриализации» как механизма трансформации национальной и региональных экономик к расширенному инновационному воспроизводству, основанному на учете базовых положений «зеленой» экономики.

Полноценные механизмы «зеленого» финансирования стали формироваться в нашей стране относительно недавно. В 2021 году в России была сформирована законодательная база для запуска системы финансирования зелёных проектов и инициатив в сфере устойчивого развития. Приоритетным направлением экологического развития, как на федеральном, так и на региональном уровне, является уменьшение выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов, сочетающееся с решением задач по повышению эффективности использования ресурсов, в том числе и природных, а также энергосбережение. Поэтому те инвестиционные проекты, в рамках которых планируется привлекать «зеленое» финансирование, должны обладать одной общей чертой - позитивное воздействие на окружающую среду.

Законодательством достаточно четко установлены направления зелёного финансирования, поэтому в первую очередь речь идет о проектах, которые будут реализованы в энергетической отрасли, строительстве, промышленности, обращении с отходами, транспорте, сельском хозяйстве, водоснабжении и водоотведении¹. Предприятия указанных отраслей получают приоритетную возможность привлечения специальных «зеленых» финансовых инструментов.

Принятые законодательные акты должны способствовать формированию экономических стимулов для предприятий к тому, чтобы

¹ Распоряжение Правительства РФ от 14 июля 2021 г. N 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ»//СПС Гарант

активнее внедрять наилучшие доступные технологии, модернизировать основные фонды и переходить к новым механизмам функционирования, основанным на соответствии передовым экологическим стандартам. Кроме того, подготовка критериев отбора зелёных проектов и утверждение механизма их верификации позволяет максимально объективно выбирать среди всех инвестиционных проектов именно те, которые в наибольшей степени соответствуют концепции устойчивого развития.

Однако события, произошедшие в 2022 году в геополитической, экономической и социальной сферах общества, поставили вопрос о приоритетности и необходимости инвестирования в «зеленые» проекты с учетом наличия более значимых проблем, нуждающихся в незамедлительном решении и финансовой поддержке. Достаточно стремительными темпами произошло снижение объемов инвестирования в «зеленую» экономику, а специалисты из разных стран начали указывать на ошибочный характер масштабных капиталовложений в те проекты, которые, как оказалось, не могут обеспечить устойчивого развития странам и экономическим регионам даже в краткосрочном периоде.¹

По нашему мнению, проблема заключается в тех диспропорциях финансового обеспечения, которые искусственно были созданы при формировании механизмов устойчивого развития национальных экономик и реализации инвестиционных программ с явным смещением акцента на «зеленые» отрасли, - это не позволило сделать трансформационный переход к достижению ESG-целей более плавным, и усугубило ряд проблем, вызвавших дисбаланс развития всех трех подсистем устойчивого развития стран и их отдельных регионов.

Рассмотрение вопросов перехода традиционной экономики на «зеленые рельсы» невозможно без учета необходимости формирования полноценной системы «зеленого» финансирования, у которого, несмотря на то, что еще

¹ Калицева К.А. Специфические особенности развития системы зеленого финансирования в условиях санкционных ограничений // Финансовые исследования. 2022. № 3 (76). С. 68-77.

нет общепринятого определения, весьма четко прослеживается понимание этого механизма как системы финансирования экологических проблем национального, регионального и локального характера, а также финансирования программ, связанных использованием энергоэффективных и ресурсосберегающих технологий. В связи с этим понимание термина «зеленые финансы» связывается в первую очередь с финансовыми ресурсами, направляемыми на реализацию экологических проектов. Также «зеленые» финансы являются базовой категорией концепции «зеленого» экономического роста, так как благодаря им достигается интеграционный эффект от работы финансовых институтов, осуществляемых мероприятий по охране окружающей среды и показателей экономического роста.

С учетом вышесказанного, с нашей точки зрения, «зеленые» финансы можно рассматривать как финансовые отношения между финансовыми институтами, в роли которых могут выступать как банки, так и все уровни бюджетов РФ, и хозяйствующими субъектами, возникающие по поводу целенаправленной деятельности последних и связанные с реализацией мероприятий направленных на улучшение состояния окружающей среды за счет внедрения программ декарбонизации, наилучших доступных технологий, бережливого производства, и других технологий и бизнес-процессов, отвечающих принципам устойчивого развития и влекущих за собой качественное улучшение экологической ситуации в регионе присутствия.

Систему «зеленого» финансирования на уровне регионов можно рассматривать с трех точек зрения:

- как совокупность способов капиталовложений в инвестиционные проекты, направленные на повышение уровня экологизации хозяйственной деятельности организации;

- как систему финансовых институтов, реализующих программы «зеленого» финансирования и предлагающих соответствующие финансовые продукты;

- как набор специализированных финансовых продуктов и услуг, предназначенных для финансирования эко-ориентированных проектов.

Начиная с 2019 года можно наблюдать достаточно заметное сокращение доли «зеленых» инвестиций в общем объеме инвестирования в основной капитал, хотя в абсолютном выражении мировой объем инвестиций в "зеленую" энергетику по итогам 2021 года стал рекордным и составил 755 миллиардов долларов¹.

Это происходило даже на фоне актуализации экологической повестки и развертывании программ, связанных с «озеленением» всех секторов экономики. В тоже время в абсолютном выражении расходы на проведение экологических мероприятий с каждым годом увеличиваются все больше.

Сейчас на фоне геополитических событий и резкого ухудшения экономической конъюнктуры во всем мире, достаточно определенно можно прогнозировать падение показателей «зеленого» финансирования по итогам 2022 года. Последние события достаточно четко показывают, что «зеленая» повестка отходит на второй план, а значит и в финансировании будут острее нуждаться традиционные отрасли, доказавшие экономическую эффективность инвестирования в них, а также являющиеся стратегически важными для национальной и/или продовольственной безопасности разных стран².

Так, применительно к рассматриваемой теме исследования, наше внимание особо привлекли следующие события:

1. министерство финансов ФРГ призвал начать добычу сланцевого газа запрещенным методом, - с помощью разрыва гидравлического пласта, в результате которого заражаются грунтовые воды, а также в будущем могут возникнуть землетрясения. В Великобритании, напротив, с приходом нового премьер-министра, такой мораторий был введен. Это говорит о том, что способ освоения природных ресурсов, как и вид выбираемого

¹ Nordhaus W. D. Climate Club Futures: On the Effectiveness of Future Climate Clubs // Cowles Foundation Discussion Papers. 2619. 2021 // URL: <https://elischolar.library.yale.edu/cowles-discussion-paper-series/2619>

² Смирнов Г. Возобновляемый рост//Коммерсант. 2022. № 81, с. 2

топлива/энергии определяется сейчас достаточно четко зависит от экономического состояния страны.

Поэтому и «зеленое» финансирование будет успешно развиваться только в тех странах или регионах страны, которые могут себе позволить инвестирование в проекты с большим сроком окупаемости, а иногда и с очень невысокой рентабельностью. В глобальном масштабе, доля такого финансирования будет падать, однако успех инвестирования в подобные проекты может быть обеспечен, например, в энергопрофицитных регионах с диверсифицированной экономикой (так, инвестиции в ветроэнергетическую отрасль Ростовской области и создание на территории региона ветроэнергетического кластера, до сих пор считается инвестиционного привлекательным объектов капиталовложений);

2. во многих странах Европейского союза законодательно ослаблены запреты на вырубку деревьев, чтобы население имело альтернативное топливо (дрова) на зиму. Эта проблема наиболее остро стоит в Центральной и Восточной Европе, например, в Румынии, Словакии, Латвии. На этом фоне инвестирование в экологические программы кажется фактически невозможным, так как последствия энергетического кризиса серьезно сказываются на реализации компаниями своих инвестиционных программ, а возросшие счета за электроэнергию не позволяют сохранять «зеленые» капиталовложения на таком же уровне.

Российским регионам подобные проблемы пока не грозят, однако санкционные ограничения по разному сказались на их деятельности, - кто-то потерял покупателей, у кого-то нарушились традиционные логистические цепочки, не говоря уже об инфляционном факторе, поэтому многие отечественные компании столкнулись с возрастанием транзакционных расходов, что тоже не способствует развитию механизмов «зеленого» финансирования, так как в новых экономических условиях большая часть хозяйствующих субъектов сосредоточилась на решении текущих проблем;

3. невозможность быстрой замены российских энергоресурсов на европейских рынках, - в 2020 году ЕС получал 22% от используемой энергетики от возобновляемых источников энергии, но этот показатель был достигнут в основном за счет гидроэлектростанций стран Скандинавии. Доля же остальных альтернативных источников энергии (ветряной, солнечной) остается очень низкой, что и обусловило невозможность отказа от «традиционных» форм получения энергии. После ввода санкционных ограничений в отношении России, многие страны стали руководствоваться не экономическими и политическими соображениями в стремлении обеспечить свою энергобезопасность, - покупка более дорогостоящего и низкокачественного угля из Колумбии и Южной Африки, готовность к использованию аварийных ядерных реакторов, импорт СПГ из Австралии по цене, в полтора раза дороже, чем российский¹.

Все это говорит о том, что реализация экологических задач ушла далеко на второй план, а также о том, что политические риски сейчас для любого инвестиционного проекта, становятся преобладающими над всеми остальными. Фактически, «зеленое» финансирование в глобальной повестке теряет свою актуальность, а значит и инвестиционные проекты уже не могут рассматриваться как привлекательные. Данная ситуация опять же дает повод отечественным экспертам говорить о том, что как раз для нашей страны, в контексте происходящих событий, «зеленое» финансирование может рассматриваться как одно из направлений инвестирования традиционных компаний топливно-энергетического комплекса на пути их трансформации в мультиэнергетические компании, так как сейчас отечественный ТЭК, даже несмотря на все санкции, находится в более выигрышном положении, чем ТЭК многих других развитых стран, а текущий уровень доходов и высокая динамика роста выпусков «зеленых» облигаций за предыдущие годы²

¹ Шагов Е. Будущее зеленой энергетики под вопросом: на чем можно заработать инвестору// Forbes.2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.forbes.ru/mneniya/476849-budusee-zelenoj-energetiki-pod-voprosom-na-chem-mozno-zarabotat-investoru> Дата обращения: 30.10.2022

² Доклад ESG и зеленые финансы России 2018-2022. Экспертно-аналитическая платформа INFRAGREEN. М.:2022, с.16

позволяет реализовывать «зеленые» инвестиционные программы, направленные на модернизацию основных средств и технологий.

Если рассматривать уровень развития «зеленого» финансирования применительно к нашей стране и ее регионам, то здесь можно отметить достаточно серьезную территориальную неравномерность развития данного типа финансовых инструментов. Согласно кластерному анализу российских регионов по уровню экологических инвестиций было выявлено, что в качестве регионов лидеров по объемам «зеленого» инвестирования выступают небольшое количество регионов, представленное столицами (г. Москва, г. Санкт-Петербург) и регионами с развитым топливно-энергетическим добывающим и перерабатывающим комплексом (Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Красноярский край).

Во второй группе оказалось всего 6 регионов, которые ведут достаточно активную инвестиционную политику в рамках «зеленой» повестки и характеризуются значительным уровнем инвестиций в основной капитал, связанных с ресурсо- и энергосбережением. Все остальные субъекты РФ относятся к группе регионов с начальным уровнем формирования механизма «зеленого» финансирования и группе аутсайдеров, разрыв которых с лидерами кластерного анализа довольно существенен – на «зеленые» инструменты приходится только 1% в общем объеме инвестирования, в то время как у регионов-лидеров – около 25%.

Несмотря на то, что по итогам 2022 года ожидается существенное снижение объемов инвестирования в рамках «зеленого» направления развития, скорее всего, регионы сохранят свои позиции в представленной кластерной группировке, даже несмотря на то, что в «сырьевых» регионах уже по итогам 1 полугодия 2022 года наблюдается небольшой спад ВРП.

Рассмотрение вышеуказанных факторов в совокупности приводит нас к выводу о том, что, как это ни странно, но приоритетное финансирование в «зеленые» отрасли в свете нынешних обстоятельств спровоцировало еще большие угрозы для их развития. На этот факт косвенно обратил внимание и

Президент РФ В.В. Путин, в выступлении в рамках V Международного форума «Российская энергетическая неделя» указавший на то, что агрессивное продвижение зеленой повестки в ЕС привело к тому, что глобальный нефтегазовый сектор оказался недоинвестирован. Это в свою очередь и привело к сворачиванию тех инвестиционных проектов, которые могли бы обеспечивать более щадящие и экологически эффективные решения по добыче топлива, а также внедрение технологий, уменьшающих вредное воздействие ТЭКа на окружающую среду. В итоге, и проекты «зеленой» экономики сейчас будут заморожены ввиду их низкой инвестиционной привлекательности, и «зеленые» технологии в традиционных отраслях не удастся полноценно реализовывать из-за низких объемов капиталовложений в отрасль в течение достаточно длительного периода времени.

Такого же мнения придерживаются и руководители глобальных мультиэнергетических компаний, в структуре которых есть как и традиционные, так и альтернативные энергетические проекты. Так, компания TotalEnergies, указывает на то, что отрасль уже на протяжении длительного времени испытывала давление климатической повестки, а соответствующие международные организации фактически прямо призывали перестать субсидировать проекты, связанные с ископаемыми видами топлива. Это, как оказалось, не стало драйвером для эффективного энергоперехода, а лишь привело к дезинвестициям из углеводородной отрасли на фоне сохранения и даже возрастания спроса на углеводороды.

Также очень точно отмечается тот факт, что развитие альтернативных источников энергии может снизить зависимость от нефти и газа, но в тоже самое время создаст зависимость от других материалов. Например, строительство ветряных электростанций требует большого количества достаточно дефицитной меди, а само по себе осуществление энергоперехода требует больших инвестиций в строительство распределительных сетей, для которых сейчас недостаточно интерконнекторов. Целесообразность проектов

в сфере альтернативной энергетики также снижает и то, что стоимость ветряной и солнечной энергии больше не будет падать, как это было в предыдущие годы.

Что касается российских предприятий, то для них чрезвычайно остро стоит вопрос изношенности основных фондов, которые являются не только препятствием к проведению полноценной модернизации производственных процессов, но и не позволяют корректно внедрять наилучшие доступные технологии. Также ввиду санкционных ограничений многие предприятия столкнулись с необходимостью поиска новых поставщиков оборудования и комплектующих, которые не всегда могут обеспечить прежние производственные и экологические характеристики¹.

В российской экономике сейчас можно наблюдать реализацию ряда проектов, функционирование которых связано с реальной необходимостью «озеленения» экономики и решения острых социальных и экологических проблем. Например, в 2023-2024 г. планируется выпуск зеленых облигаций, связанных с отраслью обращения с отходами, на сумму около 90 млрд руб, которые будут направлены на создание новых заводов по переработке отходов в тех регионах, которые сейчас уже подписали концессионные соглашения об их строительстве. При этом доходность по этому виду облигаций будет выше, чем при размещении средств на банковских вкладах, а с частью банков есть соглашения о том, что они будут участвовать в их выкупе. Использование «зеленого» финансирования будет оправданным и эффективным только в том случае, если с помощью него достигается решение задач, лежащих в области каждого из трех компонентов устойчивого финансирования.

Создавшаяся ситуация обостряет необходимость тщательного анализа и подбора инструментов «зеленого» финансирования, что подразумевает отбор проектов, отвечающих целям устойчивого развития не «де-юре», а «де-

¹ Вильданова М.М. Некоторые особенности «зеленого» финансирования и иных «зеленых» финансовых инструментов в России и за рубежом// Право и практика. 2022. №1, с. 143

факто», с учетом того, что трехчастная модель устойчивого развития включает как равноправные не только экологическую, но и экономическую, и социальную компоненты. Сейчас же, по мнению специалистов, идея ускоренной декарбонизации экономик и отказа от ископаемых видов топлива быстрыми темпами является экологическим авантюризмом западных стран и будет более разрушительной, чем кризис 2008 года. Фиксация только лишь на экологической компоненте (это было легко заметить последние несколько лет, когда среди всех целей устойчивого развития, акценты делались только на декарбонизации) уже приводит к разбалансировке всей модели ESG: отсутствие доступных по цене энергоносителей негативно сказывается на всех отраслях глобальной экономики, а массовые демонстрации ряда в ряде стран с жесткими социальными требованиями указывают на то, что произошла потеря и социальной устойчивости даже в самых экономических благополучных западных странах¹.

Поэтому сейчас можно наблюдать тот самый процесс дестабилизации и дисбаланса развития мировой и национальных экономик, которые произошел из-за того, что необходимые принципы устойчивого развития не были соблюдены, а политическая компонента оказалась преобладающей над всеми задачами устойчивого развития социальной, экономической и экологической подсистемы.

Несмотря на те специфические особенности и противоречия развития, с которыми сталкивается сейчас глобальная экономика, значение «зеленого» финансирования для реализации целей устойчивого развития сложно переоценить. Но при этом успешность реализации ESG-стратегии будет определяться правильным пониманием концепции устойчивого развития, в основе которой лежит сбалансированное и синхронное развитие всех трех подсистем. Эффективность «зеленого» финансирования возможна только в том случае, если будут корректно определены параметры оценки

¹ Карпович О.Г. Последствия «зеленого разворота» будут более разрушительными для Запада, чем экономический кризис 2008 года//Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://nic-pnb.ru/analytics/posledstviya-zelenogo-razvorota-budut-bole-razrushitelnyimi-dlya-zapada-chem-ekonomicheskij-krizis-2008-goda/> Дата обращения: 2.11.2022

инвестиционных проектов, реально соответствующих статусу эко- или социально-ориентированных, но также при этом еще и позволяющих достичь определенной экономической эффективности.

Достижение целей «зеленого» экономического роста и плавный переход к «зеленой» экономике на основе соблюдения всех задач устойчивого развития возможен только на основе функционирования отлаженного механизма «зеленого» финансирования, который позволяет аккумулировать необходимые финансовые ресурсы в целях «экологизации» и «декарбонизации» определенных отраслей с учетом социальных потребностей общества и поддержания стабильного экономического развития национальной экономики.

Стимулирование развития «зеленого» финансирования в России возможно на основе одновременной реализации ряда мероприятий, которые имеют строго целевой характер и учитывают, что «зеленое» развитие является не самоцелью, а преследует основную задачу повышения уровня жизни населения страны. В связи с этим с нашей точки зрения необходима реализация следующего комплекса мер:

- совершенствование и доработка нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы осуществления «зеленого» финансирования с четким выделением целевых индикаторов для верификации «зеленых» проектов предприятий и организаций или проектов устойчивого развития территорий;
- подготовка дорожной карты по развитию «зеленого» финансирования на национальном и региональном уровне, учитывающая все сценарии развития экономики и формирующиеся в ней черты автаркии;
- стимулирование формирования полноценного рынка «зеленых» облигаций с целью финансирования экологических проектов, например в транспортной, энергетической или мусороперерабатывающей отрасли;
- предоставление системы налоговых льгот или субсидирования процентов по заемному капиталу для предприятий, которые за счет внедрения НДТ, ресурсосберегающих или энергосберегающих технологий

добиваются снижения показателей загрязнения окружающей среды. Некоторыми экспертами предлагается создание специализированного банковского института, который будет осуществлять кредитование «зеленых» проектов, но в существующих реалиях такая инициатива является нереализуемой.

В целом механизм «зеленого» финансирования в нашей стране сейчас находится на начальном уровне своего формирования, а объемы «зеленого» инвестирования недостаточны для обеспечения устойчивого «зеленого» развития, особенно с учетом значительных территориальных диспропорций в их распределении. Однако функционирование российских предприятий и отечественной финансовой системы в новых экономических условиях может позитивно сказаться на стремлении хозяйствующих субъектов к вдумчивому и постепенному внедрению «зеленых» технологий, оправданных и с экономической, и с экологической точки зрения, имеющих явный положительный социальный эффект. В этом случае созданная система «зеленого» финансирования будет являться тем базисом, на основе которого будет выстраиваться не только модель «зеленой» экономики, но и в целом вся концепция устойчивого развития отечественной экономики.

3.3 Трансформация моделей регионального развития в целях повышения устойчивости региона

Необходимость перехода к модели устойчивого развития для всех региональных социально-экономических подсистем стала, как мы уже доказали выше, в текущих условиях объективной необходимостью, которая позволяет преодолеть инерционный характер развития как самих региональных систем, так и отдельных их компонентов, повысить инновационную активность в регионе и сделать его более инвестиционно-привлекательным. Уяснить суть этих процессов можно с помощью

трансформационной модели системы управления процессом устойчивого регионального развития, которая представлена на рисунке 3.2.

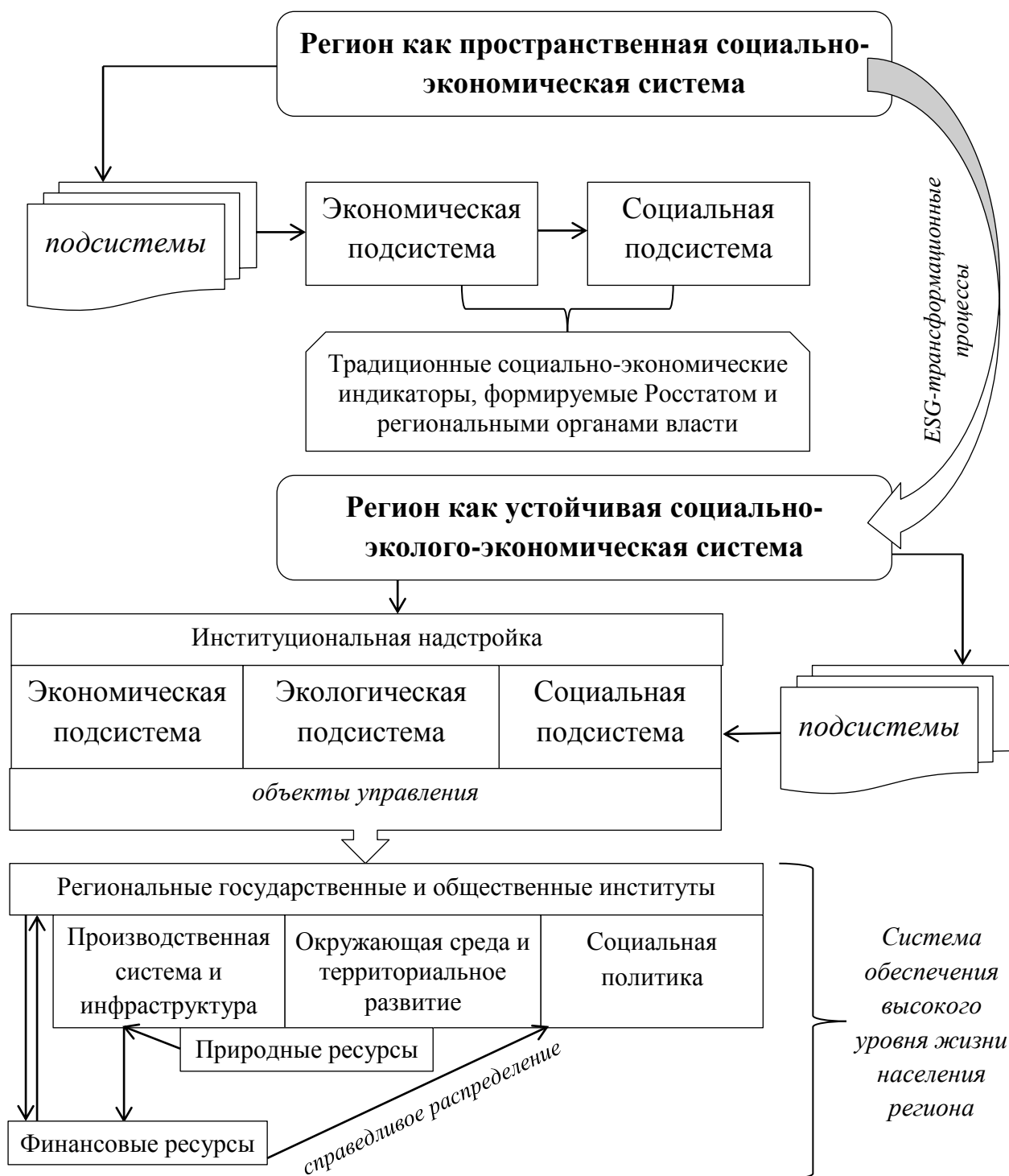

Рисунок 3.2. – Процесс трансформации традиционной модели регионального развития в модель устойчивого развития региона¹

¹ Разработано автором по результатам исследования

Приобретаемые национальной экономикой черты автаркии имеют свои преимущества, заключающиеся в приоритизации целей национальной безопасности, которая заключается даже не столько в военной безопасности, сколько в продуктивном, энергетическом и технологическом суверенитете. Реализация этих задач соответствует принципам ESG-концепции, но при этом необходимо обеспечить взаимоувязку каждой из них с основной целью устойчивого развития – повышением качества жизни населения.

В рамках предложенной нами трансформационной схемы регион в его традиционном представлении рассматривается как взаимосвязь двух подсистем – экономической и социальной, которые в ходе изменения модели регионального развития согласно ESG-концепции дополняются экологической подсистемой, а также обретают институциональную надстройку.

В каждой из представленных подсистем осуществляется управление своим специфичным объектом управления, каждый из которых связан с объектом управления из другой подсистемы. Такое взаимодействие между указанными компонентами, модель которого представлена на рисунке 3.3, создает основу формирования эффективной системы обеспечения высокого уровня жизни населения.¹

Введем условные обозначения и опишем характер взаимосвязи между компонентами:

- R_i – процессы использования природных ресурсов в экономике региона различными хозяйствующими субъектами. Связывает между собой объект управления «природные ресурсы» (ПР) и «производственная система» (ПС), тем самым характеризуя процесс вовлеченности природных богатств в производственно-экономические отношения в регионе и создания необходимой инфраструктуры;

¹ Калицева К.А. Трансформация традиционных моделей регионального развития в целях обеспечения устойчивости региона с учетом ESG-принципов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 83-88.

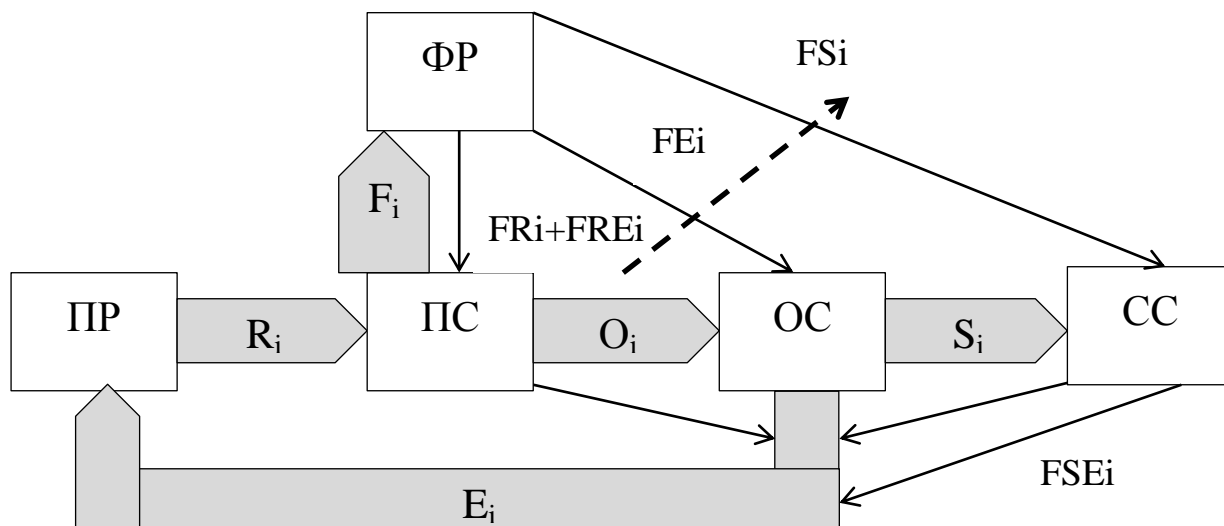

Рисунок 3.3. – Модель взаимодействия подсистем регионального развития согласно концепции ESG¹

- O_i - механизмы и технологии взаимодействия с окружающей средой, имеющие на нее как положительное, так и отрицательное влияние. Связывает между собой компонент «производственная система» и «окружающая среда» (OC), тем самым характеризуя уровень воздействия хозяйствующей системы региона на экологическую обстановку. Множество положительных эффектов и множество отрицательных создают синергетический эффект, который и определяет итоговый показатель воздействия – позитивные или негативный;

- S_i – характеризует процессы воздействия компоненты «окружающая среда» на компонент «социальная среда» (CC), определяя тем самым степень экологической безопасности региона и его влияние на уровень жизни населения, в частности на продолжительность жизни, состояние здоровья, уровень заболеваемости, удовлетворенность населения количеством «зеленых» зон, качеством воды и воздуха и т.д.;

- E_i – процессы рационального природопользования и ресурсосбережения. Связывают между собой компоненты «окружающая

¹ Разработано автором по результатам исследования

среда» и «природные ресурсы» и находятся под влиянием производственной среды и социальной среды, от которых зависит качество реализации программ, направленных на эффективное использование ресурсов, энергосбережение, грамотную утилизацию отходов. Позитивное воздействие на окружающую среду приводит к сбережению и накоплению природных ресурсов. Данные процессы включают в себя использование наилучших доступных технологий, альтернативных источников энергии, бережливое производство, сортировку и вторичную переработку отходов и многое другое;

- F_i – финансовые потоки, генерируемые различными секторами экономики и подлежащие распределению в форме выплаты заработной платы, уплаты налогов, дивидендов и пр. Связывают между собой производственный сектор в самом широком его понимании (во избежание двойного счета доходы населения сюда не относим) и компонент «финансовые ресурсы» (ФР), который аккумулируется региональными или федеральными органами власти с помощью бюджетной системы, отдельными компаниями и домохозяйствами.

Далее финансовые потоки перераспределяются по четырем направлениям:

- $FR_i + FRE_i$ – финансовая поддержка, осуществляемая государством, приоритетных отраслей, кластеров и отдельных предприятий (FR_i), а также тех хозяйствующих субъектов, которые реализуют стратегии устойчивого развития в рамках специальных государственных программ поддержки «зеленых» инвестиционных проектов (FRE_i);

- FE_i – финансирование мероприятий, направленных на защиту окружающей среды;

- FS_i – финансирование социальной сферы, социальных программ и меры социальной поддержки населения;

- FSEi – финансирование населением экологических мероприятий путем ведения волонтерской деятельности или осуществления самостоятельных эко-ориентированных действий.

По сути, представленная модель отражает процессы регионального воспроизводства, то есть циклический процесс, в ходе которого производственные ресурсы региона трансформируются в рамках перехода от одной стадии к другой и на каждом из этапов они взаимодействуют либо с социальной, либо с экологической подсистемой региона, что обеспечивает единство модели устойчивого регионального развития. Движение ресурсов также трансформируется путем перехода от традиционной модели «товар-деньги-товар» к модели «ресурсы – производство - социальные блага», при этом в каждом из указанных элементов присутствует экологическая компонента.

Также следует обратить внимание на то, что в представленной на рисунке 3.2. схеме трансформации традиционной модели регионального развития в модель устойчивого развития региона, выделена институциональная надстройка над каждой из трех основных подсистем региона, что объясняется тем, что в ESG-модели устойчивого развития региона осуществляется синтез двух теорий – институциональной экономической теории и ресурсного подхода. Так, согласно ресурсному подходу, потенциал региона должен выступать в качестве главной стратегической переменной, воздействие на которую осуществляется посредством инструментов региональной экономической политики, и за счет этого достигается реализация задач устойчивого развития. Включение в данный механизм основных положений институциональной экономической теории, согласно которой основным приоритетом региональной политики должно стать обеспечение достаточного благосостояния населения, позволяет сделать модель устойчивого развития действенным инструментом достижения целей региональной социально-экономической политики.

Трансформация моделей регионального развития согласно концепции устойчивого развития подразумевает переход от формирования социально-экономического потенциала региона к формированию и оценке возможностей реализации перспективного социально-экономического потенциала региона, который не просто фиксирует состояние региона в настоящий момент времени, а определяет его будущие возможности функционирования и развития. Это требует использования соответствующих технологий планирования – индикативного планирования, скользящего бюджетирования, разработки стратегии устойчивого развития региона с четко определенной системой целевых индикаторов. Сам процесс перехода от одной модели к другой является строго определенным алгоритмом, на каждом этапе которого формируются и воплощаются в жизнь предпосылки эффективного использования имеющегося у региона потенциала и его развития до уровня перспективного потенциала¹.

Технология управления устойчивым развитием региона в рамках новой модели предстает как совокупность приемов и способов получения конкретного результата, заключающегося в обеспечении устойчивого сбалансированного развития региона путем взаимодействия трех организационных подсистем:

- управляющей подсистемы, образованной системой органов государственной региональной власти;
- целевой оценочной подсистемы, представляющей собой систему оценки функционирования региона путем анализа целевых индикаторов, отражающих уровень развития экономической, социальной и экологической подсистем;
- обеспечивающей подсистемы, состоящей из законодательных условий, ресурсных возможностей, институционального и инфраструктурного обеспечения развития региона.

¹ Сорокина Н.Ю. Концептуальная модель устойчивого развития региона // Мир новой экономики. 2013. №3-4. с. 23

Международный опыт обеспечения сбалансированного регионального развития показывает, что в результате сформировались три основные модели региональной политики, реализация которых подразумевает, с одной стороны, сокращение социально-экономической дифференциации территорий, с другой стороны, их движение в сторону устойчивого развития и достижения целей, заявленных в ESG-повестке. Анализ трех видов осуществляемых политик позволяет сделать вывод о том, что каждая из них является применимой для российских регионов, а некоторые из указанных видов моделей уже достаточно активно используются региональным руководством:

1. Политика выравнивания. В основе данной модели сбалансированного развития регионов лежит идея перераспределения доходов от регионов - «доноров» к регионам -«реципиентам», при этом основная доля направляемых средств идет в социальную сферу - образование, здравоохранение, ЖКХ и т.д. Однако затрудненность контроля за целевым использованием средств и фактическая бесплатность данного ресурса для принимающего региона приводят к тому, что освоение средств осуществляется неэффективно, а регионы получают достаточно негативный для самостоятельного развития сигнал – что ресурсы могут быть получены безвозмездно, поэтому нет смысла предпринимать усилия для достижения финансовой независимости.

Применение данной модели региональной политики характерно для российских регионов и национальной региональной политики уже второе десятилетие, хотя уже давно наблюдаются попытки ухода от ее использования. Основными реципиентами при этом являются регионы, в которых согласно официальным статистическим данным, низкие доходы населения и дефицитный бюджет. Хотя профицитных региональных бюджетов сейчас достаточно много¹, что обеспечило формирование

¹ Оперативный доклад об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации январь – июнь 2022 года. М.: Счетная палата РФ. 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1667994637&tld> Дата обращения: 06.11.2022

высокого итогового показателя, реальный профицит в большинстве из них незначителен, а некоторые дотационные регионы, в число которых из южнороссийских регионов вошла Республика Северная Осетия-Алания, наращивали расходы в первом полугодии 2022 года опережающими темпами.

Наиболее стабильное положение наблюдается в регионах, имеющих связи с Китаем (в основном дальневосточных и сибирских), сельскохозяйственных (из-за короткого производственного цикла), туристическо-курортных и там, где производство уже адаптировалось к текущим условиям, наименее устойчивая ситуация - в регионах с развитым машиностроением и автопромом. Поскольку расходы бюджетов во втором полугодии 2022 года будут расти в связи с необходимостью поддерживать производственные цепочки, исполнять социальные программы, рассчитываться за госконтракты, а также учитывая ожидаемые сложности у наиболее пострадавших из-за санкционного давления регионов с развитой обрабатывающей промышленностью, дефицитное исполнение бюджетов, возможно, сложится более чем в половине субъектов

Также следует указать высокую зависимость формирования доходов бюджетов регионов от ограниченного числа «сырьевых» регионов, что создает повсеместную зависимость от «сырьевых» областей. Такая ситуация не может соответствовать целям устойчивого регионального развития, так как провоцирует возникновение финансовой неустойчивости и тесной привязки к конъюнктуре сырьевых рынков и доходам других регионов.

В связи с тем, что использование механизма выравнивания бюджетной обеспеченности регионов не создает стимулы для их экономического развития, в том числе в получении дополнительных доходов, данную модель нельзя рассматривать как приемлемую для создания условий перехода региона к устойчивому состоянию. Использование этой политики для региона может быть временной мерой и переходным состоянием, но не постоянно действующей политикой управления региональной экономикой, так как в этом случае дотационный регион теряет стимулы к развитию.

2. Политика полюсов роста. Является моделью регионального развития, базирующейся на поддержке отдельных регионов с помощью размещения в них предприятий лидирующих отраслей, иногда с последующим образованием отраслевых кластеров, что позволяет привлекать в регион внешнее финансирование и другие факторы производства. Определение полюсов роста является достаточно сложной, но при этом стратегически важной процедурой, так как только правильное расставление приоритетов, грамотный выбор драйверов экономического роста и «якорных» предприятий позволит устранить существующие деформации в развитии региональной экономики.

Однако в том случае, если интеграции полюса роста в экономику окружающих их территорий не происходит, это негативно сказывается на развитии региона, а самим точкам роста становится свойственно краткосрочное гипертрофированное развитие за счет излишней концентрации экономической деятельности, что через некоторое время оборачивается существенными проблемами с их инфраструктурой и осложнением экологической ситуации.

Уровень экономического развития страны определяет особенности механизма идентификации полюсов роста. Так, для российских реалий свойственно выделение полюсов роста для всей страны с присвоением каждому из них собственных задач, в том числе в рамках реализации стратегии устойчивого развития. При этом каждый полюс представляет собой географическое объединение стабильно развивающихся регионов, которое можно количественно измерить в показателях ВРП, объеме привлекаемых инвестиций, индексе промышленного роста, доходах населения и т.д. Лидерами «южного полюса роста» являются четыре региона — Краснодарский край, Ростовская область, Ставропольский край и Волгоградская область¹.

¹ Козлов В. Испытание для южного полюса роста//Эксперт-Юг.2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://expertsouth.ru/news/ispytanie-dlya-yuzhnogo-polyusa-rosta/> Дата обращения: 07.11.2022

Использование модели полюсов роста в целях достижения задач устойчивого регионального развития целесообразно в период широкомасштабной индустриализации и централизации, когда в экономике преобладает массовое производство и за счет него достигается снижение издержек, основанное на эффекте масштаба. В современных условиях развития отечественной экономики, перед которой поставлены задачи развития импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета, эта модель регионального развития также является актуальной. Также суть создания полюсов роста укладывается в концепцию пространственного развития РФ, согласно которой каждый регион обозначил для себя отраслевые приоритеты, способные обеспечить экономический и технологический прорыв на заданной территории.

В тоже время в противоречие преимуществам использования данной модели выступают определенные ее ограничения:

- неэффективность определения долгосрочных приоритетов регионального отраслевого развития в постиндустриальную эпоху;
- низкий экономический и социальный эффект строительства в регионе крупных индустриальных объектов преимущественно с бюджетным финансированием;
- акцент на развитии отдельных территорий, но невозможность распространения положительного эффекта на другие территории;
- сложность распространения импульсов полюсов роста на периферийные регионы, что может не только не смягчить диспропорции регионального развития, но и усугубить их.

В связи с этим целесообразно говорить о том, что модель «полюсов роста» также может применяться в определенные ограниченные интервалы времени, при определенных условиях развития экономики, но затем она должна трансформироваться в стратегию пространственного развития

регионов, которая на данный момент может считаться самой совершенной моделью регионального развития¹.

3. Пространственная модель регионального развития. В наибольшей степени соответствует задачам устойчивого регионального развития, так как рассматривает как единое целое социально-экономическую политику и политику развития территории в сочетании с изменением подхода к восприятию территории как объекта управления. Если в традиционной модели регионального развития территория региона выступала как предмет освоения и эксплуатации, то в рамках ESG-концепции пространственного развития она воспринимается уже как полноценный субъект эколого-экономической и социально-экономической политики в их диалектическом единстве.

Принципиальное отличие пространственной модели от модели «полюсов роста» заключается в естественности управленческих мер, воздействующих на региональные процессы, - на смену целям развития реального сектора экономики с помощью бюджетных мер поддержки, искусственного создания технопарков, кластеров и других региональных и отраслевых объединений, приходит концепция стимулирования предпринимательской и трудовой активности населения и бизнес-сообщества региона, что естественным путем должно привести к образованию более крупных и эффективных форм объединения хозяйствующих субъектов в экономике региона.

Использование модели пространственного регионального развития предполагает отказ от возможности использования единого унифицированного подхода к развитию для всех регионов, - в этом случае могут изучаться и адаптироваться под условия конкретного региона отдельные положительные практики, но не более того. Данная модель в принципе не предполагает использования единообразных стратегий, целей и

¹ Краснодарский бизнес-форум «Стратегия для Юга: устойчивость или рост?»// Эксперт-Юг. 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://expertsouth.ru/events/krasnodarskiy-biznes-forum-strategiya-dlya-yuga-ustoychivost-ili-rost-/?sphrase_id=3852164 Дата обращения: 8.11.2022

задач их достижения, делая акцент на необходимости самостоятельного определения регионами своих путей и методов развития.

Особенно следует отметить особенность финансирования региональной экономики – налоговые платежи концентрируются в регионе, а не распределяются сверху, - такой подход полностью соответствует принципам устойчивого развития и сохранения финансовой устойчивости региона, однако при этом невозможно сохранить действующую на сегодняшний день схему перетока финансовых ресурсов от регионов-«доноров» к регионам - реципиентам. Поэтому использование модели пространственного развития должно начинаться с подготовительной работы и выявления тех полюсов роста уже внутри самих регионов, которые могут обеспечить регионам переход к финансовой самостоятельности в краткосрочной перспективе. При этом механизмы государственной поддержки идентичны тем, которые применяются в модели полюсов роста – целевые государственные программы, поддержка кластеров, активное применение ГЧП.

Отметим, что в действующей на сегодняшний день Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года корректно обозначены задачи, связанные с переходом от традиционных моделей регионального развития к перспективной модели пространственного развития учитывающей необходимость устойчивого развития территорий¹.

Также укажем на то, что в предлагаемых для оценки эффективности Стратегии целевых индикаторах пространственного развития РФ, к сожалению, отсутствуют индикаторы, которые могли бы достоверно отразить продвижение регионов к реализации концепции устойчивого развития, в то время как модель пространственного развития региона как раз неразрывно связана с решением задач устойчивого сбалансированного регионального развития. Не отражена приоритетность устойчивого развития

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года// СПС Консультант Плюс

и в задачах Стратегии. В связи с этим в таблице 3.7. мы представили взаимосвязь предложенных индикаторов с той подсистемой устойчивого развития, эффективность работы которой они должны отражать, а также дополнили таблицу необходимыми компонентами так, чтобы проводимая оценка давала возможность оценить уровень пространственного развития РФ с учетом необходимости достижения сбалансированного устойчивого состояния для каждого региона. Авторские предложения и корректировки в таблице внесены курсивом.

Таблица 3.7 – Дополненная система целевых индикаторов реализации пространственного развития РФ с учетом целей устойчивого регионального развития¹

№	Целевые индикаторы	2017 г.	Инерционный сценарий	Целевой сценарий	Отражает ESG-состояние:
1.	Среднегодовые темпы роста ВРП регионов, в которых располагаются перспективные крупные центры экономического роста РФ <i>*если речь идет об устранении социально-экономической дифференциации, следует оценивать все регионы внутри их федеральных округов</i>	101	102,6	103,7	Экономической подсистемы
2.	Отношение среднедушевого ВРП в регионах, относящихся к приоритетным геостратегическим территориям к среднероссийскому значению <i>*п.1+ с учетом поправки на % теневой экономики в регионе</i>	0,64	0,66	0,7	
3.	Межрегиональная дифференциация индекса человеческого развития по отношению к уровню 2017 года <i>*целесообразно выделить демографических показателей, показателей заболеваемости, образованности и доступности социальных услуг</i>	100	101	97	Социальной подсистемы (+инфраструктурная составляющая)
4.	Рост транспортной подвижности населения по отношению	100	115	118	

¹ Составлено автором по результатам исследования

Окончание таблицы 3.7						
	к уровню 2017 года <i>*слишком частный показатель, не совсем ясно о каких положительных процессах он может свидетельствовать</i>					
5.	<i>Рост экспорта услуг от транзитных перевозок по отношению к уровню 2017 года *целесообразно рассматривать весь объем экспорта, выделив при этом долю высокотехнологичной или инновационной продукции, а также продукции по отраслям(кроме экспорта нефти, газа, зерна, древесины и др. продукции, не подвергшейся переработке)</i>	100	135	143		Экономической подсистемы
6.	<i>Темп изменения объемов выбросов вредных веществ в воду и атмосферу</i>					Экологической подсистемы
7.	<i>Доля переработанных отходов, %</i>					
8.	<i>Удовлетворенность населения экологической обстановкой в регионе, баллы</i>					

Дополнение и уточнение ряда целевых индикаторов в системе оценки пространственного развития российских регионов позволит наладить эффективный мониторинг не только качества реализации стратегии, но также и проанализировать качество регионального управления, конкретизировать проблемы в рамках каждой из подсистем устойчивого регионального развития и на этой основе выработать пути их решения¹. Несмотря на привлекательность использования пространственной модели развития как наиболее соответствующей задачам устойчивого развития, необходимо иметь ввиду, что эта модель не может стать доминирующей для всех регионов РФ, для части которых до сих пор используется модель выравнивания.

В новых экономических условиях модели регионального развития не могут быть ориентированы только на компенсацию объективных территориальных диспропорций – этот эволюционный этап развития

¹ Ли В. Д. Международный опыт разработки моделей регионального устойчивого развития // Молодой ученый. 2016. № 5. с. 363

региональной экономики уже пройден, и задачам устойчивого развития соответствуют только те модели, которые направлены на выявление «сильных сторон» или «драйверов» развития региона, которые могут запустить процесс экономического роста, сопровождающийся социально ориентированными действиями органов региональной власти, а также экологически ответственным поведением бизнес-сообщества и населения региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Достигнутые в ходе проведения научного исследования в рамках данной диссертационной работы научные результаты характеризуются следующими пунктами научной новизны:

1. *Раскрыта и дополнительно уточнена взаимосвязь элементов устойчивого развития региона и их целевых характеристик, обладающих институциональной направленностью и подразумевающих сближение ключевых сфер деятельности региона в рамках ESG-модели - экономики, социальной сферы и экологии.*

Методология изучения системных региональных проблем в рамках триады "общество - природа - экономика" определяет и состав основных элементов устойчивости региона, к которым относятся: эффективное экономическое развитие; социально-ориентированное развитие; экологически безопасное развитие. На региональном уровне уже достаточно давно осуществляется разработка стратегий социально-экономического развития, которые охватывают процессы планирования, прогнозирования, мониторинга и контроля достижения первых двух указанных пунктов, достижение экологических задач также регулируется отдельными региональными документами (например, Стратегия - 2030 «Природные ресурсы и экология» в Ростовской области или Государственная программа Республики Северная Осетия-Алания «Охрана окружающей среды» на 2020-2025 годы), а также встроено в традиционную стратегию развития, либо включено в цели стратегии устойчивого развития региона.

Если рассматривать реализацию концепции устойчивого развития с точки зрения достижения целей межрегионального уровня, то здесь можно выделить основные две цели:

- на стыке взаимодействия экономической и социальной компонент находится цель сглаживания диспропорций в социально-экономическом развитии территорий;

- цель рационального использования природных ресурсов находится на первый взгляд, в области решения экологических задач, но на самом деле она как раз и определяет возможности регионов по социально-экономическому развитию и обеспечению региональной конкурентоспособности. Это обусловлено тем, что из всех видов потенциалов, экологический потенциал региона остается наименее изученным и не имеющим проверенных механизмов трансформации в реальную ресурсную базу территории. Многочисленные примеры как на уровне отдельных стран, так и на уровне регионов, показывают, что самые широкие возможности для развития могут открываться регионам с достаточно бедными запасами природных ресурсов, и наоборот, территории, обладающие богатыми ресурсами, используют их крайне неэффективно.

Устойчивое развитие территории осуществляется в целях достижения единой цели, которая является уникальной с точки зрения приоритетности рассматриваемых региональных подсистем, - социализации экономических и экологических проблем. Таким образом, обозначается подчиненность экономических и экологических задач интересам общества, в том числе и будущих поколений, что соответствует самой концепции ЦУР.

2. Осуществлена классификация инструментов трансформации традиционной региональной системы с экстраполяцией на систему с учетом соответствующих каждой рассматриваемой подсистеме проблем развития.

Для целей нашего исследования институциональная среда региона была определена как определенные правила функционирования региональной системы, подразумевающие координацию экономических, социальных и экологических процессов, осуществляемых на территории региона, с помощью системы взаимодействия государственных,

общественных и иных региональных институтов, чьей основной целью функционирования является обеспечение высокого качества жизни населения на заданной территории.

Отмечено, что большая часть субъектов ЮФО и СКФО характеризуется достаточно низкими показателями открытости и обеспеченности, при этом для трех регионов (Астраханская область, Республики Ингушетия и Калмыкия) выставлены нулевые балльные оценки. Также большая часть южнороссийских регионов находится во второй половине рейтинга, что указывает на достаточно низкое качество нормативно-институциональной среды, а это в свою очередь является серьезным препятствием для реализации на территории принципов устойчивого развития, так как институтам принадлежит огромная роль при переходе к ESG-стратегии, и они способны как содействовать переходу, так и сдерживать его.

В диссертационном исследовании представлен механизм перехода региона из традиционного состояния в устойчивое, обозначены основные инструменты такого перехода и сопровождающие их проблемы. Обращает на себя внимание тот факт, что при переходе в устойчивое состояние расширяется количество управляемых подсистем региона, а институциональная среда из инструмента, обеспечивающего социально-экономическое развитие региона, превращается в полноценную подсистему, тесно взаимодействующую с тремя остальными. Также в систему регионального развития в условиях обеспечения ее устойчивости органично вписывается экологическая подсистема, функционирование которой позволяет решить ряд проблем экономического и социального характера.

В то время как функционирование традиционной региональной подсистемы порождает транзакционные издержки, затрудняющие течение воспроизводственных процессов в экономике региона, устойчивая региональная система способствует активизации всех воспроизводственных процессов.

3. Систематизированы и дополнены показатели, применяемые в процессе анализа устойчивого социально-экономического развития региона, распределенные по видам устойчивости согласно трехчастной ESG-модели устойчивого развития.

Сравнительный анализ с ситуацией в других федеральных округах дает возможность прийти к заключению, что текущая ситуация не оказала серьезного негативного воздействия на экономику регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, а в некотором отношении выступила даже драйвером развития. Анализ отраслевой компоненты показывает, что в целом по всем регионам РФ чаще всего наблюдалось падение в секторе розничной торговле и строительстве.

Применяя к регионам те же критерии, что и при оценке финансовой устойчивости хозяйствующих субъектов, а именно коэффициента автономии, выделим те из них, которые не обеспечивают по итогам рассматриваемого периода 2022 года оптимального паритета при осуществлении инвестиционных вложений – 50% собственных- 50% заемных средств (0,5-0,6 – норматив коэффициента финансовой независимости). При этом стоит обратить внимание, что данное обстоятельство является положительным только в текущих условиях ограниченности инвестиционного предложения, так как свидетельствует о возможности замещения внешних источников финансирования – собственными внутренними.

Также нельзя считать положительным высокую долю бюджетных средств в структуре источников привлеченного финансирования, а также резкое изменение структуры инвестиций (как у Астраханской области), что свидетельствует скорее о резком падении объемов инвестирования, чем об оптимизации источников финансирования. Собственно говоря, оценивать положительно с точки зрения устойчивости рост привлеченных средств в структуре инвестиций мы можем только в том случае, если это происходит не за счет бюджетных средств, а за счет привлечения внешних инвесторов, как реальных, так и портфельных.

Полученные данные характеризуют высокую дотационность части регионов СКФО от федерального бюджета, причем даже среди них существует достаточно сильная дифференциация, - например, при высокой доле финансирования из федерального бюджета (34,9%) в Республике Дагестан, также существенная поддержка региональной экономике осуществляется и из средств регионального и местного бюджетов (30,3%), в то время как, в Северной Осетии-Алании при доле федерального бюджета в финансировании инвестиций в 44,6%, доля регионального и местных бюджетов – всего 4,4%.

При исследовании показателей естественного прироста и убыли населения обращает на себя динамика увеличения убыли во многих регионах Юга России (40% от общего количества южнороссийских регионов). В десятку лидеров рейтинга по качеству жизни из южнороссийских регионов входит Краснодарский край. Замыкающая рейтинг десятка регионов практически не меняется в течение нескольких лет и среди них целых три региона СКФО и один регион ЮФО - Республики Северная Осетия — Алания, Ингушетия, Карачаево-Черкесия и Калмыкия.

Динамика реальных денежных доходов населения демонстрирует падение как в целом по стране, так и в ЮФО и СКФО. Из всех регионов Юга России на таком же уровне доходы населения сохранились только в Краснодарском крае – 100,1%, а наибольшее снижение пришлось на Республику Калмыкия – 93,6%.

Проведенный анализ показал, что южнороссийские регионы оказались лицом к лицу перед вызовами нового времени, когда они уже не смогут рассчитывать, например, на прежние объемы «вливаний» из федерального бюджета или значительные объемы инвестиций в рамках ГЧП. В какой –то степени перед многими из них открылись и новые возможности, например, развития туристической отрасли, так как практически все прежние направления турпотоков стали недоступными на неопределенный период времени. Поэтому задачей регионов Юга России сейчас становится

раскрытие своего инвестиционного потенциала, поиск точек роста с опорой на географические, природные, трудовые и иные конкурентные преимущества, реализовать которые возможно только на основе модернизации традиционных и уже во многом устаревших моделей регионального развития по пути следования концепции устойчивого развития.

4. Предложен алгоритм проведения оценки устойчивого развития южнороссийских регионов с учетом их специфики, предполагающий осуществление оценки по показателям, отражающим эффективность работы тех инструментов, которые отвечают за реализацию основных целей устойчивого регионального развития.

По итогам проведенного сравнительного анализа методик ESG-оценки развития регионов, мы пришли к выводу о том, что алгоритм ее проведения идентичен во всех рассмотренных случаях, однако структура самих показателей достаточно разнородна, - некоторые из них имеют детализированный характер и предполагают расчет большого количества частных показателей, а другие отличаются специфичным подходом к оценке за счет использования в основном качественных показателей, получаемых в ходе экспертных оценок.

Обзор всех подходов к оценке устойчивого развития региона позволил нам выработать алгоритм ее проведения для южнороссийских регионов, причем данный алгоритм учитывает и отраслевую специфику субъектов ЮФО и СКФО и особенности их территориального развития, заключающиеся в диспропорциях уровня социально-экономического положения, и перспективы дальнейшего развития в новых экономических условиях.

Наш подход к формированию алгоритмов устойчивого развития заключается в том, что мы предлагаем проводить оценку по показателям, сформированным не в зависимости от подсистем устойчивого развития (экономической/управленческой, социальной и экологической), а по

показателям, отражающим эффективность работы тех инструментов, которые отвечают за реализацию основных целей устойчивого регионального развития. Такой подход позволяет преодолеть ограниченность оценок, которые рассматривая экологическую, социальную и управленческую компоненту, игнорируют экономическую составляющую, а также учесть именно те цели, которые важны для устойчивого развития территорий Юга России.

При этом, по нашему мнению, результирующий показатель у всех методик оценки должен сводиться с расчету одного индекса, определяющего качество реализуемых стратегий устойчивого развития – индекса качества жизни в регионе, так как именно эта цель является определяющей при реализации стратегий ESG-развития региона, а экологическая, экономическая, управленческая составляющая играют соподчиненную роль, что мы и видим в подавляющем большинстве методик оценки, где именно социальным факторам отводится наибольшее внимание.

Кроме того, уникальность предложенного нами алгоритма оценки заключается в том, что первые два этапа связаны не непосредственно с самой оценкой ESG-индикаторов, а представляют собой подготовительную работу для проведения такой оценки. Важность их реализации объясняется тем, что учитывая некоторые специфичные черты развития территорий (например, диспропорций социально-экономического положения регионов ЮФО и СКФО, приоритетности развития агропромышленного комплекса и туристического кластера, особенно на фоне санкционных ограничений), оценка устойчивости развития, как фактор дальнейшего влияния на механизмы реализации региональных ESG-стратегий, должны выявлять те «узкие» места развития каждого региона, которые необходимо скорректировать для дальнейшей балансировки развития трех подсистем устойчивого развития.

Процессы регионализации и кластеризации на Юге России очень важны, так как экономические детерминанты кластеризации позволяют

достичь положительных эффектов агломерации и, соответственно, расширения и упрощения цепочек поставок (что влечет за собой снижение транзакционных издержек), развитие инновационных систем, качественный переток знаний из научной и образовательной среды в производственную, а также эффективные коммуникации между хозяйствующими субъектами региона.

Достижение целей как сбалансированного, так и устойчивого развития неразрывно связано между собой, поэтому в текущих условиях для корректного отображения задач, стоящих перед руководством региона целесообразно использовать термин «сбалансированное устойчивое развитие», оценивать которое можно по традиционным показателям динамики валового регионального продукта, уровня бюджетной обеспеченности территорий и их финансовой самостоятельности, также темпам роста номинальных и реальных доходов населения, дополненными рядом экологических и эколого-экономических показателей.

Основные направления реализации политики сбалансированного регионального развития были представлены в законодательстве РФ еще в 2008 г. На ее основе и с учетом особенностей развития южнороссийских регионов в процессе исследования был разработан алгоритм реализации политики сбалансированного устойчивого развития в регионе, исходя из анализа которого можно увидеть, что задача выравнивания социально-экономического развития южнороссийских регионов требует применения системных методов, направленных на одновременное воздействие на экономические, социальные и экологические процессы региона, основанные на использовании многофункциональных организационно-экономических, социально-демографических и других регуляторов воспроизводственных процессов.

5. Разработана парадигма трансформации традиционной модели регионального развития в ESG-модель устойчивого развития региона на

основе комплекса индикаторов, позволяющих осуществить аналитическую оценку сбалансированного развития регионов.

В работе представлен комплекс индикаторов, позволяющих осуществить аналитическую оценку сбалансированного развития регионов ЮФО и СКФО, основанную на трехчастной модели устойчивого экономического развития. В связи с этим в состав исследуемых показателей включены основные целевые индикаторы, которые характеризуют уровень приращения (или снижения) экономических, социальных и экологических показателей, рассчитанных индексным методом. Такая оценка позволяет проанализировать динамику развития региона в разрезе каждой подсистемы и присвоить в результате каждому региону балльную оценку его развития. Так как мы обосновали необходимость сбалансированного развития всех компонент региона без акцентуации на избранных факторах, то рассчитываемые показатели воспринимались как равноценные, без присвоения весов.

Трансформация моделей регионального развития на основе ESG-повестки невозможно без учета принципов «зеленой» экономики и тех возможностей финансирования, которые появляются в рамках реализации регионом и его хозяйствующими субъектами «зеленой» стратегии. В целом механизм «зеленого» финансирования в нашей стране сейчас находится на начальном уровне своего формирования, а объемы «зеленого» инвестирования недостаточны для обеспечения устойчивого «зеленого» развития, особенно с учетом значительных территориальных диспропорций в их распределении. Однако функционирование российских предприятий и отечественной финансовой системы в новых экономических условиях может позитивно сказаться на стремлении хозяйствующих субъектов к вдумчивому и постепенному внедрению «зеленых» технологий, оправданных и с экономической, и с экологической точки зрения, имеющих явный положительный социальный эффект. В этом случае созданная система «зеленого» финансирования будет являться тем базисом, на основе которого

будет выстраиваться не только модель «зеленой» экономики, но и в целом вся концепция устойчивого развития отечественной экономики.

В рамках предложенной нами трансформационной схемы регион в его традиционном представлении рассматривается как взаимосвязь двух подсистем – экономической и социальной, которые в ходе изменения модели регионального развития согласно ESG-концепции дополняются экологической подсистемой, а также обретают институциональную надстройку.

В каждой из представленных подсистем осуществляется управление своим специфичным объектом управления, каждый из которых связан с объектом управления из другой подсистемы. Такое взаимодействие между указанными компонентами, модель которого представлена в работе, создает основу формирования эффективной системы обеспечения высокого уровня жизни населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 06.12.2021 N 390-ФЗ "О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов". Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов. Министерство финансов РФ// СПС Консультант Плюс
2. Распоряжение Правительства РФ от 14 июля 2021 г. N 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития РФ»//СПС Гарант
3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года// СПС Консультант Плюс
4. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 г. (утв. Президентом РФ 30 апреля 2012 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/.
5. Агузарова Л. А., Агузаров З. А. Особенности создания информационного пространства региона в контексте поддержки инновационных кластеров// Экономика и предпринимательство. 2015. № 8-1 (61). С. 221-224.
6. Аликаева М.В., Уянаева М.Б. Зеленая экономика как элемент стратегии устойчивого развития экономики мезоуровня// Вестник СКФО: право и экономика. 2022. № 1 (21). С. 4-10.
7. Алинов М.Ш., Кадесович О.М., Ануфриев В.П. Устойчивое развитие и зеленая (низкоуглеродная) экономика регионов: проблемы, возможности, перспективы// Материалы XI Международной конференции «Российские регионы в фокусе перемен».2020. с.653-665
8. Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Модель "зелёной" экономики и её имплементация в ресурсных регионах // Регионалистика. 2019. №5. с. 31-47

9. Ануфриев В. П. Устойчивое развитие. Энергоэффективность. Зеленая экономика: монография. Москва : ИНФРА-М, 2022. 201 с.
10. Бакеев А. «Зелёная» энергетика привлекает прогрессивных инвесторов на Юг// Эксперт-Юг.2021. № 4. с. 14-17
11. Бартенев С. А. Экономические теории и школы (история и современность): Курс лекций. М.: Издательство БЕК, 1996. 352 с.
12. Басенко В.П., Романов А.А. Институциональные основы устойчивого развития региона// Экономика и предпринимательство. 2013. с. 116-123
13. Белякова Е.В. Новая парадигма регионального развития// Проблемы современной экономики. 2009. № 2. с. 34-45
14. Боброва В.А., Сиукаева А.Р. Развитие промышленности на примере РСО-Алании // Стратегии бизнеса. 2018. №4. с. 9-14
15. Бобылёв С.Н. Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты // Мир новой экономики. 2017. № 3. с. 90–96.
16. Боталова М.Е., Галазова С.С., Морусов С.А., Романишина Т.С. Вопросы устойчивого развития территории на основе зеленых маркетинговых стратегий// Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2021. № 2 (74). С. 21-29.
17. Бреннан Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб.: Экономическая школа, 2005. 272 с.
18. Брызгунова Е.Ю. Механизмы повышения устойчивости региона //Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015011621> Дата обращения: 13.10.2022
19. Булгакова Ю.В., Набок С.Д. Взаимобусловленность понятий «зеленая» экономика», «зеленый» рост» и устойчивое развитие // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 5. с. 89–91.

20. В Генпрокуратуре назвали регионы — лидеры по уровню коррупции [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ria.ru/20210309/vzyatki-1600397713.html> Дата обращения: 13.09.2022

21. Вазагов В.М., Травнев Л.Н., Вазагова Д.С., Кушхова Д.С. моделирование устойчивого развития экономики северокавказского федерального округа с использованием программного метода планирования// Устойчивое развитие горных территорий. 2014. Т. 6. № 3. С. 73-78.

22. Валентей С., Бахтизин А., Кольчугина А. Готовность региональных экономик к модернизации // Федерализм. 2018. № 2. с. 143–157.

23. Вильданова М.М. Некоторые особенности «зеленого» финансирования и иных «зеленых» финансовых инструментов в России и за рубежом// Право и практика. 2022. №1. с. 140-148

24. Воронцова И.Н., Гончаров Ю.В., Сироткина Н.В. Факторы и условия обеспечения сбалансированного развития региона// Вестник ВГУ: экономика и управление. 2014. № 4. с. 93-100

25. Гершкович Б.Я., Михайленко В.И., Михайленко А.В., Слепаков С.С., Довготько Н.А., Поволоцкая Н.П. Устойчивое развитие всероссийского курорта кавказские минеральные воды: вопросы экономики и экологии. Пятигорск, 2005.

26. Грузневич Е.С. Развитие, устойчивое развитие и сбалансированное устойчивое развитие и их взаимосвязь на уровне региона: терминологические аспекты // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12. с. 839-844.

27. Гутман Г.В. Управление региональной экономикой. М.: Финансы и статистика. 2001. 176с.

28. Давыдова Т. Е., Попова А. И., Распопова А. Е. Зеленая экономика в контексте глобального устойчивого развития //Экономинфо. 2020. №. 1. с. 49-54.

29. Данные национального экологического рейтинга[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=418> Дата обращения: 19.09.2022

30. Деготькова И. В ВШЭ сообщили о минимуме деловой активности в регионах с начала кризиса// РБК. 2022. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/10/08/2022/> Дата обращения: 18.09.2022

31. Деготькова И. Голландский айсберг российской экономики// Газета. 2022. № 64. с. 3

32. Довбий И.П., Дегтеренко А.Н., Кобылякова В.В. «Новая индустриализация» в России как фактор перехода к «зеленой» экономике// Финансовый журнал. 2020. № 4. с. 85-100

33. Доклад ESG и зеленые финансы России 2018-2022. Экспертно-аналитическая платформа INFRAGREEN. М.:2022. 74 с.

34. Долженко Р. А. Методические основы институционального проектирования новых форм трудовых отношений// Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 1. с. 72-80.

35. Друк В.Ю., Найденов А.М. Формирование туристических кластеров в контексте устойчивого развития регионов // Экономика и банки. 2017. №1. с. 54-59

36. Дудаев Г.Т., Тогузова И.З. Оценка финансово-инвестиционного потенциала РСО-Алания // Научные записки молодых исследователей. 2015. №1. с. 26-34

37. Ермишина Е.Б. Пути диверсификации в экономической системе РСО-Алания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2011. №1. с. 24-26

38. Ефремова Л.А. Уровень жизни населения в оценке результатов социальной политики и экономической безопасности // Экономика и управление: проблемы и решения. 2020. № 11. Т. 3. с. 98–102.

39. ESG-рэнкинг регионов. Аналитическое агентство Эксперт РА [Электронный ресурс] Режим доступа: https://raex-rr.com/esg/ESG_rating_regions#table Дата обращения: 18.09.2022

40. «Зеленые» технологии в промышленности: тренды greentech-направлений в 2021-2022 гг. – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 19 с.

41. Зименкова Е.Н. Влияние экологических изменений на формирование экономической безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 7. с. 53–63

42. Золотарева Ю.В. Социально-экономические аспекты развития туристского кластера в Северо-Кавказском федеральном округе// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 8 (часть 1).с. 86-91

43. Зуденкова С.А., Карева А.В. Система мер повышения устойчивости регионального развития, используемых в Российской Федерации // Вестник ГУУ. 2013. №19. с. 63-68

44. Институциональная экономика// Учебное пособие под рук. Акад. Львова Д.С., М.: ИНФРА-М 2001. 231 с.

45. Информация Фонда региональных социальных программ «Наше будущее» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ozerskadm.ru/about/unit/upr_ekonomiki/?ELEMENT_ID=35809 Дата обращения: 01.10.2022

46. Кадейкин О.Ю. Концепция устойчивого развития как основа процесса экологической глокализации // Регионология . 2013. №3. с. 125 – 131

47. Калищева К.А. Тенденции устойчивого развития южнороссийских регионов в новых экономических условиях// Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) . 2022. № 3

48. Калищева К.А. Специфические особенности развития системы зеленого финансирования в условиях санкционных ограничений // Финансовые исследования. 2022. № 3 (76). С. 68-77.

49. Калищева К.А. Трансформация традиционных моделей регионального развития в целях обеспечения устойчивости региона с учетом ESG-принципов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 83-88.

50. Калищева К.А. Структурные изменения в системе элементов устойчивого регионального развития // В сборнике: экономика, финансы и управление: актуальные вопросы теории и практики. сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. С. 54-57.

51. Калищева К.А. Формирование туристических кластеров как одно из направлений ESG-развития южнороссийских территорий // В сборнике: Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 232-237.

52. Кантемирова М.А. Региональные особенности развития экономических систем// Известия Горского государственного аграрного университета. 2015. Т. 52. № 4. С. 240-246.

53. Карпович О.Г. Последствия «зеленого разворота» будут более разрушительными для Запада, чем экономический кризис 2008 года//Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://nic-pnb.ru/analytics/posledstviya-zelenogo-razvorota-budut-bolee-razrushitelnyimi-dlya-zapada-chem-ekonomicheskij-krizis-2008-goda/> Дата обращения: 2.11.2022

54. Карта кластеров России [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://map.cluster.hse.ru/cluster/526> Дата обращения: 25.10.2022

55. Киселева Н.Н. Киселев В.В. Региональная парадигма устойчивого развития социально-экономической системы региона Успехи современного естествознания. 2007. № 11 с. 90-91

56. Кожевина О.В., Беляевская-Плотник Л.А. Сбалансированное устойчивое развитие «зеленого» предпринимательства регионов с использованием инструментов экономической безопасности// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. т.17, № 11. с. 2055–2070
57. Козлов В. Испытание для южного полюса роста//Эксперт-Юг.2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://expertsouth.ru/news/ispytanie-dlya-yuzhnogo-polyusa-rosta/> Дата обращения: 07.11.2022
58. Котов А.В. Оценка эффективности инструментов региональной политики // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. с. 352–362.
59. Краснодарский бизнес-форум «Стратегия для Юга: устойчивость или рост?»// Эксперт-Юг. 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://expertsouth.ru/events/krasnodarskiy-biznes-forum-strategiya-dlya-yuga-ustoychivost-ili-rost-/?sphrase_id=3852164 Дата обращения: 8.11.2022
60. Кузнецова Е. Политологи назвали лучшие и худшие регионы России по качеству управлени. Кто и почему возглавил антитоп по качеству управления// РБК. 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/12/01/2022/61dd6d939a7947a9dce70e82><https://www.rbc.ru/politics/12/01/2022/61dd6d939a7947a9dce70e82> Дата обращения: 29.10.2022
61. Кузьминов Я. Институты: от заимствования к выращиванию / Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин // Вопросы экономики. 2005. № 5 с. 10- 12
62. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. - М.: УРСС, 1997. - 368 с.
63. Ли В. Д. Международный опыт разработки моделей регионального устойчивого развития // Молодой ученый. 2016. № 5. с. 360-364

64. Лукинова О.А., Писаренко Н.Д. Выбор приоритетных вариантов инновационного устойчивого развития региона с помощью метода принятия управленческих решений // Инновации и инвестиции. 2018. № 3. С. 6-11.

65. Любушин Н.П., Бабичева Н.Э., Лылов А.И., Пуляхин Е.И. Экономический анализ влияния «больших вызовов» на устойчивость и непрерывность деятельности субъектов хозяйствования // Экономический анализ: теория и практика. 2020. Т. 19. Вып. 12. с. 2253–2275.

66. Макаров А., Козлов В, Ракуль Е. Крупный бизнес ЮФО 2022: рекордная прибыль перед кризисом//Эксперт. 2022. № 9. с. 17-21

67. Макаров И.Н., Назаренко В.С. ESG повестка как фактор конкурентоспособности бизнеса и регионов в контексте устойчивого развития // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2021. №24. с. 26-38

68. Мау В. Политические и правовые факторы экономического роста в российских регионах // Вопросы экономики. 2001. № 11. с. 17-33

69. Медовый А.Е., Медовый В.В. Инструменты «Зеленой» экономики в стратегиях развития рынка недвижимости России // Вестник экспертного совета. 2017. №2. с. 57-63

70. Методология оценки ESG. 2021 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/57a/kuqq9yivp38z1qzpz0j8qhx2zl79i9d9/20210921_ACR_A_Methodology_ESG.pdf дата обращения: 8.10.2022

71. Методология присвоения ESG-рейтингов субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям (некредитных рейтингов, оценивающих подверженность регионов экологическим и социальным рискам, а также рискам, связанным с управлением и реализацией стратегии и государственных программ в достижении целей устойчивого развития). Утверждена Приказом Генерального директора ООО «Национальное Рейтинговое Агентство» от 07 июня 2022 г. № ПР/07-06/22-1. М: 2022

72. Методология присвоения ESG-рейтингов. Методологический комитет Общества с ограниченной ответственностью «Национальные Кредитные Рейтинги». Протокол № 41 от «17» марта 2022 г. М.: 2022. 27 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ratings.ru/upload/iblock/8ad/ESG_methodology_170322.pdf Дата обращения: 12.10.2022

73. Митчелл У. Экономические циклы: Проблема и ее постановка. - М. - Л.: Госиздат, 1930. 504 с.

74. Насонов В. В. Проблемы устойчивого сбалансированного развития регионов, мониторинг экономического развития регионов // Проблемы современной экономики : материалы III Междунар. науч. конф. Челябинск : Два комсомольца, 2013. с. 138-145.

75. Норт Д. Пять тезисов об институциональных изменениях// Квартальный бюллетень клуба экономистов. Минск. 1998. № 4. с. 34-42

76. Омаров Ш. А.-О. Системно-динамическая модель устойчивого развития региона// Бизнесинформ. 2012. № 2. с. 353-360

77. Оперативный доклад об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации январь – июнь 2022 года. М.: Счетная палата РФ. 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1667994637&tld> Дата обращения: 06.11.2022

78. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007. 101 с.

79. Поляруш А.А. Противоречия рационального природопользования // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. №10-2. с. 72-74

80. Преснякова Д.В. О дефинициях «Устойчивость» и «Устойчивое развитие» в экономической науке // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 8. с. 129-132

81. Прогноз развития энергетики мира и России 2019 года. М: ФГБУН «Институт энергетических исследований Российской академии наук» НОУ Московская школа управления СКОЛКОВО. 2019. 54 с
82. Раевский С.В., Беляевская-Плотник Л.А., Сорокина Н.Ю. Методический подход к оценке диапазонов допустимых значений показателей состояния экономической безопасности Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 1. № 7. с. 19–25.
83. Ракуль Е., Козлов В. Почему юг России останется полюсом опережающего роста//Эксперт-Юг. 2022. № 10. с. 7-12
84. Рейтинг оценки усилий региональных органов исполнительной власти по созданию качественной среды для жизни граждан РФ (Рейтинг качества жизни). Агентство стратегических инициатив. М.:2021. 21 с.
85. Рейтинг регионов России по качеству жизни 2021-2022. РИА Новости [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://top-rf.ru/places/110-rejting-regionov.html> Дата обращения: 08.10.2022
86. Рейтинг социально-экономического положения регионов – 2021// РИА Рейтинг. 2021. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://riarating.ru/infografika/20210531/630201353.html> Дата обращения: 13.09.2022
87. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития государственно-частного партнерства за 2021 год. Министерство экономического развития РФ. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/de1738536995153cc65c8b47c5ff2520/eiting_gchp_2021.pdf Дата обращения: 25.09.2022
88. Рейтинг устойчивости инфраструктурных проектов. Аналитический обзор InfraOne Research. 2020. 28 с.
89. Романова Л. Минфин прогнозирует дефицит бюджетов регионов на следующие два года// Ведомости. 2022 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/07/10/930699-minfin-defitsit-byudzhetov> Дата обращения: 19.09.2022

90. Рощина И.В. Взаимосвязь и взаимообусловленность экономической и социальной политики в условиях социальной экономики // Вестн. Том. гос. ун-та. 2004. №283. с. 171-176

91. Рэнкинг: ESG-рэнкинг субъектов РФ [Электронный ресурс] Режим доступа: https://raex-rr.com/pro/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/analytics/ Дата обращения: 12.10.2022

92. Саитова В. «Шаги назад»: что будет с ESG-проектами после ухода иностранных компаний// РБК. 2022. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/green/632873db9a794758d8eef01e> Дата обращения: 22.09.2022

93. Сафонова И. В. Отчётность экономических субъектов: горизонты развития в фокусе ESG-трансформации цифровой экономики// Инновационное развитие экономики. 2021. №6. с. 239-244.

94. Семиглазова В.А., Салман О.Ф. Проекты «зеленой» экономики на Юге России: направления реализации // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. №1. с. 40-49

95. Силантьева И., Руденко А. На зеленый свет: как на Кубани ищут баланс между экологией и бизнесом// РБК. 2022. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/08/04/2022/624ff6059a7947258b49a0de> Дата обращения: 5.11.2021

96. Силин Я.П., Анимица Е.Г., Новикова Н.В. Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 3. с. 684–696.

97. Смелзер Н. Социология : пер. с англ.М.: Феникс, 1994, 688 с.

98. Смирнов Г. Возобновляемый рост//Коммерсант. 2022. № 81, с. 2

99. Сорокина Н.Ю. Концептуальная модель устойчивого развития региона // Мир новой экономики. 2013. №3-4. с. 22-28

100. Социально-экономическое положение регионов РФ// РИА Рейтинг Выпуск 47. Итоги I полугодия 2022 года. 228 с.
101. Старикова Е.А. Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2017. №1. с. 7-17
102. Стратегия социально-экономического развития Республики Северная Осетия-Алания до 2030 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru/material/file/19e28f0794c45959ff28a652c52492bb/stategoa.pdf> Дата обращения: 7.10.2022
103. Табачникова М.Б. Институциональная среда как фактор социально-экономического развития региона// Регион: системы, экономика, управление. 2017. с. 22-29
104. Тамбовцев В.Л. Устойчивое региональное развитие: актуальные направления институционального анализа // ИС. 2019. №3. с. 104-112
105. Таранова И.В., Янченко Д.В., Боева К.Ю. Основные направления реализации ESG-принципов в контексте устойчивого социо-эколого-экономического развития региона (на материалах Ростовской области) // Московский экономический журнал. 2022. №4. с. 242-251
106. Татаркин А.И., Львов Д.С., Куклин А.А., Мызин А.Л., Богатырев Л.Л., Коробицин Б.А., Яковлев В.И. Моделирование устойчивого развития как условие повышения экономической безопасности территории. - Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 1999. 276 с.
107. Терентьева К.Д., Шейкин А.Г. Формирование системы показателей качества жизни для оценки уровня устойчивого развития региона // Общество: политика, экономика, право. 2022. №4. с. 65-70
108. Тимофеев Р.А., Ячменев Е.Ф., Тимаев Р.А. Составляющие устойчивого развития региональной социально-экономической системы// Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. №2. с. 232-237
109. Тирских Т., Галиева Г. ESG-оценка развития российских городов: новые условия – новые задачи для территорий [Электронный ресурс] Режим

доступа: https://raexpert.ru/researches/sus_dev/esg_city_development_2022/

Дата обращения: 11.10.2022

110. Токаев Н.Х. О стратегических целях, задачах, направлениях и возможностях социально-экономического развития регионов// Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2017. № 1. С. 152-156.

111. ТОП-15 регионов в контексте «туризм» - июнь-август 2022[Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/research/11432/> Дата обращения: 25.10.2022

112. Тополева Т.Н. Концептуальные основы сбалансированного экономического развития регионов// Экономические исследования и разработки [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://edrf.ru/article/20-02-2019> Дата обращения: 24.10.2022

113. Устойчивое развитие и инфраструктура. Обзор трендов в России и мире. Национальный центр государственно-частного партнерства. ВЭБ РФ. 2021. 34 с.

114. Устойчивое развитие: Новые вызовы: Учебник для вузов/ Под общ. ред. В. И. Данилова-Данильяна, Н. А. Пискуловой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. 336 с.

115. Хафизова Ч.Д. Системообразующие элементы и факторы устойчивого развития социально-экономической системы региона // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2015. №22. с. 34-38

116. Циклические индикаторы// Комментарии о государстве и бизнесе. НИИ ВШЭ. 2022. № 439. 47 с.

117. Черенева В. Названы регионы с самой низкой неформальной занятостью населения// Российская газета. 2021 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rg.ru/2021/09/15/reg-szfo/kolichestvo-rabotaiushchih-v-teni-vyroslo-na-poltora-milliona-chelovek.html> Дата обращения: 28.10.2022

118. Четверть природных ресурсов страны - в Восточной Сибири// Эксперт. 2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://raex->

rr.com/country/region_potential/rating_of_regions_by_resources_potential#table

Дата обращения: 13.09.2022

119. «Что дальше? Контуры сценариев долгосрочного прогноза». Доклад Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2022/TT2022_13.pdf Дата обращения: 29.08.2022

120. Шаванс Б. Типы и уровни правил в организациях, институтах и системах // Вопросы экономики. 2003. № 6. с. 5-9.

121. Шалмуев А.А. Теоретико-методологические основы устойчивого развития региона // Инновации. 2006. №3. с. 28-32

122. Шишкина Е.А. Формирование устойчивой инфраструктуры региона: подходы к определению и оценке // Вестник экономики, права и социологии. 2022. №1. с. 46-50

123. "Экономика регионов: итоги I полугодия 2022 года" Материал экспертов ИКСИ об итогах I полугодия 2022 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://icss.ru/vokrug-statistiki/ekonomika-regionov-itogi-i-polugodiya-2022-goda> Дата обращения: 06.10.2022

124. Acemoglu D., Robinson J. The Economic Nature of the Resource Curse: Mechanisms // Why Nations Fail [Site]. May 23, 2013. URL: <http://whynationsfail.com/blog/2013/5/23/the-economic-nature-of-the-resource-curse-mechanisms.html> (accessed: 18 09.2022).

125. Agenda 21, Programme of Action for Sustainable Development, UN Doc A/Conf.151/26, 1992. 351 p.

126. Akhmedjonov A., Il'ina I. N., Carol S. Leonard, Nazarov Z., Plisetskij E. E., Vakulenko E. S. Russias regions: governance and well-being, 2000-2008. BASIC RESEARCH PROGRAM WORKING PAPERS SERIES: Economics WP BRP 42/EC/2013. 25 p.

127. Berry R. Reflections on «The Limits to Growth» – Bulletin of Atomic Scientists, November 1972. p. 158

128. Commons John R. "Institutional Economics" *American Economic Review*, vol. 21 (1931), p. 649
129. Costanza R., Daly H.E. *Natural Capital and Sustainable Development // Conservation Biology*. Mar., 1992. Vol. 6. No. 1. Pp. 37—46 [Electronic resource]. Mode of access [http://www.life.illinois.edu/ib/451/Costanza%20\(1992\).pdf](http://www.life.illinois.edu/ib/451/Costanza%20(1992).pdf)
130. Foster K.A. *A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience*. - URL: <http://iurd.berkeley.edu/wp/2007-08.pdf>, Hill E.W., Wial H., Wolman H. *Exploring Regional Economic Resilience*. - URL: https://www.researchgate.net/publication/286379676_Exploring_Regional_Economic_Resilience
131. Gureva M.A., Litvinenko I.L., Shichiyakh R.A., Kolpak E.P., Novoselova N.N. Cluster-management as a technology for increasing the efficiency of territory resource exploitation in a region// *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. T. 6. № S8. C. 143-147.
132. Güney, T. (2017) Governance and sustainable development: How effective is governance? // *Journal of International Trade & Economic Development*, 26(3). p. 316-335.
133. Hofstede Geert *Cultures and Organizations: Software of the mind: Intercultural Cooperation and its importance for survival*. New York: McGraw-Hill, 1997. p. 79-108.
134. Kozenkow, J. (2018). The role of institutions in achieving sustainable development // *On Research*, 1(1), p. 95-11
135. Knight J. *Institutions and Social Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. p. 234
136. Lindgreen, A., Vallaster, C., Maon, F., Yousafzai, S. and Florencio, B. P. (Eds.) (2018). *Sustainable Entrepreneurship: Discovering, Creating and Seizing Opportunities for Blended Value Generation*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315611495>.

137. Malodia, S. and Bhatt, A. S. (2019). Why Should I Switch Off: Understanding the Barriers to Sustainable Consumption? // Vision - The Journal of Business Perspective, 23(1): paper 0972262919840197.

138. Meadows D. H., Meadows, D. L., Randers, J., Behrens, W. 1972: The limits to growth. – New York: Universe Books, 1972. p. 158

139. Mirgorodskaya E.O., Sukhinin S.A., Tavbulatova Z.K. South russia geopolitical and macroeconomic transformations in modern global development trends // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich. Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute. 2020. С. 721-728.

140. Nordhaus W. D. Climate Club Futures: On the Effectiveness of Future Climate Clubs // Cowles Foundation Discussion Papers. 2619. 2021 // URL: <https://elischolar.library.yale.edu/cowles-discussion-paper-series/2619>

141. Pacheco P., Barry, D., Cronkleton, P. and Larson, A. M. (2008). The role of informal institutions in the use of forest resources in Latin America. Bogor: Center for International Forestry Research. Forests and Governance Programme, No. 15/2008. 92 p.

142. Robertson R., Knondker H. Беседы о глобализации: Предварительные рассмотрения // международная социология. – L., 1999. Издание 13,В»-1. –P. 25-40. Robertson R., Knondker H. Discourses of globalization: Preliminary considerations //International sociology. – L., 1999. Vol. 13,№1 1. –p. 25-40.

143. Ross P. Sustainable Development in an International Perspective – Handbook of Globalization and the Environment, CRC Press, Boca Raton, 2006.p.31-47

144. Sachs J., Warner A. The Curse of Natural Resources // European Economic Review. 2001. Vol. 45. p. 827-838.

145. Tatuev A.A. Building of the model of sustainable competitive advantages of the region// International Business Management. 2015. Т. 9. № 7. С. 1656-1663.
146. The new energy crisis// The Spectator.2022. № 38.
147. Torvik R. Why Do Some Resource-abundant Countries Succeed, While Others Do Not? // Oxford Review of Economic Policy. 2009. Vol. 25. No 2. P. 241-256.
148. Veblen T. The place of Science in Modem Civilization and Other Essays. N. Y., 1919. p. 239.
149. Wicher J. (2014). The relationship between informal institutions and a sustainable development-Evidence from a panel data set // International Journal of Business and Management, 2(3). p. 172-191
150. Windsor D.(2017).Multi-Level Social Institutionsin Conflictover Sustainable Development // Critical Sociology, 44(4): paper 089692051770833. DOI:10.1177/0896920517708338
151. World Commission on Environment and Development. Our Common Future. 1987, p. 13.
152. <https://rosstat.gov.ru> – официальный сайт Росстата РФ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Объем работ по виду деятельности «строительство» в южнороссийских регионах и федеральных округах РФ, % за январь-июль 2022 г. к 2021 г.

Регион	Млн. руб.	%
РФ	5892,1	104,5
ЦФО	1672412,4	108,0
Северо-Западный ФО	598223,5	95,9
Южный ФО	447080,1	100,6
Республика Адыгея	11315,1	94,1
Республика Калмыкия	1481,3	71,1
Республика Крым	79690,1	130,6
Краснодарский край	166629,1	93,6
Астраханская область	15703,9	70,7
Волгоградская область	44608,2	109,6
Ростовская область	110046,2	95,9
г. Севастополь	17606,3	129,6
Северо-Кавказский ФО	228886,4	106,1
Республика Дагестан	84722,6	108,6
Республика Ингушетия	6683,4	83,1
Кабардино-Балкарская Республика	13135,3	105,3
Карачаево-Черкесская Республика	7439,3	60,1
Республика Северная Осетия - Алания	10148,9	138,2
Чеченская Республика	41000,2	130,8
Ставропольский край	65756,7	99,0
Приволжский ФО	915119,4	108,9
Уральский ФО	861132,0	93,0
Сибирский ФО	686856,8	114,2
Дальневосточный ФО	474446,5	101,5

Структура источников бюджетного финансирования инвестиций в
основной капитал по регионам ЮФО и СКФО

Регион	Федеральный бюджет	Региональный бюджет	Местный бюджет
Южный федеральный округ	19,1	5,4	2,3
Северо-Кавказский федеральный округ	24,1	7,1	2,0
Республика Адыгея	36,7	8,2	2,8
Республика Калмыкия	16,4	2,4	1,1
Республика Крым	51,9	7,8	1,2
Краснодарский край	9,0	3,7	2,0
Астраханская область	2,4	1,6	1,0
Волгоградская область	16,1	6,6	1,0
Ростовская область	16,9	7,9	5,7
г. Севастополь	71,3	9,0	0,01
Республика Дагестан	34,9	26,9	3,3
Республика Ингушетия	73,0	13,5	1,9
Кабардино-Балкарская Республика	39,2	14,6	11,3
Карачаево-Черкесская Республика	31,8	5,3	1,6
Республика Северная Осетия - Алания	44,6	2,8	1,6
Чеченская Республика	26,0	5,0	1,6
Ставропольский край	10,4	3,6	1,0

Приложение 3

Доля прироста или снижения сбережения населения на вкладах в 1-2
квартале 2022 г., %

Регион	1 квартал 2022 г.	2 квартал 2022 г.
Российская Федерация	-11,2	+9
Центральный ФО	-19,0	+12,8
Северо-Западный ФО	-9,0	+11,1
Южный ФО	-7,3	+8,6
Республика Адыгея	-5,1	+5,6
Республика Калмыкия	-12,4	+7,5
Республика Крым	-12,5	+7,3
Краснодарский край	-7,5	+7,6
Астраханская область	-10,1	+9,4
Волгоградская область	-6,8	+9,6
Ростовская область	-5,4	+10,9
г. Севастополь	-4,7	+3,4
Северо-Кавказский ФО	-5,2	+6,5
Республика Дагестан	-3,9	+5,1
Республика Ингушетия	-12,9	+2,9
Кабардино-Балкарская Республика	-5,2	+5,9
Карачаево-Черкесская Республика	-10,2	+4,7
Республика Северная Осетия - Алания	-8,6	+8,7
Чеченская Республика	-4,0	+4,8
Ставропольский край	-5,1	+9,6
Приволжский ФО	-4,2	+11,0
Уральский ФО	-3,9	+9,2
Сибирский ФО	-5,3	+11,8
Дальневосточный ФО	-10,2	+11,8